

Л.Н. Толстой–публицист (1880-е – 1900-е гг.)

Р.В. АЛТУХОВ

2011

«... Если служить людям писанием, то одно, на что я имею право, что должен делать, это обличать богатых в их неправде и открывать бедным обман, в котором их держат».

Предметом внимания автора стала деятельность Л.Н. Толстого как публициста и религиозного мыслителя в 1880-1900-е гг. Опираясь как на тексты самого писателя, так и на другие источники, автор анализирует тематику толстовских выступлений и представляет своё видение их исторической роли и значения в мировой и российской истории. Подчёркивается актуальность высказанных Л.Н. Толстым идей в деле разрешения ряда проблем, унаследованных человечеством от XIX-XX вв.

Содержание.

Введение

Глава 1. Истоки и основы мировоззрения Л.Н. Толстого-публициста в 1880-1900-е гг.

- 1.1. Действительность и характер её влияния на мировоззрение Л.Н. Толстого.....
- 1.2. Идейные истоки и смысл Теории Толстого о непротивлении злу насилием.....
- 1.3. Историзм и идеализм (исповедание веры).
- 1.4. Толстой о лжеучителях противления (церковь и наука)
 - 1.4.1. Критика состояния церкви
 - 1.4.2. Толстой о «свободно» прогрессирующей научной мысли
- 1.5. Собственность или человечность?
- 1.6. Общинность или государственность?
- 1.7. Выводы.

Глава 2. Л.Н. Толстой-публицист о патриотизме и милитаризме.

Глава 3. Россия и русский народ в публицистике Л.Н. Толстого (1880-1900-е гг.)

- 3.1. Нищета, невежество, омрачённость, насилие и разврат (первые впечатления Л.Н. Толстого в Москве).
- 3.2. Голод, бессилие и самообман: предвестники ужасов большевизма.
- 3.3. Безверие. Истязатели и истязуемые. ...
- 3.4. Казни. Бессмысленность и беспощадность.
- 3.5. Рабство – не изжитое и утвердившееся в новых формах.
- 3.6. Перед лицом революционной угрозы ...
- 3.7. Общий вывод.

Глава 4. Идейное и художественное своеобразие публицистики Л.Н. Толстого по проблеме земельной собственности

Глава 5. Л.Н. Толстой о революционном преобразении России и о всемирном его значении.

5.1. Крах одной старой иллюзии.

5.2. Порыв к свободе: «конец» ... и вновь начало (Толстой и политическая реальность в России 1904-1907гг.).

5.3. О революции и о жизни грядущей.

5.4. Последние замечания и выводы. ...

Заключение.

Прибавление к Закл^ючению.

Литература.

Введение.

*«Есть хвалители, есть порицатели,
но совестливых и толковых судей нет»*

(Н.С. Лесков. «О рожне. Увет сынам противления»)

Литературная деятельность Л.Н. Толстого, не только непревзойдённого художника слова, но и публициста, мыслителя второй половины XIX – начала XXвв. – это уникальное явление в истории русской и мировой культуры. Его теоретическое наследие насчитывает около 300 произведений на общественно-политические, философские, эстетические, педагогические, экономические, юридические и другие темы.

Постоянные философско-публицистические отклики писателя на самые жгучие вопросы политического, экономического и духовного развития эпохи представляют как литературоведческий, так и историко-философский интерес. Ведь к последним 28 годам жизни Л.Н. Толстого принадлежит не только самая беспощадная ко лжи и суевериям, но и самая зрелая и политически актуальная его публицистика, исследованию которой и посвящена данная работа.

Значимость и актуальность разработки данной темы очевидны для нас, если исходить из того, что те полузабвенье, замалчивание, та идеологизированная ложь о Толстом, которые были навязаны читателю в 30-80-е гг. прошлого столетия, породили ряд мифов о мыслителе и художнике, стойко удерживающих свои позиции и в современной литературе, не говоря уже о массовом сознании. О некоторых из них поговорим позже.

¹ Текст данной работы был составлен в основном в 2007-2008гг. на основе некоторых конспектов, рукописей и заметок, созданных нами в разное время, в период с 1994 по 2006гг. Некоторые изменения и сокращения относятся к 2010-2011г.

Наша цель: проблемно-тематический анализ сочинений Л.Н. Толстого, неотторжимый ни от её конкретно – исторического окружения, ни от вечно-злободневного в российской и мировой действительности. Это должно помочь читателю памятовать духовный образ великого писателя, мыслителя и публициста, слушать и слышать его живое слово не как догму из забытого прошлого, а как актуальное руководство поступками в личной и общественной жизни века нынешнего. Мы намерены проследить мировоззренческие истоки, раскрыть идейное содержание и охарактеризовать социально-политическую направленность ряда публицистических работ Л.Н. Толстого 1880 – 1900-х гг., а также проанализировать связь задач и идей автора с художественными средствами, которые служат реализации авторского замысла.

Задачи данного исследования таковы:

1. проанализировать идейные истоки и раскрыть содержание ключевых выступлений Л.Н. Толстого в печати по ряду важнейших проблем российской и мировой действительности;
2. заострить внимание на важнейших и по сей день актуальнейших проблемах, отражённых в статьях и письмах Л.Н. Толстого: первая – проблема свободы и принуждения в сфере образования и воспитания, в социальном бытии в целом; вторая – земельная и, шире, частная собственность (вековая проблема России, хотя и не только России), третья – патриотизм и война (исконные и всемирные беды);
3. охарактеризовать художественные особенности публицистических текстов Л.Н. Толстого, в тех случаях, когда они особенно значимы для осмысления всего выступления в целом.

Такое сочетание задач исследования не случайно: оно, как нам кажется, не противоречит ни «вехам биографии», ни особенностям мировоззрения самого

Толстого – публициста и имеет внутреннюю логическую связь: «несвободное» воспитание, обман детей, насилие над ними имеют последствиями насилие в обществе, проявляющееся, в частности, в формах «насилия собственности» и военных кровопролитий. Художественные же приёмы, очевидно, насыщены мощным потенциалом идейного воздействия на читателя, как и должно быть в текстах признанного гения художественного слова.

Итак, предметом нашего исследования станет идейный комплекс публицистических выступлений Л.Н. Толстого и его художественное воплощение.

В нашей работе будет затронут тот круг проблем, который дал материал для выступлений Л.Н. Толстого в печати и полемики с ним представителей различных идейных течений и политических партий, тот «гордиев узел» противоречий исторического прогресса, который, на своём поприще теоретика, не без успеха развязывал Лев Николаевич Толстой. Революционные перевороты 1905 – 1917гг. «разрубали по живому» этот узел, но и по сей день он всё новыми и новыми петлями душит человечество, не внявшее голосу из Ясной Поляны. Петли эти суть: противоестественное, болезненное неравенство людей в их общественной жизни; устройство жизни одних людей ценой унижений, страданий, даже гибели других; социальное насилие, массовый обман и самообман. Главное же зло – религиозный конформизм, равнодушие или циничное приспособленчество мнимоверующих к этим и прочим социальным бедствиям вместо борьбы с ними, оправдание ими своего невыполнения жизнетворящих заповедей веры.

Проблема безверия и его преодоления стала самостоятельным предметом исследования в публицистике Л.Н. Толстого 1882 – 1910 годов, дававших для такого исследования богатый материал. Но хронологические рамки нашей работы шире, ибо истоки центральных идей поздней публицистики

писателя – в его более ранних заметках и выступлениях 1850 – 1860-х гг. Объектом исследования, таким образом, стали ключевые статьи, заметки, наброски, дневниковые записи и ряд писем Л.Н. Толстого 1850 – 1860-х и 1882 – 1910 гг.

В эти годы в России продолжались процессы «модернизации», озападнявшие всё более и более широкие слои трудящегося населения. Многочисленные издержки и крайности длительного периода буржуазного реформирования в сочетании с худшими пережитками феодальной деспотии, противоречия в политике самодержавия, поиск врагов вместо решений проблем, срывы в социальное насилие – всё это не могло не вызвать острой критики и споров мыслящих людей о характере и перспективах необходимых преобразований, в свете потребности самоопределения России и русского народа в канун сулящего грозные испытания XX века. Шёл поиск своего пути, некой «золотой середины» в развитии страны, без отрыва от национальной духовной почвы, христианских традиций, но с учётом объективных особенностей культурного бытия всех её народов. Это делало в указанные годы **русскую** консервативно – либеральную мысль достойным участником общественного движения, равным по значимости **прозападным** по своему мировосприятию течениям как либерализма, так и революционно-демократического и консервативно-охранительного лагерей. Поэтому мы исходим из необходимости отказа от прежней практики анализа объективно-либеральных программ общественных деятелей и публицистов как принадлежащих заведомо к «реакции», либо, напротив, излишне революционных, то есть принадлежащих к крайним прозападным течениям русской общественной мысли, таким как социализм или классический европейский анархизм.

Если учесть громадные в масштабе человеческой жизни хронологические рамки нашего исследования, то

становится понятной необходимость использования нами ряда биографических сведений о писателе. «Биография мысли» неизбежно тесно связана с биографией мыслителя.

Вполне естественным для решения поставленных задач мы считаем применение системного и хронологического методов, отражённых как в структуре, так и в содержании данного исследования.

Чрезвычайно актуален герменевтический метод. И вот здесь-то Л.Н. Толстой-публицист уникально уязвим. К сожалению, остаётся в силе приём некоторых авторов, которые вычлениют из общего идейного контекста статьи, письма (иногда – не оконченных, черновых) или, тем более, устных высказываний Толстого, слишком тщательно фиксировавшихся «для потомков» его окружением, «доказательства» в пользу почти любой из возможных и даже части невозможных идейных позиций автора: от *юродивого* аполитичного «мирного богоискательства» до «бесноватости» и революционерства Толстого-публициста. Мы считаем недопустимыми любые крайние позиции при раскрытии идейного смысла и художественного своеобразия публицистики Л.Н. Толстого, если они не находят текстологического подтверждения на материале центральных, либо, по крайней мере, завершённых и подготовленных к печати его работ. Допустимы аргументы на основе добросовестных цитат из набросков статей и других произведений писателя, его Дневника, записных книжек или писем, но лишь в том случае, если они относятся к тому же периоду жизни и творчества Толстого, что и анализируемые статьи. Черновые наброски и варианты работ позволяют проследить работу мысли Толстого в её конкретно-историческом окружении. Дневник и записные книжки дают ценную биографическую информацию. Но недопустимо, к примеру, толковать побуждения автора конкретной статьи на основании его печатного, а тем более устного, зафиксированного третьим лицом,

высказывания, отстоящего по времени фиксации на много лет от анализируемого источника.

Историко-типологический метод исследования должен помочь нам определить как направление, ориентацию консервативной по мировоззрению **мысли** Л.Н. Толстого (народ), так и уровень и направление политической программы писателя и публициста. Последняя, как мы покажем в своём месте, существенно расходилась с консерваторами и ориентировалась до поры на самодержавие.

Приложим к решению задач нашего исследования и метод историко-системный, хотя и с оговорками. Дело в том, что Лев Николаевич, раз выразив своё мнение в публицистическом отклике на политические события в стране и в мире, принципиальнейшее в дальнейшие дискуссии не вступал (конечно, допускались исключения: ответы спрашивающим, недоумевающим или возражающим читателям). С другой стороны, не всякое его публицистическое слово к современникам получало должное к себе внимание и скорый ответ.

Теперь рассмотрим ряд наиболее, на наш взгляд, теоретически значимых и показательных исследовательских работ XX - нач.XXI вв., коррелирующих, полностью или в какой-то своей части, с тематикой данного исследования. Почти столетие, прошедшее со дня смерти писателя, не прибавило беспристрастности авторам, поддерживающим две исконные негативные тенденции отечественного толстоведения. Одна из них, «советская», имеет своим началом статьи В.И. Ленина и А.В. Луначарского (1900 – 1920-е гг.), относивших Толстого к стану социальных борцов, «противоречиво» державшихся за отжившие свой век религиозные догмы и социальные утопии. Следуя определённым названными «светочами мысли» непоколебимым курсом на «применение ленинского

метода в литературоведении», советская наука проделала колоссальную, политически значимую работу над толстовским публицистическим наследием. Немногие, в какой-то степени уворачивавшиеся от «купания» в общей идеологической струе, заслужили ниже наше самое благосклонное внимание.

Вторая генеральная тенденция в литературе о Толстом, ещё досоветская, но усилившаяся в годы, следовавшие за отвержением отечественным литературоведением советских идеологических доктрин – это тенденция «опровержения» не только позитивного значения толстовской публицистики, но даже художественного гения писателя, по крайней мере – в последние десятилетия его творческой деятельности. Параллельно и взаимосвязано авторы развивают тему личностной «ненормальности» Толстого, повлиявшей, как намекается, и на его поведение, и на тексты его наиболее неприятных сочинений. Стоит подчеркнуть, что вторая тенденция поддерживается и рядом зарубежных авторов. Она, тем не менее, вовсе не противостоит вышеназванной и идейно не изолирована от неё. Их обе роднит повторяющаяся мысль о том, что великий писатель и мыслитель в последние 28 – 30 лет своей жизни весьма *«неадекватно»* воспринимал ситуацию в русском обществе и в мире, жил иллюзиями, а потому, учитывая авторитет его печатного слова, был не то «объективно реакционен», причинив вред делу великой пролетарской революции и классовой борьбы («советская» тенденция), не то, всё-таки, «объективно революционен» (т.е., по мысли авторов второго лагеря, повинен в торжестве того, чему, по версии их оппонентов, причинил вред).

Подборку «иллюстративного материала» к нашему тезису начнём, пожалуй, с примера относительно «красивого» – с молодого, страстного и ещё не «поправевшего» в самом начале XXв. В.Г. Короленко. Серия его статей о Толстом (1908 - 1910) явилась итогом более чем 20-летних наблюдений и раздумий. Некоторые

из идей первой статьи («Лев Николаевич Толстой») автор формулировал ещё в дневниковой записи от 4 июля 1887 года. Толстой в эти годы представлялся В.Г. Короленко оторванным от действительности проповедником первоначального христианства, который, уверовав, «уже не хочет признавать, что он не еврей первого века, не один из малых сих, а капиталист, писатель и граф»². В упомянутой выше статье 1908 г. В.Г. Короленко от имени разночинной интеллигенции выражает недовольство тем, что Л.Н. Толстой «не хочет знать и не желает считаться» с «людьми среднего состояния», горожанами – разночинцами³. Толстой, по версии Короленко, – идеалист, наивный в своём консерватизме проповедник, не ведающий, что для успеха проповеди внутреннего самосовершенствования людям «необходимы лучшие, более *нравственные* формы общественных отношений», а для этого нужны борьба и жертвы на алтарь «храма будущей свободы»⁴.

Заслугой же Л.Н. Толстого-публициста В.Г. Короленко признаёт осуждение и обличение им смертных казней в работах, подобных по тематике статье «Не могу молчать», которыми Лев Николаевич «поднял печатное слово на высоту, недостижимую для преследования»⁵.

И всё же, признаёт В.Г. Короленко во второй из своих статей «Л.Н. Толстой» (опубл.: «Русские ведомости», № 199, 28 августа 1908 г.), великий писатель – не более чем блаженный «художник - мечтатель», за которым «в страну его мечты» не может следовать истинный социальный борец⁶.

В связи с появлением 8 сентября 1907 года в кадетских газетах «Русские ведомости», «Товарищ», «Речь» и в ряде других либеральных изданий статьи Л.Н. Толстого «Не убий никого», Г.В. Плеханов, один из

² Короленко В.Г. Собр. Соч.: В 10 т. М., 1955. Т. 8. С. 472

³ Его же. Лев Николаевич Толстой // Указ. изд. Т. 8. С. 102.

⁴ Там же. С. 112.

⁵ Там же. С. 115.

⁶ Его же. Л.Н. Толстой // Указ. изд. Т. 8. С. 122.

меньшевистских лидеров, публикует в левокадетском «Товарище» статью «Симптоматическая ошибка». Здесь он отстаивает многократно уже оспоренную Толстым «нравственную чистоту побуждений» кадетов и меньшевиков и сравнивает при этом автора «Не убий никого» с «самыми злыми врагами» грядущей свободы из лагеря крайне правых⁷. Миросозерцание Л.Н. Толстого Плеханов провозглашает сектантским, ибо публицист, якобы, «совсем не умеет взглянуть на жизнь и нужды окружающего его общества с *исторической точки зрения* и потому оказывается решительно неспособным понять *исторические задачи своего времени*»⁸. Можно ли в чём-нибудь ещё столь же несправедливо и напрасно винить Льва Николаевича?

В декабре 1910 года в большевистской газете «Звезда» появилась статья Плеханова «Заметки публициста», имевшая весьма «симптоматический» подзаголовок – «Отсюда и досюда». В ней вполне раскрылось стремление марксиста Плеханова оторвать Толстого-художника от Толстого-мыслителя и противопоставить их друг другу. Критик писал, что он как марксист любит Толстого «только «отсюда и досюда» и считает его «гениальным художником и крайне слабым мыслителем»⁹. Важное разъяснение этого утверждения мы находим в статье Плеханова «Смещение представлений», опубликованной в то же время в журнале «Мысль» (декабрь 1910 – январь 1911). Здесь Плеханов именует мировоззрение Л.Н. Толстого «мёртвой страной квиетизма», объявляет его научение о доброй и разумной жизни безнравственным, ибо оно оторвано от реалий русской жизни и глубоких истин диалектического материализма К.Маркса и Ч. Дарвина¹⁰.

⁷ Плеханов Г.В. Симптоматическая ошибка // Л.Н. Толстой в русской критике: Сб. ст. 2-е изд., доп. М., 1952. – С. 362.

⁸ Там же. С. 365.

⁹ Его же. Заметки публициста // Указ. изд. С. 371.

¹⁰ Его же. Смещение представлений // Указ. изд. С. 395, 398, 400.

О последнем в жизни Л.Н. Толстого публицистическом выступлении, письме-завещании русским либералам «Действительное средство», Плеханов в статье «Карл Маркс и Лев Толстой» пишет неодобрительно. Мол, только человек с толстовским пониманием жизни «мог, умирая, сказать своей стране: я не признаю за тобою никакого права, кроме права содействовать нравственному исправлению твоих мучителей»¹¹. Понятно, что, как критик Толстого, признающий действенность, главным образом, «критики посредством оружия»¹², полагающий для себя Маркса и Дарвина авторитетнее Евангелий, Плеханов и не мог понять ни того, что умирающий великий мыслитель – христианин мог, и должен был, и *имел право умирающего* на такой призыв к собратьям, ни того, что следование этому призыву могло бы избавить революционеров от необходимости прибегать к оружию, а страну – от неисчислимых бедствий и смут.

Осенью 1908 года, в связи с 80-летием писателя, вышла первая из серии статей о Л.Н. Толстом лидера большевистского уклона в российской социал-демократии В.И. Ульянова (Ленина) – «Лев Толстой как зеркало русской революции». Здесь автор оценивает наследие Л.Н. Толстого с позиций защиты коренных, по его мнению, интересов русского освободительного движения. Не делая скидок на юбилей, а, скорее, пользуясь общей вокруг него шумихой, очень неприятной для самого Льва Николаевича, он представляет творчество писателя и его христианское научение в искривлённом донельзя зеркале собственного жизнепонимания партийного вожака, обременённого необходимостью разрешения специфических проблем политики и идеологии.

В.И. Ульянов (Ленин) признаёт «оригинальность» взглядов Л.Н. Толстого, выражающих в своей совокупности, как он пишет, «особенности нашей

¹¹ Его же. Карл Маркс и Лев Толстой // Указ. изд. С. 418.

¹² Там же. С. 423 – 424.

революции, как крестьянской буржуазной революции»¹³. Автор имеет в виду тот, по его словам, «исторический грех толстовщины», благодаря которому пропагандистам не удалось в 1905 – 1906гг. бросить массы солдат и крестьян «с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников»¹⁴.

На смерть же Л.Н. Толстого В.И. Ульянов (Ленин) ответил поспешным и весьма своеобразным «некрологом» - статьёй «Л.Н. Толстой» в газете «Социал-демократ» за 16 ноября 1910г. Здесь автор вновь подчёркивает своё нежелание простить уже умолкнувшему навсегда публицисту его патриархально-крестьянской политической наивности, которую он видит и в научении мыслителя о «непротивлении злу», и в «проповеди новой, очищенной религии», и, главное, в «совершенно апатичном отношении к той всемирной освободительной борьбе, которую ведёт международный социалистический пролетариат»¹⁵.

«Правильная оценка Толстого, - даёт установку вождь большевизма, - возможна только с точки зрения социал-демократического пролетариата»¹⁶. Составной её частью, как мы знаем, стала переосмысленная Ульяновым (Лениным) популярная в печати концепция Толстого - «зеркала» всей окружающей жизни. В статье «Л.Н. Толстой и современное рабочее движение» проводится идея о том, что Толстой «отразил» в своём учении «протест миллионов крестьян и их отчаяние» в условиях пореформенной России, но не смог даже *теоретически* разрешить, а лишь **поставил**, ряд вопросов общественно-политической важности и значительности¹⁷.

В статье 1911г. «Л.Н. Толстой и его эпоха» В.И. Ульянов (Ленин) вновь представляет писателя идеологом

¹³ Ленин В.И. Полное собр. соч., Т. 17. С

¹⁴ Ленин В.И. Указ. изд. Т.17. С. 211 – 213.

¹⁵ Его же. Указ. изд. Т. 20. С. 21.

¹⁶ Там же. С. 22.

¹⁷ Там же. С. 38, 40.

ушедшей в прошлое предреволюционной эпохи, потерпевшем крах в своей пропаганде «восточного строя, азиатского строя»¹⁸.

Последняя из интересующих нас статей В.И. Ульянова (Ленина) о Толстом - «Герои “оговорочки”» (1911), опубликованная в подконтрольном большевикам журнале «Мысль». Она стала ответом на выступления в октябре 1910 года в журнале меньшевиков - «ликвидаторов» «Наша заря» М. Неведомского и В.А. Базарова (псевдоним экономиста и философа В.А. Руднева, бывшего большевика, с 1907г. перешедшего на позиции критика марксизма). В своей оценке Л.Н. Толстого они сближались с либеральной мыслью, видя в писателе и публицисте воплощение «общечеловеческого идеологического начала – начала совести»¹⁹.

Нельзя не признать серьёзности и правильности некоторых воззрений В.А. Базарова, которому Ульянов ответил вышеназванной отповедью. Деятелей либерального движения, как и своих бывших товарищей по партии, В.А. Базаров призывает поучиться у Толстого, и прежде всего – цельности мирозерцания, необходимой составной частью которого должна быть «гармония средства и цели», то есть ненасилие. Показателен отзыв «Ленина» на это суждение В.А. Базарова: «чистейшая веховщина»²⁰.

В.А. Базаров выражает уверенность в том, что «движение», якобы «основанное» Львом Толстым, не должно умереть. «Ему действительно суждено сыграть великую всемирно-историческую роль», несмотря на черты утопии и архаики, «субъективные элементы» воззрений писателя и публициста²¹. «Нечего изображать нашу слабость в виде силы, - подчёркивает автор, - в виде превосходства над «квиетизмом» и «ограниченной рассудочностью» Толстого. Этого не следует говорить не только потому, что это противоречит истине, но и

¹⁸ Там же. С. 102 – 103.

¹⁹ Цит. по: Л.Н. Толстой в русской критике. Сб. ст. - М., 1952. – Примечания. – С. 633.

²⁰ Ленин В.И. Указ. изд. Т. 20. – С. 92.

²¹ Там же. (Цит. в статье В.И. Ульянова. – Р.А.)

потому также, что это мешает нам учиться у величайшего человека нашего времени. А поучиться у него есть чему каждому из нас, к какому бы общественному лагерю мы ни принадлежали»²².

В первые годы Советской власти, на волне всепобедного революционерства, следует признать, большинство лояльных новому режиму исследователей живо откликнулись на призыв Д.А. Бондарева изучать у Толстого что угодно, но не его публицистику²³. «Дирижёром» этого послушного «оркестра» стал, по смерти В.И. Ульянова, не иной кто, как первый идеолог и проводник пролетарской культуры, нарком просвещения (с 1917г.) А.В. Луначарский, благословивший советскую науку на спекуляции вокруг «глубоко революционного характера» критической стороны толстовской публицистики. Следуя проложенным «Ильичом» курсом, Луначарский в своих статьях и лекциях развивает некоторые из «ленинских» идей, «противопоставляя» их большевистскому же порождению - «вульгарному материализму» (разумелась вульгаризация «научного» диалектического материализма, адептом которого был Ульянов). В условиях убедительной победы «рабочей революции» он легко подводит под изыски ульяновской публицистики научно-исторический фундамент. На первый план у автора выступает анализ «положительного» содержания толстовских выступлений против помещичье-буржуазного государства, частной собственности, армии, суда, церкви. Особо подчёркиваются религиозное отщепенчество Толстого и его сочувствие трудящейся бедноте. Писатель изображён столь большим демократом и гуманистом, каким он, смеем утверждать и надеяться, не был и не мог быть даже и в «поздний» период своего творчества. Нет сомнения, что это мифотворчество было продиктовано идеологическими условиями Советской России 20-х гг. Необходимо было,

²² Цит. по: Л.Н Толстой в русской критике. Сб.ст. – Указ. изд. – Примечания. - С. 633.

²³ Бондарев Д.А. Толстой и современность. Л., 1928. – С. 93.

с одной стороны, привлечь к строительству социализма «старую» интеллигенцию, с другой – «идейно подковать» культурный «молодняк»: ведь копыта революции ещё не растоптали толстовства, столь ненавистного правоверным «ленинцам»!

Впрочем, по идеологической надобности, А.В. Луначарский и сам охотно сближался с вышеназванной модной «матвильгарщиной». Например, в статье 1926г., неслучайно опубликованной впервые в газете «Комсомольская правда», Луначарский изобразил Л.Н. Толстого «барином, помещиком», имеющим «основное социальное чувство» - «ненависть к побеждающей помещика буржуазии»²⁴. Опять же, это суждение совершенно нельзя отнести к «позднему» Толстому, о котором Луначарский как будто бы «забыл» в этой связи.

С несомненной целью дискредитации Л.Н. Толстого в умах «комсомольцев» - тех, кто уже не мог помнить его живым или знать правду, А.В. Луначарский старательно изображает писателя страстным последователем Ж.-Ж. Руссо. По его версии, Толстой с юных лет до старости призывал к «отказу» от всякого прогресса и цивилизации, к возврату в аграрно-патриархальный «золотой век»²⁵. При этом, однако, он не стал защитником интересов «помещичьего класса», а, примкнув идейно к крестьянству, «стал расшибать в пух и прах в теоретической своей пропаганде, как художник и как публицист, всё то, что изнуряло, что мучило, что разоряло крестьянство»²⁶. А.В. Луначарский признаёт, хотя и без должных уточнений, тот факт, что религиозное влияние Л.Н.Толстого было ограничено прослойкой «революционной крестьянской аристократии», выступавшей против насилия в деле революции²⁷.

В части статьи 1932г. «Ленин и литературоведение», посвящённой Л.Н. Толстому, А.В. Луначарский

²⁴ Луначарский А.В. О творчестве Толстого // Л.Н. Толстой в русской критике. Указ. изд. С. 502 – 503.

²⁵ Там же. С. 504 – 506.

²⁶ Там же. С. 507, 509.

²⁷ Там же. С. 509 – 510.

подчёркивал, что замечательно и обильно цитируемые им ленинские статьи о Толстом «представляют собой блистательный образец применения ленинского метода к литературоведению»²⁸. Очевидно, что то же самое, и с не меньшим основанием, можно сказать и о статьях и лекциях самого А.В. Луначарского. И вот, следуя курсом, намеченным партийными «светилами», отечественное, большей частью – советское, литературоведение проделало над публицистическим наследием Л.Н. Толстого поистине огромную, политически важную работу. Ниже – о результатах оной.

(.....)

А.И. Шифман в давно забытой, к счастью, работе 1954г. полагал следствием незрелости «крестьянского демократизма» писателя тот факт, что он отрицал насильственные методы борьбы, не понимал «истинных», социально - экономических причин эксплуатации и войн, и тем самым послужил своей проповедью «гнусным целям различных холопов империализма»²⁹. В другом своём исследовании, уже в 1960г., А.И. Шифман прослеживает те же ограниченность и политическую незрелость в критике Толстым цивилизации и буржуазной культуры, якобы переносившейся публицистом на человеческую культуру вообще. Недопустимо, по мнению А.И. Шифмана, недооценивать спланированную роль индустриального прогресса в деле «уничтожения капитализма путём революционного преобразования всего общества»³⁰.

В то же время верным и ценнейшим следует признать вывод А.И. Шифмана в его работе 1964г. о том, что бессчётные статьи Толстого по земельному вопросу в непростой социально-психологической обстановке предреволюционной России сыграли, вопреки его желанию, «революционизирующую роль»

²⁸ Там же.с. 548.

²⁹ Шифман А.И. Лев Толстой – обличитель империализма // Творчество Л.Н. Толстого. Сб. ст. М., 1954. – С. 364, 393 – 394, 413.

³⁰ Шифман А.И. Лев Толстой – обличитель буржуазной культуры. Тула, 1960. С. 11, 15.

своей обличительной составляющей, накладывавшейся в сознании «политизированной части крестьянства» на крепко засевшие там идеи насильственных экспроприаций и обобществления земли. Популяризация же Л.Н. Толстым идей мирного реформирования по программе малоизвестного Генри Джорджа «пропускалась мимо ушей»³¹. Не возражая против этого последнего вывода автора, подчеркнём лишь, что проблема состоит в том, следует ли, вслед за А.И. Шифманом, оценивать такое восприятие публицистики писателя как закономерное и положительное.

В.А. Лебедева (1955) назвала воззрения писателя 1880 – 1900 гг. «атавизмом "крестьянского социализма" народников, обратившихся уже в эти годы к более либеральным идеям»³².

Т.А. Мотылёва (1957) находила, что особо злостная вредоносность «проповеди Толстого» в деле революции связана с его отходом от специфически национальных русских религии и морали, обращением к мудрости Востока, «индийских и китайских вероучителей». К тому же, настаивает автор, Л.Н. Толстой остался при этом не абстрактным моралистом (что, разумеется, его бы «обезвредило»), а реалистом, ставившим в своём творчестве на первый план *социальные* проблемы³³.

М.Д. Луцкий и Д.Д. Столяров (1960), делая важный вывод о том, что «Толстой велик и неповторим и как художник, и как мыслитель», распространяют вывод Т.А. Мотылёвой и на общественно-публицистические, и на религиозно-философские сочинения Л.Н. Толстого. Они полагают, что «Толстой вовсе не был моралистом», а моральные оценки у него «являются частью его общей социологической и политической концепции»³⁴.

Несомненной заслугой М.Д. Луцкого и Д.Д. Столярова следует признать также и реабилитацию

³¹ Его же. Лев Толстой – публицист // Толстой Л.Н. Собр. соч. : В 20 т. Т. 16. С. 31 – 32.

³² Лебедева В.А. Земельный вопрос в публицистике Л.Н. Толстого 80 – х – 1900-х гг //

³³ Мотылёва Т.Л. О мировом значении Л.Н. Толстого. М., 1957. С. 35.

³⁴ Луцкий М.Д., Столяров Д.Д. Л.Н. Толстой как критик буржуазной политической экономии. Ташкент, 1960. С. 12, 15, 65.

публициста -Толстого, многократно критикованного за равнодушие к политической идейности, общественному положению, даже времени жизни тех авторов, чьи мысли он заимствует и весьма вольно цитирует, а весьма часто – свободно излагает. В толстовской публицистике, указывают авторы, такие заимствования есть «не самоцель, а средство выражения своих затаённых мыслей, иначе говоря, “крик души” самого писателя»³⁵.

Как и В.А. Лебедева³⁶, авторы увидели во взглядах Л.Н. Толстого по земельному вопросу некое противоречие: не идя дальше крестьянских требований примитивного уравниательства, он «наивно» симпатизировал при этом аграрной программе Джорджа, пробуржуазной сущности которой «не знал и не понимал»³⁷.

Н.Н. Арденс (1962) также констатирует ориентацию публицистики Л.Н. Толстого на «проповедь» не церковно-религиозную, а социально-этическую по своему содержанию, обращённую к «дольнему миру», к «жизнеустроительству» людей вне ветхой церковности³⁸. Как и А.И. Шифман, Н.Н. Арденс признаёт, что читательские массы воспринимали в публицистике Толстого исследуемой нами эпохи лишь разоблачения и критику самодержавия и церкви, а не спасительную идею ненасильственного сопротивления злу³⁹.

С этим неутешительным выводом Н.Н. Арденса согласен и автор официально одобренной советской биографии Толстого, В.Б. Шкловский (1963). По его мнению, Л.Н. Толстой, сам не желая насилия, в 15 лет, предшествовавшие революции 1905 – 1907гг., будил не лучшие чувства в обществе, уже массово предрасположенном в пользу насилия. При этом он упрямо отстаивал непопулярную у большинства

³⁵ Там же. С. 63.

³⁶ Лебедева В.А. Указ.соч. С. 134 – 135.

³⁷ Луцкий М.Д., Столяров Д.Д. Указ. соч. С. 121 -122.

³⁸ Арденс (Апостолов) Н.Н. Творческий путь Л.Н. Толстого. М., 1962. С. 376 – 377.

³⁹ Там же. С. 388 – 389.

тогдашней политически активной интеллигенции идею обновления России «как чисто земледельческой страны»⁴⁰.

Л.В. Черепнин (1968) подробно исследовал процесс формирования и эволюции взглядов Л.Н. Толстого на историю, которые автор признаёт идеалистическими, а также некоторые специфические историко-публицистические изыскания писателя, результаты и выводы которых проистекают, как показывает исследователь, как раз из таковых воззрений на историю⁴¹. Важно отметить, что Л.В. Черепнин уделяет особое внимание глубоким суждениям Л.Н. Толстого, касающимся истории этической и религиозной мысли, а также его антивоенной публицистике.

Наконец, авторы сборника «Идеи социализма в русской классической литературе» (1969) находят публицистику «позднего» Толстого социалистической по содержанию: социалистическим, якобы, является то «высшее жизнепонимание» Толстого, которое он пропагандирует и *ложно* называет христианским. В то же время в явном противоречии с этим тезисом, сближающим писателя с лагерем радикалов от социал-демократии, находится верный вывод авторов сборника о мирном характере пропагандировавшейся писателем земельной программы Генри Джорджа, о её буржуазно-демократической направленности⁴². Центральный вопрос русского модернизационного процесса, земельный, даже не вполне последовательный публицист – социалист должен был бы решать исключительно с социалистических позиций, а этого – то и нет у Толстого. Нет потому, что не христианское жизнепонимание Толстого социалистично, а, напротив, социализм есть, воистину, однобоко и **неверно** понятое христианство!

Б.С. Мейлах (1970) оценивал мировоззрение Л.Н. Толстого как мелкобуржуазный социализм, особенный

⁴⁰ Шкловский В.Б. Лев Толстой. М., 1963. С. 655, 683, 754.

⁴¹ Черепнин Л.В. // В кн.: Исторические взгляды классиков русской литературы. – Сб. ст. – М., 1968. – С. 295 – 334.

⁴² Исторические взгляды классиков русской литературы. – С. 302 – 306.

явными чертами христианского аскетизма, утопической проповеди грубой уравнительности мирным путём, с обращениями в адрес «всего общества» без различия классов⁴³.

А.С. Полтавцев в интереснейшей своей работе 1974 года называет Толстого сторонником христианского общинного социализма, подчёркивая при этом безиерархический и ненасильственный характер социальных взаимоотношений в идеальной толстовской общине, религиозную и нравственную основу всей её жизни и взаимоотношений в ней⁴⁴. Это, однако, приводит автора к выводу спорному – о некоем «утопическом консерватизме» этики и социологии Толстого, который видится А.С. Полтавцеву в стремлении писателя «повернуть историю вспять, вернуть человека к первородным отношениям, тяжёлому физическому труду, исполнению пяти заповедей Христа, отказу от достижений науки, техники, искусства»⁴⁵.

Как нам представляется, здесь налицо не только механическая подмена термином «консерватизм» привычного в советской литературе идеологического ярлыка «реакционность», но и немалое лукавство автора в самих своих выводах. Первое наше возражение то, что облегчающие тяжёлый труд «достижения науки, техники» Толстой приветствовал; да и не вполне понятно, как можно «отказаться» от них трудящемуся человеку! Второе же – то, что эпоха истории, в которую «человек» (то есть большое человеческое общество, а не отдельные святые или члены секты) исполнял бы пять заповедей Христа настолько, чтобы предпочесть евангельскую мораль науке, технике и искусству, неизвестна историкам и по сей день.

Справедливым и ценнейшим для нас следует признать вывод А.С. Полтавцева о том, что социальная критика у Толстого вытекает органически из «глубокого,

⁴³ Мейлах Б.С. Ленин и проблемы русской литературы 19 – н.20 вв. 4-е изд., доп. – Л, 1970. – С.393.

⁴⁴ Полтавцев А.С. Философское мировоззрение Л.Н. Толстого. Харьков, 1974. – С.67.

⁴⁵ Там же. С. 34.

объективного анализа общественной жизни», а не является плодом отвлечённого религиозного философствования⁴⁶.

Этот вывод подтверждают и наблюдения В.А. Келдыша (1978), установившего факт коррекции воззрений Л.Н. Толстого на «революцию сознания» в дни революционных событий 1905 года: социальный и религиозный перевороты стали представляться писателю и публицисту «протекающими почти синхронно»⁴⁷. Религиозность Л.Н. Толстого ни в коем случае не была косным фанатизмом: он исходил из острой необходимости увести развитие русского освободительного движения с копирующих дурной европейский опыт «неверных (то есть насильственных) путей, которые не могут привести к благотворным результатам»⁴⁸.

Именно поэтому, констатирует С. Машинский (1978), В.И. Ульянов (Ленин) вынужден был бороться с опасностью провала революционной пропаганды своей партии среди «народных масс», не только крестьян, но и рабочих, воплощённой в авторитетной личности народного «заступника и идеолога»⁴⁹. Вредоноснейшим и архивредоносным для «дела Ленина» С. Машинский признаёт, в частности, сочетание в статьях Толстого 1905 и последующих годов беспощадных обличений социальных зол с «противоречащими» им советами рабочим «не поддаваться ни бунтовщикам, ни правительству», которые просто «борются между собою за власть»⁵⁰.

Отдельная и серьёзная тема – антивоенная публицистика Л.Н. Толстого. По наблюдениям С.Н. Чубакова, трактат писателя и публициста «Царствие Божие внутри вас...» знаменует собой переход в начале

⁴⁶ Там же. С. 46.

⁴⁷ Келдыш В.А. Лев Толстой в эпоху первой русской революции // Революция 1905 – 1907 годов и литература. М., 1978. С. 85.

⁴⁸ Там же. С. 86.

⁴⁹ Машинский С. Ленин размышляет о Толстом // В мире Толстого. Сб. ст. М., 1978. С. 27 – 30.

⁵⁰ Там же. С. 30 – 31.

90-х гг. 19 в. к главенству не антицерковного, а антивоенного пафоса в его сочинениях⁵¹. Прогрессивные тенденции антимилитаризма Л.Н. Толстого видятся С.Н. Чубакову в отвержении публицистом, в отличие от Ф.М. Достоевского, не только гражданских и «межклассовых», но и межгосударственных войн с участием России⁵².

При этом С.Н. Чубаков выражает своё несогласие с теми авторами, которые провозглашали Л.Н. Толстого знаменем «беспочвенного пацифизма», как, например, С.М. Брейтбург⁵³. Мировоззрение Толстого, как вполне справедливо подчёркивает С.Н. Чубаков, «никому ещё не удавалось и никогда не удастся втиснуть <...> ни в одно прокрустово ложе, именуемое то “идеализмом”, то “анархизмом”, то “пацифизмом” и т.п.»⁵⁴.

Г.Я. Галаган (1981) полагает, что стержневой темой сочинений Толстого является идея человеческого единения в добродетели, неотделимой от веры. Поэтому «проблемы, связанные с бытием добродетели в современной ему действительности» становятся у Л.Н. Толстого «самостоятельным и специальным “объектом” анализа»; иначе говоря, мораль Толстого – публициста «автономна», оторвана от реалий жизни⁵⁵. Проявляется эта оторванность, по мнению Г.Я. Галаган, в идеализации Толстым добродетели патриархального крестьянина с одновременной нелюбовью его к извращённой морали т.н. «образованного сословия», сбивающегося и сбивающего народ с пути к соединяющей людей религиозной истине и высшему возможному благу⁵⁶.

Необоснованной и «противоречивой» представляется Г.Я. Галаган и историко-философская концепция Толстого об общественном мнении как «движущей силе»

⁵¹ Чубаков С.Н. «Всё дело жизни...» (Лёв Толстой и поиски мира). Мн., 1978. С. 116.

⁵² Там же. С. 142 – 143.

⁵³ Брейтбург С.М. Предисловие к 39-42 тт. // В кн. : Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 39. С. XI.

⁵⁴ Чубаков С.Н. Указ. соч. С. 154 – 155.

⁵⁵ Галаган Г.Я. Л.Н. Толстой. Художественно – этические искания. Л., 1981. С.3.

⁵⁶ Там же. С. 3 – 4.

истории и об истинном христианстве, неложно влияющем на это мнение⁵⁷.

В работе 1989г., специально посвящённой проблеме общественного мнения в публицистике Толстого, Г.Я. Галаган делает вывод, что Л.Н. Толстой понимал под общественным мнением «совокупность однородных представлений об истине, которая может покоиться на истинных (соединяющих людей) и ложных (разъединяющих людей) мнениях о благе общем и путях его достижения»⁵⁸.

А.А. Галактионов и П.Ф. Никандров связывают с этим поиском общенародной идеи всё более резкую оппозицию Л.Н. Толстого основным течениям русской общественной мысли, начало которой Г.Я. Галаган относит ко времени до пресловутого «идейного перелома» писателя – к 60-м гг. 19в., а оба названных автора – только к концу 19 – началу 20 вв., времени расцвета «толстовства»⁵⁹.

В.В. Ячевский (1983) раскрывает суть общественно – политических и правовых взглядов Л.Н. Толстого, разумеется, с учётом архипривычных ленинских оценок места его в «русской революции» как идеолога патриархального крестьянства. Тем ценнее для нас, например, вывод автора о том, что Толстой никогда не отрицал буржуазную науку и прогресс абсолютно, но лишь в той мере, в какой считал необходимым разоблачение иллюзий, связанных с необоснованным доверием к ним⁶⁰.

Важнейшей для нас является и критика В.В. Ячевским предшествующих советских работ о Толстом – публицисте. Небезызвестно, что, в целях обслуживания господствующей советской идеологии, многие из них преднамеренно фальсифицировали идейное содержание антивоенных статей и трактатов Л.Н.Толстого. Великий

⁵⁷ Там же. С. 4.

⁵⁸ Её же. Проблема общественного мнения в наследии Л.Толстого // Современность классики: Сб. научн. трудов. Л., 1989. С.76.

⁵⁹ Там же. С. 78 – 79; Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Русская философия 9 – 19 вв., 2-е изд., Л, 1989. С. 558 – 559.

⁶⁰ Ячевский В.В. Общественно – политические и правовые взгляды Л.Н. Толстого. Воронеж, 1983. С. 115.

писатель и публицист признавался критиком не основы основ военного зла – лживого, казённого, военно-государственного *патриотизма*, воспитания из нормальных детей послушных властям патриотов, а только агрессивной политики современных ему держав, гонки вооружений и т.п. И мы вполне согласны с выводом В.В. Ячевского о том, что подобное смещение акцентов недопустимо принижает как идейную, так равно и социальную значимость и актуальность антивоенной публицистики Толстого для новейшего времени⁶¹.

Н.С. Козлов (1985) признаёт расхождения в 80-90е гг. 19 века идеологов революционного народничества, философов-материалистов и идеалиста-Толстого «резкими и непримиримыми», находя в его публицистике черты «русского крестьянско-общинного утопического социализма». Однако автор отмечает наличие в публицистических сочинениях Толстого прогрессивных демократических и нравственно-гуманистических ценностей, противостоящих индивидуализму и «духовному анархизму»⁶².

Этот вывод Н.С. Козлова поддерживает и И.Ф. Худушина (1986), подчеркнувшая толстовский «беспощадный к себе гуманизм, лежащий в истоках демократизма писателя <...>, обусловившего разоблачительную критику практически всех социальных институтов самодержавно – капиталистической России»⁶³.

С любовью к Толстому и искренним стремлением хоть немного понять его (столь редким среди авторов всех эпох) написана замечательная монография С.И. Позойского, который, подобно М.Д. Луцкому и Д.Д. Столярову четвертью века ранее, отвергает всяческие противопоставления «художника» и «мыслителя» – Толстого и подчёркивает, что последний попытался

⁶¹ Ячевский В.В. Указ. соч. - С. 117 – 124.

⁶² Козлов Н.С. Лев Толстой как мыслитель и гуманист. М., 1985. С. 26, 57 – 58, 111.

⁶³ Худушина И.Ф. Историко – философский анализ творческого наследия Л.Н. Толстого. [Рец. на: Козлов Н.С. Указ соч.] // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. 1986. № 6. С. 78.

утвердить прочные и здоровые моральные устои «честных тружеников, презирающих лодырей и бездельников» в буржуазной среде⁶⁴.

Немалый интерес представляет статья С.В. Тютюкина (1986), использовавшего как исторический источник и прокомментировавшего многие высказывания Л.Н. Толстого о первой российской революции 1905 – 1907 гг., содержащиеся в малоизвестных, до сей поры недостаточно разработанных исследователями «Яснополянских Записках» Д.П. Маковицкого. Касается автор статьи и публицистических работ Л.Н. Толстого. При этом, как нам представляется, С.В. Тютюкин напрасно видит *противоречивое* «раздвоение» в призыве Л.Н. Толстого к прогрессу нравственному «в ущерб» материальному и социальному⁶⁵.

Как и В. Шкловский⁶⁶, С.В. Тютюкин видит определяющее значение толстовской публицистики в том, что он «годами приучал русский народ видеть сущность жизни, показывал самодержавный строй во всей его неприглядной наготе, внушал крестьянству, что оно является истинным хозяином земли»⁶⁷.

По мнению С.В. Тютюкина, Л.Н. Толстой со страниц Записок Маковицкого предстаёт социалистом – «безгосударственником», стоящим вне существовавших в те годы партий и политических лагерей⁶⁸.

В общем и целом, делает вывод С.В. Тютюкин, взгляды Л.Н. Толстого можно рассматривать как «закрытую, законсервированную <...> систему со своими незыблемыми принципами, твёрдо установленной шкалой ценностей и приоритетов»⁶⁹. А.З. Немировская (1988) именует такую систему «нравственным социализмом», ибо в её основании она видит

⁶⁴ Позойский С.И. Лев Толстой как журналист и редактор. 2-е изд., Тула, 1985. С. 5, 27.

⁶⁵ Тютюкин С.В. Л.Н. Толстой и первая Российская революция // Исторические записки. Т. 113. М., 1986. С. 156 – 160.

⁶⁶ Шкловский В. Указ. соч. С. 762.

⁶⁷ Тютюкин С.В. Указ. соч. С. 167.

⁶⁸ Тютюкин С.В. Указ. соч. С. 165.

⁶⁹ Там же. С. 195.

«нравственное переосмысление человеческих отношений»⁷⁰.

В статье Я.С. Лурье (1989), посвящённой исторической концепции Л.Н. Толстого, важно для нас наблюдение автора, касающееся решительного разрыва писателя в 60 – 70-е гг. XIX в. с гегельянством славянофилов – «почвенников» и консерваторов в вопросе о свободе человеческой деятельности и необходимости повиновения пресловутым «объективным законам» общественного развития⁷¹. Согласимся с выводом Я.С. Лурье о том, что Л.Н. Толстой, утверждавший свободу воли и усилий человека как исторической личности, никак не был «пассивистом»: «Ведь он считал необходимым “бороться с правительством орудием мысли, слова, поступков жизни, не делая ему уступок” (53, 7), а если “нельзя у себя – за границей, как Герцен” (55, 255), и именно так и поступал»⁷².

В статье 1993 г. «Лев Толстой и Пётр Столыпин» Я.С. Лурье особо подчеркнул несовместимость воззрений Л.Н. Толстого на исторический прогресс с гегельянством, и, соответственно, марксизмом⁷³. Опровергая «прогресс по Гегелю», Толстой отвергал и «суеверие устроительства» общественной жизни по революционным, либеральным или любым другим идеалам, рациональным планам, – то суеверие, которому предан, в числе прочих, П.А. Столыпин, фанатичный реформатор-«западник», ставший палачом тысяч крестьян и истребителем неудобной помещикам крестьянской общины⁷⁴.

Нельзя не согласиться и с выводом Я.С. Лурье в статье «Лев Толстой и мыслители серебряного века» (1993). Проанализировав непростые взаимоотношения с публицистическим наследием Толстого таких мыслителей как П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин и

⁷⁰ Немировская Л.З. Л. Толстой и проблемы гуманизма. М., 1988. С. 59.

⁷¹ Лурье Я.С. Об исторической концепции Льва Толстого // Русская литература. 1989. № 1. С. 36 – 38.

⁷² Там же. С. 42.

⁷³ Его же. Лев Толстой и Петр Столыпин // Звезда. 1993. № 1. С. 167.

⁷⁴ Там же. С. 167 – 168, 170, 173.

других авторов сборников «Вехи» и «Из глубины», автор констатирует, что толстовский «фонарь здравого смысла» в той или иной степени отвергался, на беду России, ими всеми⁷⁵. Отвержение в угоду идеологии, а не предлагавшееся Толстым спасительное религиозное утверждение вековых общечеловеческих морали и нравственности, предопределило печальный опыт «политического устроительства» в XX веке как в мировых масштабах, так и в России⁷⁶.

В статье 1994г. Ю.Н. Давыдова нам важно развенчание вековой фальсификации – смешения толстовской программы «непротивления злу насилием», то есть бескомпромиссной (без насилия над человеком) борьбы с ним, с «непротивленчеством», покорностью злу, пассивностью и даже повиновением злодейской воле одного негодяя или целого правительства⁷⁷. Ю.Н. Давыдов особенно подчёркивает, что Л.Н. Толстой отнюдь не «сваливал» никогда последствия «этически ориентированного поступка» на человека, общество, государство, но только на Бога: пусть только каждый делает то, что должно ему делать, наилучшим возможным для него образом, а там – пусть будет так, как будет, как угодно Богу⁷⁸.

Противоположного мнения по данной проблеме придерживается О.С. Соина (1999), видящая в публицистике Л.Н. Толстого родство с «моралистическим нигилизмом» леворадикальной русской интеллигенции. Фанатик-самоистязатель, отвергнувший всякую социальность и даже «простую человечность», безумный мученик за идею, равносильную неприязни к человечеству, какое оно есть, Л.Н. Толстой, как

⁷⁵ Его же Лев Толстой и мыслители «серебряного века» // Звезда. 1993. № 7. С.174.

⁷⁶ Лурье Я.С. Лев Толстой и мыслители «серебряного века». С.183.

⁷⁷ Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и Лев Толстой // Вопросы литературы. 1994. № 1. С.77-78; Гусейнов А. Учение Л.Н. Толстого о непротивлении злу насилием // Своб. мысль. 1994. № 6. С. 80 – 81.

⁷⁸ Давыдов Ю.Н. Указ соч. С.103.

утверждает автор, заразил своей дерзостью террористов и фанатиков XX века⁷⁹.

Чудовищный грех Л.Н. Толстого перед представляемой и утверждаемой ею либеральной философией права О.С. Соина видит в его отвержении и «дерзком моральном ostracismе» этого самого «права», а заодно и немыслимого автором без него мира людей. Они ведь «весьма злонамеренным образом» отошли от исполнения «предначертаний Бога» в области морали⁸⁰. О.С. Соина убеждена, что социальный идеал Л.Н. Толстого являет собой не примат морали над правом, а полную ассимиляцию его социальных функций. А это есть уже «полное извращение природы», «моралистическая препарация добра, отсечение от него деятельного активного начала, способного сопротивляться злу и побеждать его»⁸¹.

Последний вывод О.С. Соиной представляется нам не только несправедливым (Л.Н. Толстой отвергал **насильственные** действия ради обеспечения торжества не только права, но даже и подлинной справедливости, а не сами эти социальные ценности), но и идеологизированным демаршем. Ведь предлагая не «отсекать» от добра его «деятельного начала», О.С. Соина допускает, совершенно в духе известных философствований И.А. Ильина, апологию неразборчивых, в том числе насильственных, средств утверждения, удержания и применения норм права в современном буржуазном обществе. Всё это теоретизирование О.С. Соиной – во имя «высоких» идеалов водворения в России в некотором светлом будущем демократии западного образца. Но утверждается-то оно в рамках торжествующей в последние 20 лет новорусской капиталистической

78а. Соина О.С. От этики непротivления – к философии права // Человек. 1999. № 4. С. 30-31. У автора это выражено много пространней и «глаже», но суть её позиции – такова.

79 Соина О.С. Указ. соч. С. 33.

80 Там же.

81 Там же.

азиатчины, отнюдь не нуждающейся в красивом оптимизме «русских европейцев», либеральных теориях, в консенсусах и заигрываниях с фикцией «правового равенства всех граждан». Говорят, у каждой эпохи – свой Толстой, но сомнительно, - имеет ли **нынешняя** эпоха на это право? Она отнюдь не толстовствует, но и оптимизму либералов конца прошлого века, веровавших в российскую демократию, законность и право оставляет уж очень мало надежд...

Ещё одним образчиком идеологизированного «переосмысления» наследия Толстого-публициста может служить сборник статей «Страсти по Толстому» (2005), рассчитанный «на весьма широкого <...> читателя»⁸². Видимо, по этой причине авторы (Ю.М. Осипов⁸³, Г.Д. Гачев⁸⁴, С.А. Ермишина⁸⁵, А.К. Попов⁸⁶, В.К. Петров⁸⁷ и др.) не утруждают себя ни основательностью аргументации, ни обязательностью и точностью ссылок. На наш взгляд, очевиден **расчёт авторов на читательское доверие бытующим в массовом сознании мифам о Толстом, а также на олицетворяемый самими авторами авторитет науки** в глазах «весьма широкого читателя». Кроме того, критика ведётся с позиций не только научных и философских, но также и «метафизических» (слово это фигурирует в подзаголовке книги) и откровенно богословских – вполне в духе и вкусе «ниспровергателей» к. XIX – н. XX вв. В итоге же – мнение о Л.Н. Толстом – публицисте, социальном, религиозном мыслителе и просто человеке у «весьма широкого», то есть малознающего и доверчивого, читателя по прочтении такой «монографии» может либо не измениться (если оно уже максимально ненавистническое), либо перейти из традиционно неприязненного в резко неприязненное.

⁸² Страсти по Толстому (метафизическая драма великого человека) / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. – М., Елец. – 2005. – С. 2.

⁸³ Осипов Ю.М. Метафизическая драма Льва Толстого // Страсти по Толстому... - С. 5 – 32.

⁸⁴ Гачев Г.Д. «Ум ума» с «умом сердца» не в ладу // Там же. – С. 32 – 64.

⁸⁵ Ермишина С.А. «Зеркало русской революции» // Там же - С. 81 – 103.

⁸⁶ Попов А.К. «Не плоть, а дух растлился в наши дни...» // Там же. – С. 155 – 168.

⁸⁷ Петров В.К. Бремя страстей человеческих: духовно – религиозная, историческая и семейная трагедия Льва Толстого // Там же. – С. 180 – 195.

Нижеследующая цитата – пример уже не «ленинского метода в литературоведении», но методики воспитания адептов новой, буржуазно-православной, идеологии, применяемой авторами «Страстей...». Один из авторов, А.К. Попов, заключает, что «граф пытался своими собственными силами решать сложнейшие жизненные, религиозные, философские и творческие проблемы без Бога и даже вопреки Его воле. На них он и «свихнулся». Мы не думаем, что он стал законченным психопатом (спасибо и на том! – Р.А.), как это считали некоторые наблюдавшие его психиатры (кто именно? – Р.А.). Так, психиатр Россолимо поставил диагноз: «Дегенеративная двойная конституция: паранойяльная и истерическая, с преобладанием первой». Нет, многие симптомы истерических припадков, судорог, желудочных расстройств были следствием одоления его бесами»⁸⁸. Последнее медико-метафизическое суждение автора (экономиста по профессии!) – за пределами возможности и необходимости критики. Однако заставляет обратить внимание, во-первых, *безапелляционность* суждения, коррелирующая с давно уже сделавшимся архаикой *стилем критиков начала XXв.*: «граф...свихнулся», «одоление бесами», а во - вторых – очевиднейшее несоответствие «фактов» источниковому материалу. Цитируя диагноз Россолимо, А.К. Попов ссылается на малодоступную «весьма широкому читателю» книгу А.Л. Толстой «Отец». Действительно, в соответствующей главе книги фигурирует процитированное выше «определение» доктора Россолимо. Однако, в отличие от знаменитого Определения Святейшего Синода, «определение» психиатра было вынесено, как следует из текста, по поводу не отца, а **матери** А.Л. Толстой, то есть – Софьи Андреевны, жены Л.Н. Толстого⁸⁹. Правда, на этой же странице «красуется» суждение Л.Л. Толстого: «Лечить надо не мать, а отца, который выжил из ума». Но сын

⁸⁸ Петров В.К. Указ. соч. – С. 165 (Выделения наши. – Р.А.).

⁸⁹ Толстая А.Л. Отец. Жизнь Льва Толстого. – М, 1989. – С. 454.

(отца, кстати, демонстративно не уважавший) мог хотя бы *наблюдать* Толстого – в обывательском, не строго медицинском смысле. На каком же основании современный автор присоединяется к подобному мнению и даже ставит свой «диагноз» – увы, так и остаётся неясным.

В.Ш. Сабиров и О.С. Соина в этом же сборнике убеждают «весьма широкого читателя» в том, что апелляции Толстого к ненасилию и закону любви есть «самые деспотичные формы насилия над личностью»⁹⁰. О более ранней статье О.С. Соиной со схожими идеями шла речь выше.

(.....)

Не отстают от модных поветрий и некоторые зарубежные исследователи. Так, в 2005г. Д. Ранкур – Лаферьер выступил на Международной научной конференции в Ясной Поляне с довольно оригинальным по своему содержанию докладом. В нём он, основываясь на психоаналитической теории, сводит историческое христианство к двум прогрессирующим разновидностям мазохистских расстройств психики: жертвы «заболевания» либо одобряют доктрину о «показательном мазохизме» вочеловечившегося Бога (церковный догмат «искупления грехов человечества»), либо сами пребывают «в состоянии постоянного мазохистского фантазирования». В этом состоянии христианин-Толстой, отличавшийся-де «глубоко мазохистской натурой», и сочинил доктрину о непротивлении злу⁹¹.

Не отличаясь названными особенностями «натуры», мы склонны не продолжать рассмотрение бессчётных подобных негативных и доходящих до экстравагантности осмыслений толстовского наследия.

⁹⁰ Сабиров В.Ш., Соина О.С. Жизнь и смерть, любовь и насилие (духовные истоки метафизической драмы Л.Н. Толстого) // Страсти по Толстому... - С. 195-228.

⁹¹ Ранкур-Лаферьер Д. Был ли Толстой христианином // Л.Н. Толстой и мировая литература. Материалы Международной научной конференции, проходившей в Ясной Поляне. 28-30 августа 2003. – Тула., 2005. - С. 171-193.

Упомянем теперь несколько современных трактовок, заслуживающих большего внимания и доверия.

К.Н. Ломунов⁹² приводит аргументы против не изжитого до сих пор мифа о «двух Толстых» – гениальном художнике – жизнелюбце, соотносимом в системе толстовских образов с дядей Ерошкой из повести «Казаки», и противоречивом, далёком от жизни мыслителе, которому соответствует Нехлюдов в романе «Воскресение»⁹³. Этот литературоведческий миф восходит ещё к статьям Н.К. Михайловского (1875), Г.В. Плеханова (1910) и В.Эрна (1912) и, по мнению К.Н. Ломунова, не находит себе подтверждения: Толстой – не реформатор, не философ, но именно мыслитель, причём как раз очень сильный, «логичный и последовательный»⁹⁴. В другой своей статье⁹⁵ К.Н. Ломунов подвергает пересмотру воззрения советских исследователей на толстовские определения религии и Бога. Согласно наблюдениям автора статьи, писатель и мыслитель никогда не пересматривал их радикально, но только постоянно пытался дополнить новыми соображениями, о чём свидетельствуют его бессчётные записи на эту тему в Дневнике и записных книжках 1900-х гг⁹⁶.

Наибольшей, на наш взгляд, беспристрастности и глубины осмысления теории Л.Н. Толстого о «непротавлении злу насилием» достигли в своих работах Ю.Н. Давыдов⁹⁷, А.А. Гусейнов⁹⁸, Е.Д. Мелешко⁹⁹, О.Б. Ионайтис¹⁰⁰ и М.А. Гельфонд¹⁰¹. К сожалению, все эти

⁹² Ломунов К.Н. Духовные искания Л.Н. Толстого (Из истории их изучения и оценки). – Толстой и о Толстом. Материалы и исследования. Вып. 1. – М., 1998. – С. 132 – 155.

⁹³ Там же. – С. 138-141.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Его же. Концепция Бога в религиозно – философском учении Л.Н. Толстого. – Толстой и о Толстом. Материалы и исследования. Вып. 2. – М., 2002. – С. 176 – 193.

⁹⁶ Там же. – С. 192 – 193.

⁹⁷ Давыдов Ю.Н. Указ. соч.

⁹⁸ Гусейнов А.А. Учение Л.Н. Толстого о непротавлении злу насилием // Свободная мысль. – 1994. - № 6. – С. 80 – 81; Его же. Понятие насилия // Толстой и современный мир: Сб. науч. ст.: В 2 ч. Ч. 1: Идеи Л.Н. Толстого в контексте современной эпохи. – Тула, 1998. – С. 32 – 53.

⁹⁹ Мелешко Е.Д., Гусова С.А. Моральная философия Толстого. – Тула, 2005. – С. 5 – 72; Её же. Философия непротавления Л.Н. Толстого: аргументы разума и аргументы жизни // Толстой и современ. мир... - С. 8 – 24.

¹⁰⁰ Ионайтис О.Б. Л.Н. Толстой. «Закон насилия и закон любви»: человек и мир // Яснополянский сборник. – 2006. – Тула, 2006. – С. 147 – 153.

работы характеризует более этико-философская, нежели историко-филологическая направленность исследования.

Г.Я. Галаган¹⁰², рассматривая на материале статей Л.Н. Толстого 1880 – 1900-х гг. концепции единения и согласия между людьми, общественного мнения, приходит к выводу, что идея «движения от себя к Богу» как связующего людей начала является в указанный период сквозным мотивом всей публицистики Толстого¹⁰³.

Немалый интерес для нас представляют некоторые работы, посвящённые педагогической теории и практике Л.Н. Толстого. Очень ценны, к примеру, наблюдения Н.В. Кудрявой¹⁰⁴, пришедшей к выводу, что Толстой использовал в своих педагогических исследованиях ряд актуальных подходов, включая личностно – деятельностный и синергический¹⁰⁵. Радует внимание к этой теме со стороны зарубежных исследователей, таких, например, как Франс Руа или Такуя Хара, охарактеризовавших семантику категорий свободы, воспитания и образования в понимании Толстого. По Ф. Руа¹⁰⁶, относительная свобода учащихся в классе, мнимый «беспорядок», создают «атмосферу <...> естественной структуры, обусловленной жизнью группы и интересом к предложенным занятиям»¹⁰⁷. Толстовская школа, по убеждению Ф. Руа – это живое существо, изменяющееся «каждый год, каждый день, каждый час» и даже склонное к справедливому «бунту»¹⁰⁸. Такуя Хара¹⁰⁹ указывает на

¹⁰¹ Гельфонд (Клюзова) М.Л. Критика учения Л.Н. Толстого о непротавлении злу насиллем в отечественной религиозно – философской мысли конца 19 – начала 20в.: три основных аргумента // Вопросы философии. – 2009. - № 10. – С. 121 - 133.

¹⁰² Галаган Г.Я. Лев Толстой. Закон насилия и закон любви // Sub specie tolerantiae. Памяти В.А. Туниманова. СПб., 2008. – С. 428 – 438.

¹⁰³ Там же. – С. 437.

¹⁰⁴ Кудрявая Н.В. Лев Николаевич Толстой – педагог: от народного учителя Яснополянской школы до учителя жизни // Яснополянский сборник – 2006. – Тула, 2006. – С. 154 – 162.

¹⁰⁵ Там же. – С. 162.

¹⁰⁶ Руа Ф. Свобода по Толстому: педагогический опыт и опыт жизни // Лев Толстой и мировая литература: Материалы международной научной конференции, проходившей в Ясной Поляне 28 – 30 августа 2003г. – Тула, 2005. – С. 249 – 251.

¹⁰⁷ Там же. – С. 250.

¹⁰⁸ Там же. – С. 251, 255.

противопоставление в толстовской концепции принудительного характера «воспитания» («сверху людям дают знать») свободному по самому своему определению «образованию», означаящему – «делать образ человека»¹¹⁰.

Проблема войны и милитаризма в публицистике Л.Н. Толстого была всесторонне изучена ещё С.Н. Чубаковым¹¹¹. Из более новых публикаций наше внимание привлекло сопоставление парадоксов антивоенной публицистики Л.Н. Толстого с «Философическими письмами» П.Я. Чаадаева, проведённое А.А. Слинько¹¹². В основном при анализе этой проблемы мы опирались на тексты самого Толстого, так как их антипатриотическое содержание по сей день остаётся за «барьером восприятия» большинства авторов, лишь повторяющих так или иначе выведенное уже их предшественниками, что, на наш взгляд, существенно снижает теоретическое значение их публикаций.

Наконец, теоретическим фундаментом в рассмотрении проблемы «Толстой – публицист о земельной собственности» нам послужили работы Я.С. Лурье¹¹³, Г.И. Щетиной¹¹⁴, М.А. Арёфьева и М.А. Давыденковой¹¹⁵ и др.

Таким образом, теоретический фундамент нашего исследования создан целым рядом как отечественных, так и зарубежных исследователей, причём – не только филологов, но и социологов, философов, историков.

¹⁰⁹ Хара Т. О взглядах Толстого на определение образования и воспитания // Вестник Японского толстовского общества «Зелёная палочка». – Токио, 2004. – № 1. – С. 7 – 12.

¹¹⁰ Там же. – С. 12.

¹¹¹ Чубаков С.Н. Лев Толстой о войне и милитаризме. – Мн., 1973.

¹¹² Слинько А.А. Анатомия патриотизма: Л.Н. Толстой и П.Я. Чаадаев // Толстой и соврем. мир: Сб. науч. ст.: В 2 ч. Ч. 1. – Тула, 1998. – С. 97 – 104.

¹¹³ Лурье Я.С. Лев Толстой и Петр Столыпин // Звезда. – 1993. – № 1. – С. 164- 173.

¹¹⁴ Щетина Г.И. Лев Толстой как социальный реформатор. – М., 1995.

¹¹⁵ Арёфьев М.А., Давыденкова А.Г. Социальная философия Л.Н. Толстого (об аграрном вопросе в России) // Философская мысль в России: традиция и современность. – СПб., 1997. – С. 136 – 139.

В данной работе пять глав. Первая из них знакомит читателя с мировоззренческими основами публицистической деятельности Л.Н. Толстого в указанный период. Особое внимание уделяется важнейшей для самого Толстого концепции неупотребления насилия в сопротивлении злу. Вторая глава логически выводит на самую, быть может, болезненную и не утратившую актуальности тему, связанную с проблемой насилия: критику Толстым социальных зол милитаризма и патриотизма, ведущих к насилию уже в мировых масштабах. Третья же глава большей частью касается критики великим художником и мыслителем устройства жизни и состояния сознания его соотечественников, предлагавшихся им путей решения труднейших проблем эпохи. Отдельное внимание мы уделим здесь проблеме безверия и насилия в буржуазной России, как её рассматривал и теоретически разрешал Л.Н. Толстой. В четвёртой главе нами рассмотрены предложения писателя и публициста по вопросу о земельной собственности в России и мире. Глава пятая, заключительная, посвящена толстовскому слову о «ненасильственной революции» - духовном пробуждении людей и спасении их сознания к религиозному, «всемирно-божескому», жизнепониманию, к Разумению Жизни, к Богу, а также попыткам Толстого сделать слово это понятным и популярным, в том числе и в условиях зоологически - «реальной» революционной катастрофы России в 1905 – 1907 гг.

=====

Глава 1. Истоки и основы мировоззрения Л.Н. Толстого – публициста 1880 – 1900-х гг.

«Наименьшее, что можно требовать от людей, судящих о чьём-нибудь учении, это то, чтобы судили об учении учителя так, как он сам понимал его».

«Жизнь человека есть стремление к благу; к чему он стремится, то и дано ему: жизнь, не могущая быть смертью, и благо, не могущее быть злом»

(Л.Н. Толстой)

1.1. Действительность и характер её влияния на мировоззрение Л.Н. Толстого.

К началу 80-х годов XIX века нарастающий протест великорусских пахарей против нищеты, безземелья, унижений, вызывавший сочувствие всех нравственно чутких людей России, соединился в сознании великого писателя и мыслителя с новым для него религиозным сознанием, новым пониманием жизни. Такое сочетание породило бурю: выражая настроения и чаяния «высоконравственного», по его мнению, русского крестьянина, Лев Николаевич Толстой, как принято утверждать, «обрушился со страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс <...>, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь»¹¹⁶.

Однако природа не склонна к резкости любых поворотов и переворотов, включая «идейные». В самом деле – мировоззренческие истоки «поздней»

¹¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., 5-е изд., Т. 20. С. 40.

публицистики Толстого лежат далеко за пределами рассматриваемого нами периода. Заглянем ненадолго в эту полуторавековую – и такую близкую – историческую даль...

В году 1857-м, вдоволь уже насмотревшись на рабство, нищету, страдания, невежество, омрачённость и гибель жертв цивилизации в отечестве своём, пройдя через кавказскую службу, Крымскую войну и унизительно – неудачные попытки наладить хозяйство и личную жизнь, 28-летний Лев Николаевич, в числе многих в эти же годы, отбросил иллюзию возможности улучшений общественной жизни в крепостнической России. Раз за разом приходилось ему убеждаться в *порочности моральных принципов* огромного числа дворян, в их нежелании нравственно очиститься от скверны крепостнической формы рабовладения через сближение с народом и заботу о благе крестьян. И вот он отправляется за ответами на трудноразрешимые вопросы русского бытия в буржуазно-демократическую Западную Европу. Важнейшим из впечатлений от поездки он поделился много лет спустя с читателями в «Исповеди». 6 апреля 1857г., будучи в Париже, в тоскливый, пасмурный день, он присутствовал на совершении государственно-значимого «акта социальной справедливости» - гильотинировании убийцы. «Толстая, белая, здоровая шея и грудь. Целовал Евангелие и потом – смерть, что за бессмыслица!...». Единственный разящий удар как будто перерубил благодушную веру молодого художника и жизнелюбца в социальную свободу и разум Запада. «Когда я увидал, - вспоминает автор «Исповеди», - как голова отделилась от тела, и то, и другое врозь застучало в ящике, я понял, - **не умом, а всем существом**, - что никакие теории разумности существующего прогресса не могут оправдать этого поступка и что если бы все люди в мире, по каким бы то ни было теориям, с сотворения мира, находили, что это нужно, - я знаю, что **это не нужно**, что **это дурно** и что поэтому *судья тому, что*

хорошо и нужно, не то, что говорят и делают люди, а я со своим сердцем»¹¹⁷.

Итак, Толстому суждено было отбросить суеверия демократии и прогресса «гражданственности» и «правовых свобод» в ту эпоху, когда его соотечественники лишь только успели заразиться этой ложной верой.

«Другой случай сознания недостаточности для жизни суеверия прогресса – вспоминает писатель, – была смерть моего брата. Умный, добрый, серьёзный человек, он заболел молодым, страдал более года и мучительно умер, не понимая, зачем он жил, и ещё менее понимая, зачем он умирает. Никакие теории ничего не могли ответить на эти вопросы ни мне, ни ему во время его медленного и мучительного умирания»¹¹⁸.

Отвлекаясь от нестерпимых раздумий, Лев Николаевич обратился в 60-е и первой половине 70-х гг. к хозяйству, семье, педагогической деятельности, усиленному писательству. Но всё это не могло вполне избавить его от мучительных периодов уныния, «остановки жизни»¹¹⁹.

П.И. Бирюков отыскал в своё время в личном архиве Л.Н. Толстого набросок его предисловия к новой, только что задуманной книге, свидетельствующей о том, что писатель уже в 1874г. признавал «необходимость религии как основы жизни»¹²⁰.

Толстой обретает веру. Для верующего же человека жизнь не может быть зло и бессмыслица, горькая ничтожность, ибо она – Божья, добро в ней – от дел, от усилий любовного служения ближним, а значит – Богу. Примечательно здесь определение того, что есть зло, с мирской точки зрения, данное Толстым в письме другу Н.Н. Страхову от 13 ноября 1876 года: «Зло есть то, что разумно с мирской точки зрения. Убийство, грабёж,

¹¹⁷ Толстой Л.Н. Исповедь // Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви. – М., 2004. – С. 127 (Выделение наше. – Р.А.).

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же. С. 129.

¹²⁰ Бирюков П.И. Биография Л.Н. Толстого: В 2-х кн. – Кн. 1. – М., 2000. – С. 431.

наказание, всё разумно – основано на логических выводах. Самопожертвование, любовь – бессмыслица»¹²¹.

Признание злом наблюдаемых им проявлений «мирской разумности» было прорывом разумного сознания Л.Н. Толстого к христианству, к такому пониманию жизни, для которого вера не надстройка над материальным положением, не способ отправления интеллектуальных или психо-эмоциональных потребностей, а неколебимое основание всех дел жизни. Возможность такого, истинного, христианства Лев Николаевич обнаружил, сблизившись в 1877 – 1878 гг. с «людьми верующими и трудящимися», с народом. Эти люди «знали смысл жизни и смерти, спокойно трудились, переносили лишения и страдания, жили и умирали, видя в этом не суету, а добро»¹²². Таких людей было, за что полюбить, и важнейший переворот совершился. «Со мной случилось то, - пишет Толстой, - что жизнь нашего круга – богатых и учёных – не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл. Все наши действия, рассуждения, науки, искусства – всё это представляло мне как баловство. Я понял, что искать смысла в этом нельзя. Действия же трудящегося народа, творящего жизнь, представились мне единым настоящим делом. И я понял, что смысл, придаваемый этой жизни, есть истина, и я принял его»¹²³.

Утвердившееся в эпоху первого пришествия капитализма устройство жизни «элит» российского общества справедливо представлялось Л.Н.Толстому противоестественным, всё более совместимым, по ходу «прогресса», разве что с повальным суицидом на свалке роскоши буржуазно-обывательского быта, но не со здоровой, мудрой и радостной жизнью большинства людей. Общение с неискалеченной природой, свободный, радостный, полезный другим труд, благополучие и покой, независимые от толщины

¹²¹ Цит. по.: Бирюков П.И. Указ. соч. Кн. 1. С. 431.

¹²² Исповедь. Указ изд. – С. 155.

¹²³ Там же. С. 156.

кошелька, семейное счастье, «любовное общение со всеми разнообразными людьми мира» - всего этого был лишён в те времена стандартный обитатель буржуазно-капиталистической социальной среды. Взрывное развитие техники и технологий, массовая урбанизация лишь усугубляли положение. Вместо открытого неба, солнышка, свежего ветра, общения с первозданной природой, растениями и животными, городской человек видел истинную жизнь лишь «из коляски или вагона». И не только медленно и мучительно погибавшие фабричные рабочие, но и лица, занимавшие высокие ступеньки в общественной иерархии – хозяева капиталов и земель, послушные их воле управляющие и приказчики, банкиры, военные и чиновные слуги государства – все эти несчастные были, по выражению писателя, «приставлены» к нерадостной, каторжной работе¹²⁴. Спасения всем этим людям, и полезным труженикам, и представителям «верхушки», искал Толстой-публицист и в 1880-е, и последующие годы.

Стоит подчеркнуть здесь, что Лев Николаевич решительно возражал против отождествления его воззрений на прогресс и цивилизацию с взглядами французского мыслителя Жан-Жака Руссо (1712 - 1778), который призывал, как известно, вернуться к «естественному состоянию» всеобщего равенства и свободы людей, якобы существовавшему в далёком прошлом человечества. Сентиментальное недоверие разуму, полурелигиозная вера в мифического «изначально непорочного» человека, идущая из дохристианской эры выдумка о некоем «общественном договоре» - все эти аспекты мировоззрения французского писателя и философа повлияли, несомненно, на становление мировоззрения юного Льва Николаевича, но отнюдь не сделались его важнейшей частью. Не идентична у Руссо и у Толстого и критика городской культуры (тем более что мыслители стали свидетелями до чрезвычайности разных этапов и

¹²⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 419-420.

особенностей её развития в две разные эпохи). Вот запись Л.Н. Толстого в Дневнике от 1905г.: «Меня сравнивают с Руссо. Я много обязан Руссо и люблю его. Но есть большая разница. Разница та, что Руссо отрицает всякую цивилизацию, я же отрицаю лжехристианскую. То, что называют цивилизацией, есть рост человечества. Рост необходим, нельзя про него говорить, хорошо это или дурно. Это есть, - в нём жизнь. Как рост дерева. Но сук или силы жизни, растущие в суку, не правы, вредны, если они поглощают всю силу роста. Это – с нашей цивилизацией»¹²⁵.

«Суком», который «поглощает всю силу роста», Толстой считал паразитический, разрушающий разум и жизнь характер современной ему машинной цивилизации, иначе говоря, - некоторые её уродливые извращения, подобные слишком длинному и корявому суку живого дерева.

Заслуживает внимания и следующее замечание писателя, свидетельствующее о совсем не руссоистском признании им возможного блага цивилизации: «железные дороги, телеграфы, пресса» не только дают «могущественное орудие в руки Чингис-Хана» (правительства. - Р.А.), но и, с другой стороны, «соединяют людей в одном и том же сознании», вследствие чего народ «не может уже быть принужден повиноваться существующему правительству»¹²⁶.

Фундамент «поздней» публицистики Л.Н. Толстого – религиозное научение о доброй и разумной жизни, открывшейся писателю с обретением веры. А не верить и жить, переживая свои и окружающие трагедии российского бытия, не имея опоры в себе, - стало для него мучительно-невозможным.

¹²⁵ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 145.

¹²⁶ Там же. Т. 38. С. 165; Ср.: 38, 161.

1.2. Идейные истоки и смысл теории Толстого о непротивлении злу насилем.

И всё же, если говорить о толстовском неприятии насилия, то здесь влияние юношеского увлечения взглядами Руссо вне сомнений. После того как Толстой в конце пятидесятих годов 19 века надолго поселился в Ясной Поляне, он попытался организовать школу для крестьянских детей, где сам выступил в роли учителя и воспитателя. Обучение в школе шло под влиянием идей Руссо, которые, впрочем, Толстой дополнил собственными соображениями, основанными на его знании сельского быта и психологии крестьян. Толстой предложил осуществить **реформу школы, сделать её не государственным учреждением, а общественным**. Главное для него в обучении и воспитании – чтобы учитель любил своё дело и учащихся, а не просто старался сформировать у учащихся полезные знания¹²⁷.

В издававшемся им в 1862г. журнале «Ясная Поляна» Толстой критиковал систему образования в России, считая, что школы и университеты отрывают людей от жизни, а не приближают к ней.

Толстой попытался на практике осуществить систему воспитания, изложенную Руссо в «Эмиле». По его мнению, «единственный метод образования есть опыт, а единственный критериум его есть свобода»¹²⁸. При этом он призывал основываться на природных задатках обучаемых, на их изначальном совершенстве: «человек рождается совершенным, - есть великое слово, сказанное Руссо, и слово это, как камень, останется твёрдым и истинным. Родившись, человек представляет собой первообраз гармонии правды, красоты и добра»¹²⁹. В дальнейшем человек теряет эту гармонию, считает Толстой, а воспитание портит человека. Поэтому нужно лишь не мешать свободному развитию ребёнка,

¹²⁷ Его же. Педагогические сочинения. – М., 1953. – С. 342.

¹²⁸ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22-х т. Т. 16. – М., 1983. – С. 28.

¹²⁹ Там же. – Т. 15. – С. 31.

нужно предоставлять ему больше свободы, самостоятельности, инициативы в обучении и вообще в понимании жизни. Роль учителя сводится при этом к роли помощника, собеседника, а роль наставника, применяющего методы принуждения и насилия, Толстой решительно отвергает.

Ни в чём, как в воспитательных действиях учителей и родителей, не сказывается в большей мере вредоносное давление на ребёнка мира взрослых, каждый из которых, зажатый в своём общественном положении банкира, царя, купца, жулика, политика, рабочего, нищего, профессора и т.п., завидует детской свободе и чистоте, возводя свою зависть «в принцип и теорию»¹³⁰. «Я убеждён, - пишет Л.Н. Толстой в статье 1862 года “Воспитание и образование”, - что воспитатель только потому может с таким жаром заниматься воспитанием ребёнка, что в основе этого стремления лежит **зависть к чистоте ребёнка и желание сделать его похожим на себя**, то есть более **испорченным**». (Выдел. наше. – Р.А.).

Но что же должно стать содержанием свободных и ненасильственных воспитания и образования? Накануне состоявшейся 14 сентября 1909г. беседы с народными учителями земских школ Л.Н. Толстой подготовил статью «В чём главная задача учителя?», напечатанную в 1910г. в журнале «Свободное воспитание». Здесь Толстой называет «великим грехом» взрослых воспитателей внушение детям в возрасте беззащитности от обмана «коварной лжи», которая «извратит всю их последующую жизнь»¹³¹. Известно, что к таковой лжи «поздний» Толстой относил религиозные и государственно-патриотические суеверия и догмы, всегда внедряемые в массовое сознание обитателей государств, и всегда начиная с детства. Истиной же для Толстого до конца его земной жизни оставалась христианская религиозная нравственность,

¹³⁰ Его же. Пед. соч. – Указ. изд., - С. 243.

¹³¹ Толстовский листок. Толстой и о Толстом. – Вып. 11. – М., 2000. – С. 145.

формирующая у человека ряд убеждений и привычек: помнить и любить Бога и ближних, никого не насильничать, не ругать, помогать людям воздерживаться от табака, водки, блуда, осуждения друг друга¹³². В опубликованном письме В.Ф. Булгакову от 1 мая 1909г. Л.Н. Толстой утверждает со всей категоричностью, что любые знания будут только «праздной и вредной забавой» без «разумного религиозно-нравственного учения, поставленного в основу образования»¹³³. Причём, так как личный пример поступков взрослых учителей действует на детей сильнее проповедей и нравоучений, он не должен поэтому противоречить передаваемым им знаниям о Будде, Моисее, Христе или апостоле Иоанне¹³⁴.

Таким образом, толстовская педагогика ненасилия имеет прочный религиозный фундамент. Не менее прочны и её научные основания. Исходя из практических наблюдений в своей Яснополянской школе, Толстой пишет, что «свободный порядок» в школе страшен только тем учителям, которые сами были воспитаны по-другому – в условиях «недостатка уважения к человеческой природе»¹³⁵. Людям, в отличие от животных, не дано внерациональных возможностей следовать некоторым законам, по которым живёт Божий мир. Невежество влечёт ту омрачённость бессилия, которая чревата контрпродуктивными актами, поспешно (чтобы не мешала совесть) совершаемыми горе-педагогами и с той же поспешностью рационализируемыми ими в духе постулатов «традиционной педагогики». Как следствие, омрачённостью сознания заражаются ученики, что препятствует уменьшению их невежества. Ведь дети человеческие находятся ближе к естественным законам; им доступно независимое от степени развития «чувство правды, красоты и добра»; вот почему «они

¹³² Толстовский листок... - Вып. 11. – С. 145.

¹³³ Там же. – С. 142.

¹³⁴ Там же; Толстой Л.Н. Пед. соч., Указ. изд. – С. 404 – 405.

¹³⁵ Его же. Пед. соч., - Указ. изд. – С. 157.

возмущаются и ропщут, <...> не верят в законность ваших звонков, расписаний и правил»¹³⁶.

Практика «традиционных» методов воспитания и обучения в казённых заведениях, неотделимая от принуждений, продуцирует всё новые и новые поколения рабов и прислужников того социального устройства, в котором находят место нечеловеческие проявления господства-подчинения. Толстого возмущала косность и безответственность педагогов в решении (точнее – в **нерешении**) этой проблемы. Думается, можно полностью согласиться с выводом педагога и публициста о том, что, ради надежды на будущее человечества, «мир детей – людей простых, независимых – должен оставаться чист от самообманывания и преступной веры <...> в то, что чувство мести становится справедливым, как скоро его назовём наказанием»¹³⁷.

Начиная с 60х гг. XIX века, идея эта долго и упорно присовокуплялась к подозрительно длинному перечню ошибок и заблуждений «гениального художника». Неожиданный ответ критикам Толстого дала новая научная парадигма второй половины XX века, эволюционно-синергетическая. Открытия в естествознании предопределили появление во второй половине века новой научной картины мира: произошёл, как пишет об этом В.А. Тестов, «переход от образов порядка к образам хаоса», получили развитие идеи недетерминированности, непредсказуемости путей эволюции сложных открытых систем, обменивающихся с окружающим миром веществом, энергией и информацией¹³⁸. В необратимом саморазвитии системы всегда происходят незапланированные случайные процессы (флуктуации), могущие кардинально преобразовать систему, вывести её на качественно иной уровень самоорганизации. Если случайные отклонения усилятся, система может в такой переломный момент

¹³⁶ Там же. – С. 157-158, 334.

¹³⁷ Там же. – С. 162.

¹³⁸ Тестов В.А. «Жёсткие» и «мягкие» модели обучения / В.А. Тестов. – Педагогика. - № 8. – 2004. – С. 35.

(точка бифуркации) перейти на более высокий уровень упорядоченности, или же принять хаотический характер – до следующей бифуркации¹³⁹.

А ведь своими наблюдениями над такой сложной системой Л.Н. Толстой делился с читателями издававшегося им журнала «Ясная Поляна» ещё в середине XIX столетия, причём простыми и понятными словами! Система эта – его Яснополянская школа, точнее – её ученики. Иногда, писал Толстой-педагог, дисциплина на уроках ослабевает, и «нам кажется, беспорядок растёт, делается всё больше и больше, и нет ему пределов, кажется, что нет другого средства прекратить его, как употребить силу, – а стоили только немного подождать, и беспорядок (или оживление) самоестественно улётся бы в порядок, гораздо лучший и прочнейший, чем тот, который мы выдумаем»¹⁴⁰.

Процесс самоорганизации нельзя форсировать: это уже будет насилием, которое можно уподобить тому, «как грубая рука человека, желая помочь распуститься цветку, стала бы развёртывать цветок за лепестки и перемяла бы всё кругом»¹⁴¹. Это сравнение не столь поэтично, сколь великолепно своим указанием на естественность эволюции и скачков в системном саморазвитии. Воспитание человека есть для Л.Н. Толстого процесс самораскрытия его природных дарований, подобный распусканию цветка. Мерилом эффективности воспитания оказывается при этом приобретение воспитанником духовного богатства, высоких нравственных качеств.

Как и любое человеческое сообщество, «общество, составляющееся из школьников»¹⁴² есть сложная система, подчиняющаяся своим законам саморазвития, которые учителю нужно только признавать и разумно использовать в своей природосообразной работе. Но, подобно тому как «лишь отдельные энтузиасты

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Толстой Л.Н. Педагогич. соч. – Указ изд. – С. 157.

¹⁴¹ Там же. – С. 185.

¹⁴² Там же. – С. 157.

пытаются перейти от теории к практике», в которой цель обучения могла бы носить неконкретный характер и вести к ней могли бы разные пути¹⁴³, точно так же и ненасилие как практика социальной жизни (с неконкретной, но, безусловно, благой целью) безоговорочно признаётся лишь отдельными энтузиастами.

Зато сохраняют своё влияние доводы скептиков и противников концепции неупотребления насилия в сопротивлении злу, не блещущие, впрочем, новизной: в основной своей массе они предъявлялись ещё самому Толстому. Все они неизбежно представляют читателю толстовскую идею о непротивлении насилием в фальсифицированном виде, в виде заведомо редуцированной формулы о «непротивлении злу», несопротивлении, даже – покорности и потакании злу. М.А. Гельфонд¹⁴⁴ сводит все достаточно однообразные возражения Толстому к трём основным аргументам:

1. «Аргумент бегства от зла», сводящийся к обличению неверного понимания Толстым природы зла как действительной и весьма коварной «силы», промышляющей в мире. В условиях постоянного противостояния с этой «силой» людям *приходится* прибегать к ряду принуждений по отношению друг к другу (по И.А. Ильину, вплоть до смертной казни) и это, будучи насилием, не будет злом¹⁴⁵. Л.Н. Толстой возразил на это в том духе, что знать наверняка, что есть зло и не-зло может только Бог, а не люди, применяющие насилие¹⁴⁶.

2. «Аргумент целесообразности»: насилие эффективно и легитимно в случае защиты слабого и неэффективности других методов борьбы со злом. Тот же И.А. Ильин настаивает на том, что Л.Н. Толстой несправедливо смешивает *злое насилие* против

¹⁴³ Тестов В.А. Указ. соч. – С. 37.

¹⁴⁴ Гельфонд (Клюзова) М.Л. Критика учения Л.Н. Толстого о непротивлении злу насилием в отечественной религиозно-философской мысли конца 19 – начала 20вв.: три основных аргумента // Вопросы философии. – 2009. - № 10. - С. 121 – 133.

¹⁴⁵ Там же. – С. 122 – 125.

¹⁴⁶ Там же. – С. 125.

злодея и оправданное *понуждение* его к добру, не исключающее, как крайнюю меру, уничтожение злодея¹⁴⁷. Толстой считает такую «эффективность» насилия иллюзорной, уподобляя его применение «тушению огнём огня», а единственным путём пресечения зла признаёт «делание добра за зло всем безо всякого различия»¹⁴⁸. К тому же, подчёркивает писатель, цели практические, для которых выбирается насилие, обманчивы, а «для духовной цели нужно непротивление злу, и достигаются невидимые цели»¹⁴⁹. Так что подобная аргументация «от целесообразности» вообще недопустима между христианами.

3. «Аргумент жертвы», имеющей безусловное право на защиту от насильника. Однако Толстой и в этом случае намекает на маловерие своих оппонентов: предполагаемые последствия действий злодея, как и его собственная судьба, ведомы только Богу, а не людям, и должны пребывать только в Его ведении¹⁵⁰.

«Ударную мощь» последнего аргумента В.С. Соловьёв и И.А. Ильин усиливают, представляя читателю крайнюю ситуацию: невинный ребёнок – жертва дюжего разбойника, а в роли случайного свидетеля преступления – самосовершенствующийся, и потому принципиально «не противящийся» моралист – «толстовец». Конечно, убийце можно подставить свою, не столь беззащитную, грудь, но *целесообразнее* остановить его именно *насилием*, и как можно быстрее, не рассуждая. Ответ Толстого был неожиданен и крайне неприятен оппонентам своей остроумной меткостью. Публицист подчеркнул, что «занимает этих людей, желающих оправдать насилие, никак не судьба воображаемого ребёнка, а своя судьба, своя вся

¹⁴⁷ Там же. – С. 125 – 127.

¹⁴⁸ Толстой Л.Н. В чём моя вера? (Цит. по тексту анализируемой статьи. – С. 127).

¹⁴⁹ Его же. Философский дневник. 1901 – 1910. – М., 2003. – С. 282 (Цит. по тексту статьи. – С. 127).

¹⁵⁰ Там же. – С. 128 – 132.

основанная на насилии жизнь, которая при отрицании насилия не может продолжаться»¹⁵¹.

Не стоит порицать Л.Н. Толстого за столь очевидный отход от предмета дискуссии для осуждения её участников: они сами слишком долго напрашивались на такой ответ великого мыслителя. М.А. Гельфонд констатирует, что в отечественной критике теории Толстого, со времён её появления и до сего дня, превалируют безапелляционность и попытки позиционировать всё «противотолстовское» как окончательный приговор, исчерпывающе разрешающий все спорные вопросы¹⁵². Между тем, «ни одна из известных версий критики идеи непротивления не лишена собственных противоречий», а аргументы обеих «сторон» в данном споре – «теоретически паритетны»¹⁵³.

Достойный ответ «отрицающей» толстовское научение стороне дало не одно упомянутое выше естествознание. Наблюдения психолога XX столетия Э. Фромма убедительно доказывают, что вся философия сторонников наказания, войны или даже «необходимой обороны» не выдерживает проверки реальностью, в которой «чисто оборонительная агрессия очень легко смешивается с необоронительной деструктивностью и садистским желанием господствовать <...>. И когда это происходит, революционная наступательность перерождается в свою противоположность и вновь воспроизводит ту самую ситуацию, которую должна была уничтожить»¹⁵⁴. Это – почти дословное повторение одной из идей финального философского труда Л.Н. Толстого «Путь жизни» (1910): порядок в обществе держится не насилием, а общественным мнением, которое извращается «примером дурной жизни» общественной «верхушки»; так что «деятельность

¹⁵¹ Толстой Л.Н. Неизбежный переворот // Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви. – М., 2004. – С. 919.

¹⁵² Гельфонд (Клюзова) М.Л. – Указ. соч., - С. 133.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1998. – С. 262-263.

насилия ослабляет, нарушает то самое, что она хочет поддерживать»¹⁵⁵.

Иллюстрацией этого тезиса Л.Н. Толстого может послужить реакция в российском обществе на знаменитый его памфлет против смертных казней «Не могу молчать». Вперемежку с дежурными похвалами, шедшими в основном от деятелей либеральной (и прочей) оппозиции правительству, в адрес 80-летнего писателя шли и более искренние, хотя и анонимные, злобные отзывы: «Как он, подлый, старый лицемер, английский шпион, смеет писать против наказаний разбойников? <...> Что ты, безумный мертвец, мелешь? “Нельзя молчать!” <...> Ах, ты, подлый лгун, лицемер, английский прихвостень, жидовский наймит!» (37, 357) и т.д. Вот так предпочитали “откликаться” немногочисленные люди твёрдых, традиционных убеждений, то есть те, кто бы должны были стать в те непростые для страны годы единомышленниками Толстого в борьбе с революционной угрозой, с изуверством, уничтожением русских традиций и пр. Но в том и состоит трагедия Толстого-публициста, что именно консерваторы *настолько* не поняли (и по сей день предпочитают не понимать) его, что убеждены в деструктивно-нигилистической направленности его общественно-публицистических выступлений, в безбожии и сектантстве их автора. Недаром столетнее удержание Толстого в *фактическом* отлучении от церкви «православных» сопровождается критиками, хотя и более стилистически сдержанными, нежели процитированное выше, но близкими по идеям и скрытой неприязни, а началось, как мы знаем, также с анонимных откровенностей типа: «Теперь ты предан анафеме и пойдёшь по смерти в вечное мучение и издохнешь как собака... анафема ты... старый чёрт... проклят будь»¹⁵⁶. Ещё раз подчеркнём, что и современная «христианская» Россия изменила только

¹⁵⁵ Толстой Л.Н. Путь жизни. – М., 1993. – С. 167.

¹⁵⁶ Толстой Л.Н. Ответ на определение Синода // Толстой Л.Н. Не могу молчать. – М., 1985. – С. 434.

внешний стиль взаимоотношений с Толстым-публицистом (ведь некому уже адресовать ругань и угрозы!), но не характер и содержание «претензий» к великому своему «дьяволу» и «прохвосту»¹⁵⁷...

Неудержимое, почти инстинктивное, искажение защищаемой Толстым истины непротивления как в массовом, так и в научном сознании, отказ от признания **социальной** значимости евангельского «не противься злу» (Мф, 5, 39), - всё это, как справедливо резюмирует Ю.Н. Давыдов, прискорбнейше свидетельствует о том, что «в России времён “позднего” Толстого уже не представляли, как правило, никакого другого противления злу, кроме насильственного»¹⁵⁸. Думается, данный вывод автора конца XX века справедлив не только для царской России начала прошлого века, но, во многом, и для современного положения дел, и не только в России.

Известно, что сам Л.Н. Толстой в начале XXв. представлял себе «неизбежный» революционный переворот как религиозное пробуждение сознания трудящихся и эксплуатируемых к жизнепониманию, совместимому с христианством в его истинном, неизвращённом многовековыми толкованиями, значении. А такое понимание себя в отношении к Богу и миру требует только **ненасильственного** сопротивления делателям «злого»: нравственного воздержания от участия в их делах и мирного проповедания им неправды их жизни. О возможности такого характера будущей революции писатель судил, в основном, по многочисленным беседам с умными, нравственными, верующими людьми трудового народа, с которыми имел честь и удовольствие быть знакомым. Всегда упуская из виду русскую интеллигенцию, Толстой недооценил тот факт, что разум, воля и совесть не только революционных деятелей, но и лучших людей консервативных взглядов были в то время уже

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и Лев Толстой // Вопросы литературы. – 1994. - №1. – С.78.

отравлены, парализованы языческой, безумной идеей организованного человекоубийства, одоления орудием зла того, что им представлялось «злом». Именно такие люди, верящие в мнимую прогрессивно-движительную роль насилия в истории и в человеческой жизни (а такая вера – опаснее и губительнее, нежели простой атеизм!), были и остаются злейшими врагами и человечества, и религии, и мирной жизни на земле.

« ... Волки, зайцы могут жить без религии, - писал Л.Н. Толстой в 1907г., - человек же, имеющий разум, такое орудие, которое даёт ему огромную силу – если живёт без религии, подчиняясь своим животным инстинктам, становится самым ужасным зверем, вредным особенно для себе подобных»¹⁵⁹. А годом позже Д.П. Маковицкий зафиксировал следующее суждение великого мыслителя:

«Камень подчиняется закону сцепления частиц и тяготения. Растения в прибавку к этим законам подчиняются закону роста. Животные, кроме этих трёх законов, подчиняются закону взаимного общения. Для человека прибавляется новый закон – закон непротivления злу. Люди, которые не хотят знать этого закона (т.е. сознательно повиноваться ему. – Р.А.), остаются на животной ступени и превращают человеческое общество во что-то уродливое, безобразное»¹⁶⁰.

Взаимная борьба – закон животной жизни, а не общественной, человеческой, поэтому войны, революционное насилие или судебное преследование людей людьми же оправданы быть не могут ¹⁶¹. Теория Толстого, по мысли А. Гусейнова, призывает стараться «отделить человека, совершающего зло, от самого зла»¹⁶², поняв его заблуждения и соблазны, и искоренять не

¹⁵⁹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. – Т. 37. - С. 357. (Далее ссылки на это издание следуют в тексте, с указанием в скобках тома и страницы: 37, 357)

¹⁶⁰ Маковицкий Д.П. Яснополянские записки // Лит. наследство. – М., 1979. Т. 90. Кн. 3. С. 175 – 176.

¹⁶¹ Толстой Л.Н. Путь жизни. – М, 1993. – С. 174.

¹⁶² Гусейнов А. Учение Л.Н. Толстого о непротivлении злу насилием // Свободная мысль. -1994. - №6. –С. 81.

«злодеев», а эти соблазны и заблуждения в себе и других. Посвятив этому свои силы, всякий истинный борец со злом «увидит перед собой такую огромную деятельность, что никак не поймёт даже, зачем ему для его деятельности выдумка о разбойнике»¹⁶³.

Начиная с трактата 1882-1884 гг. «В чём моя вера?» и вплоть до упомянутой выше книги «Путь жизни» Л.Н. Толстой нигде и ни разу не говорит о *несопротивлении* (= покорности, потакании) злу. **Непротивление** в толстовской коннотации есть противоположность *несопротивлению*, бессильному смирению со злом. За ним, по выражению Ю.Н. Давыдова, «мощь всего **универсума Добра**, то есть Бога»¹⁶⁴, соединяющая людей для действенного одоления истинных врагов человечества.

«Я говорил, - поясняет Толстой в «Трёх притчах», - что, по учению Христа, вся жизнь человека есть борьба со злом, противление злу разумом и любовью, но что из всех средств противления злу Христос исключает одно неразумное средство противления злу насилием, состоящее в том, чтобы бороться со злом злом же»¹⁶⁵.

1.3. Историзм и идеализм (исповедание веры).

Уже в эпилоге к роману «Война и мир» Толстой признал, что законы общественного развития не зависят от воли и сознания людей, не исключая государственных лидеров и полководцев. «Движение народов, утверждал он, - производит не власть, не умственная деятельность, даже не соединение того и другого, как то думали историки, но деятельность *всех* людей, принимающих участие в событии и соединяющихся всегда так, что те, которые принимают

¹⁶³ Путь жизни. – Указ изд. – С. 175.

¹⁶⁴ Давыдов Ю.Н. Указ. соч. – С. 99.

¹⁶⁵ Толстой Л.Н. Три притчи // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20т., - М., 1964. – Т. 12. – С. 310-311.

наиболее прямое участие в событии, принимают на себя наименьшую ответственность, и наоборот»¹⁶⁶.

Признавая, подобно Гегелю, неизбежность того, что уже совершилось в истории, автор «Войны и мира» смело отвергал гегельянство при решении вопроса о человеческой деятельности. Он не подчинил понятие «свободы» понятию «необходимости». Свобода, по Толстому, есть «сущность жизни в сознании человека», необходимость же сопутствует подлинной разумности: «Всё, что мы знаем о жизни людей, есть только известное отношение свободы к необходимости, то есть сознания к законам разума»¹⁶⁷. Исторические события могут зависеть от «географических, этнографических или экономических условий», но никак не от воли тех людей, которые установили соответствующий этим условиям образ правления, произвели войну, революцию или любое другое «движение народа»¹⁶⁸.

Приходится констатировать, что именно эти воззрения, резко оппозиционные прогегельянским настроениям славянофилов-почвенников и многих консерваторов 60-70-х гг. XIX столетия получили наибольшее развитие в дальнейшем творчестве Л.Н. Толстого.

Итак, движением общества, если оно благо и (или) прогрессивно, управляют не мудрецы, вознесённые на гребнях мирской славы общественные лидеры, а «законы разума» передовых людей народа. Настаивая на этом тезисе, писатель, по сути, клал в основу трактовок множества явлений общественной жизни сознание как своего рода базис исторического процесса. «Наблюдая явления мира вне себя, - рассуждал он в духе глубоко осмысленного и любимого философа И.Канта, - человек видит стройную закономерность: всё определено причинами и следствиями, и ту же закономерность он хочет перенести в мир жизни людей (истории), забывая,

¹⁶⁶ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 12т. – М., 1958. – Т. 7. – С. 337.

¹⁶⁷ Там же. – С. 351.

¹⁶⁸ Там же. – С. 355.

что явления в жизни людей происходят в нём, в его воле и поэтому извне определены быть не могут» (54, 79).

История в её подлинном содержании движется не по рациональным планам, доктринам или законам отдельных людей, навязываемых другим людям. А потому, по убеждению Л.Н. Толстого, человеческая нравственность движет историю, а не движима ей; она не подчиняется каким-либо временным политическим, идеологическим или военным целям, как не подчинится светило небесное воле земного властителя. Исторический выбор, встающий перед всеми и каждым, основывается не на статьях законов или параграфах инструкций, а на соединяющих человечество нравственных законах. Прежде всего – на древнем, воспринятом ранним христианством принципе, к которому Толстой возвращался многократно: «Не делай другим того, чего не хочешь, чтобы тебе делали» (34, 257).

На закате своей жизни и за несколько лет до чудовищных потрясений в политической жизни России Л.Н. Толстой так же указывал, что «знание политической истории есть дело простого и даже праздного любопытства», а «важна история, т.е. движение мысли религиозной, нравственной и её отражение в складе жизни народов» (81, 260). В написанной в это же время, неоконченной и прискорбно неизвестной современникам статье «О социализме» (1910) Толстой, критикуя т.н. «научный социализм», доказывает невозможность существования объективных законов общественного развития, следуя которым можно было бы достигнуть социалистического переустройства общества. Он имеет в виду «особенные свойства разума и воли, которыми обладают только люди», в силу которых «имеющие в будущем сложиться экономические формы жизни человеческих обществ <...> так же мало могут быть предвидены и определены, как и будущее положение каждого отдельного человека» (38, 426-427).

Ставя в заслугу Л.Н. Толстому обращение им достаточного внимания на развитие религиозно-нравственной мысли как истинное содержание исторического процесса и подлинный предмет для научного изучения, отметим в то же время, что насущно необходимую критику исторического материализма он так и не довёл до должной убедительности, при которой аргументы обычно «перевешивают» риторику.

Основную причину страданий человеческих Толстой увидел не в бедственном положении «пролетариата» и не в эксплуататорских происках «классовых врагов», а в отсутствии у тех и у других требуемых временем и жизнью религиозно-нравственных основ и критериев бытия и, соответственно, утрате ими его смысла. Ведь корнем нравственных принципов поведения людей всегда была и должна быть религия (вера), то есть такое, установленное в соответствии со здравым смыслом, отношением к миру *конечному* и современными знаниями человека, его отношение к окружающей его *бесконечной* жизни и к её первооснове – Богу, которое связывает его временную жизнь с этой бесконечностью, придаёт ей смысл, неуничтожимый плотской смертью, и руководит его помыслами и поступками посредством открывающихся ему и выражающих волю и замысел Бога правил доброй и разумной жизни¹⁶⁹.

Поведение людей в мире неизбежно различается в зависимости от их веры. Вера, направляющая деятельность человека, не может быть не согласна с существующими знаниями или иррациональна. «Напротив того, утверждения настоящей веры, хотя и могут быть доказаны, никогда не только не содержат в себе ничего противного разуму и несогласного с знаниями людей, а всегда разъясняют то, что в жизни

¹⁶⁹ Толстой Л.Н. Избранные философские произведения. М., 1992. – С. 20, 48; Его же. Записные книжки. – М., 2000. – С. 133; Его же. Об истине, жизни и поведении. (Круг чтения). – М., 2002. – С. 17.

без положений веры представляется неразумным и противоречивым»¹⁷⁰.

Ложных вер, «остатков суеверий древнего невежества»¹⁷¹, было и есть немало, но каждая из них есть лишь «вера доверия тому, что говорят люди»¹⁷², то есть то есть вера в людей и их земных идолов а не в Бога. Это не дерзание духа, но, скорее, адаптация сознания к «единой колее», следование по которой исключает острые конфликты с социокультурным окружением индивида и ведёт его к наибольшему плотскому уюту и благополучию. Этим ли путём шёл Христос? Мохаммед? Будда? Нет, вера истинная – руководительница поступков индивида, превосходящих (с позиции совпадения с идеалом Божественной воли) доступный для всего сообщества уровень. Она может отвращать, но способна и объединить людей. Такая вера открывалась и открывается «самым мудрым и доброй жизни людям всех народов», учителям человечества, и сводится она к учению о том, «что такое жизнь и что в этой жизни надо и чего не надо делать»¹⁷³. И это не только этика, а самая ясная, необходимая, свободная ото лжи и путаницы, *настоящая* философия: «Религия есть всем понятная философия. Философия же – это доказываемая и потому запутанная религия»¹⁷⁴.

Истинная, **соединяющая** людей религия, слово Божие, а не теоретизирования праздных людей, всегда может определить, «что и зачем нужно изучать, что прежде, и что после»¹⁷⁵.

А для неверующих мыслителей, констатировал Л.Н. Толстой, реальна лишь собственная их животная жизнь и, несмотря на всю их мнимую просвещённость, научная мысль у них всегда редуцируется до «учения

¹⁷⁰ Толстой Л.Н. Избр. филос. произведения. – Указ. изд. – С. 27.

¹⁷¹ Там же. – С. 48.

¹⁷² Его же. Путь жизни. – Указ. изд. – С. 10.

¹⁷³ Там же. – С. 9.

¹⁷⁴ Его же. Записные книжки. – С. 157.

¹⁷⁵ Избр. филос. произв. – С. 34.

эгоизма, жестокости, утверждения своего счастья и величия на жизни других людей, которым они живут»¹⁷⁶.

О подлинном, то есть духовном, начале человека Л.Н.Толстой оставил для наших раздумий следующее суждение: «Неосязаемое, невидимое, бестелесное, дающее жизнь всему существующему, само в себе мы называем Богом. То же неосязаемое, невидимое, бестелесное начало, отделённое телом от всего остального и сознаваемое нами собою, мы называем душою»¹⁷⁷.

Человек божествен, и, пока живёт Божья душа в его теле, он должен помнить, что он и собратья его «соединены тем одним духовным началом, которое даёт жизнь всему», и что **«ТОЛЬКО ТОГДА ЧЕЛОВЕК ПОНИМАЕТ СВОЮ ЖИЗНЬ, КОГДА ОН В КАЖДОМ ЧЕЛОВЕКЕ ВИДИТ СЕБЯ»** (Выдел. наше. – Р.А.)¹⁷⁸. Это необходимое условие для того, чтобы исполнилась задача жизни разумного существа, человека: «всё больше и больше освобождать душу от тела и соединять её с другими существами и началом всего - Богом»¹⁷⁹. Человек соединяется с Богом «всё большим и большим сознанием в себе Бога, с душами же других существ – всё большим и большим проявлением любви»¹⁸⁰.

И потому несправедливы те из исследователей Л.Н. Толстого, которые, как И.В. Чуприна, утверждают, что, «возвысься» писатель только до материалистического истолкования истории, и «он мог бы безболезненно обойтись без бога»¹⁸¹. Правда в том, что нелицеприятной любви к ближнему нет без любви к Богу, одинаковому во всех людях, и неверующий не знает, для чего ему стремиться к такой любви, равносильной огромной, требуемой от него жертве. Такая любовь суть эманация Бога-Отца в человеке, одарённом Им разумностью как

¹⁷⁶ Там же. – С. 37.

¹⁷⁷ Путь жизни. – С. 20.

¹⁷⁸ Там же. – С. 33, 35.

¹⁷⁹ Там же. – С. 63.

¹⁸⁰ Там же. – С. 55.

¹⁸¹ Чуприна И.В. Нравственно – философские искания Л.Толстого в 60-е и 70-е годы. Саратов, 1974. – С. 219.

раз для её проявлений. От ней и все качества человека, духовная и нравственная его жизнь, его благо. Потому что Бог любит Себя в ближнем каждого человека, а не только в нём самом. Кроме того, сознание Бога – любовного начала в себе придаёт сил человеку исполнять волю Его, избавляет от страхов и соблазнов¹⁸².

Воля Бога-Отца есть благо всего существующего, любовное единение всех чад Его, людей: «Человек всякий есть посланник Отца, призванный только затем к жизни, чтобы исполнять волю Отца. Дело моё главное в том, чтобы **жить, внося в мир всеми средствами, какие даны мне, ту истину, которую я знаю, которая поверена мне**. Может случиться, что я сам буду часто плох, буду изменять своему призванию; всё это ни на минуту не может уничтожить значение моей жизни – **светить тем светом, который есть во мне до тех пор, пока могу, пока свет есть в вас**»¹⁸³.

Думается, что в этих строках из Дневника Толстого выражены не только вера христианина, но и кредо публициста.

Как звёздное небо над нашими головами, так и нравственный закон в нас самих не зависят от исторических обстоятельств и материальных оправданий. А поэтому – изменение существующего в обществе положения достижимо лишь внутренним изменением каждого отдельного человека, а именно – его сознания, и приведением всей его жизни в соответствие с новым, изменившимся сознанием. В итоговом своём философском труде «Путь жизни» (1910) Толстой так напутствовал читателя: «Если ты видишь, что устройство общества дурно, и ты хочешь исправить его, то знай, что для этого есть только одно средство: то, чтобы все люди стали лучше. А для того, чтобы все люди стали лучше, в твоей власти только одно: самому

¹⁸² Толстой Л.Н. Четвероевангелие. Соединение и перевод четырёх Евангелий. М., 2001. – С. 689. (О том же – гл 4 и 5 книги Путь жизни).

¹⁸³ Цит. по: Бирюков П.И. Биография Л.Н. Толстого. Кн. 2. М., 2000. С. 30-31. (Выдел. наши. – Р.А.)

сделаться лучше»¹⁸⁴. Для этого нужно изменение человеком понимания жизни, которое и совершается сначала передовыми, наиболее религиозными, чуткими к правде людьми эпохи; затем новое жизнепонимание завоёвывает постепенно общественное мнение, проходя путь от неприятия, извращения, к всё большему уяснению и приятию. При известном распространении истины передового жизнепонимания, её, по одному доверию к вероучителям, воспринимают и остальные люди¹⁸⁵.

Иначе говоря, Л.Н. Толстой прослеживает три пути исторического прогресса: путь усвоения религиозной истины через откровение и размышление – для передовых людей; путь подражания и доверия – для многих; путь горького опыта, проб и ошибок – для всех.

Начало «исторической» эры развития человечества, появление первых симптомов государственности Толстой связывает с переходом человечества от первобытного «детства» к относительной «взрослости», от личного, или животного, жизнепонимания (при котором человек заботится более всего о благе своей животной личности и поклоняется таким же эгоцентричным божествам) к жизнепониманию языческому, общественно-государственному. Первобытное животное жизнепонимание как бы «расширяется» постепенно в умах людей: индивид признаёт смысл в жизни уже не одного себя, но и некоторых локальных сообществ себе подобных: племени, семьи, рода, народа, государства (а в пределе – и всего человечества), то есть – сознательно желает им блага (связывая его с благом собственным) и служит им. Он готов жертвовать для них своим личным благом, получая в награду славу, знаки отличия, материальные блага, главное же – оправдание для своей жизни и своих поступков. Религия такого человека включает в себя, как незыблемый фундамент, идею святости и (или) необходимости государственного

¹⁸⁴ Толстой Л.Н. Путь жизни. – С. 270.

¹⁸⁵ Его же. Избранные филос. произведения. С. 344.

устройства, возвеличение предков, правителей прошлого и настоящего, служения им. Таковы общественно-патриархальные религии китайцев, японцев, евреев, государственная религия Древнего Рима, а также приспособленное к языческому пониманию и образу жизни церковное христианство.

Существует, наконец, и третье, всемирно-божеское, жизнепонимание – то, в котором невольно чувствует себя всякий человек, умудрённый жизнью, и к принятию которого, как надеялся Л.Н. Толстой, вплотную подошло человечество с зарождением, в условиях кризиса языческих религий, первого совместимого с этим жизнепониманием учения – учения Христа.

При христианском отношении к жизни, к миру, к истории, человек может служить словом и делом только Богу как источнику неумирающей жизни и непреходящих правил сосуществования разумных живых существ, детей Божьих. Для исполнения воли Бога человек высшего жизнепонимания жертвует и своим личным, и семейным, и общественным благами. Он также получает награду, как и человек общественного, языческого, служения, но не от людей, а от Бога – награду мира и единения с братьями, наивысшего, неуничтожимого смертью блага мудрой, покойной радости, неотделимой от каждого проявления сыном Божьим любви к Отцу через дела любовного служения ближним своим. Любовь, а не слава, ценна для такого человека, а религия его – в служении Богу, но не пляской, поклонами, подношениями, молитвами или храмовыми служеньями, а только **делом и истиной** ¹⁸⁶.

Иначе говоря, вся история древнего мира, заканчивающаяся римской, есть история замены животно-личностного осмысления людьми их жизни общественно-государственным. Со времени же распространения к IV – V вв. н.э. христианства началась и по сей день длится история замены языческого,

¹⁸⁶ Толстой Л.Н. Избранные филос. произведения. – Указ. изд. – С. 244-245.

общественно-государственного, жизнепонимания всемирно-божеским, выразившимся до сих пор с наибольшей ясностью и яркостью именно в учении Христа.

Содержанием этого исторического процесса является соблюдение людьми высшего жизнепонимания на практике правил доброй и разумной жизни, указывающих не только идеал нравственного совершенства, в пределе доступный отдельному человеку-праведнику, но и степень его достижения, уже возможного для многих людей, для их сообществ, в каждую конкретную историческую эпоху. Для еkkлeсии христиан это – заповеди Христа. Вся жизнь человеческая есть исполнение замысла Божия о чадах Его, получивших величайший Его дар – разумность. Исполнение это – в рождении всеми усилиями своей жизни от спонтанно-чувственного зверя к разумному человеку, от жизни животной к жизни всемирно-божеской¹⁸⁷.

Толстой намеренно избегает хронологий этого восхождения к сознательной разумности, желая тем самым подчеркнуть как присутствие в современном ему христианском мире животного и торжество общественно-государственных жизнепониманий, так и проблески в истории жизнепонимания высшего, всемирно-божеского, в сознании таких учителей человечества, как Будда, Сократ, стоики, Сенека, Марк Аврелий, первые христиане, Пётр Хельчицкий, Эйдин Бэллоу, Генри Торо и некоторых других. Толстой приходит, таким образом, к идее постоянного движения человека и общества к высшей истине, к трудному совершенству.

Лев Николаевич отказывается трактовать Евангельские заповеди как привычным для их критиков образом – как труднейшие правила и законы, требующие сиюминутного и буквального исполнения, а

¹⁸⁷ Там же. – С. 251-253.

потому вовсе неисполнимые, в отличие от «законодательных актов» языческих правительств¹⁸⁸.

Действительно, рассуждает автор в «Царствии Божием внутри вас...» (своём крупнейшем публицистическом слове к современникам), учение Христа указывает людям их непреходящее благо, состоящее в стремлении к божескому совершенству. Но смысла жизни христианина не в фанатическом, надрывном достижении, а в «наибольшем приближении к указанному и сознаваемому каждым человеком в себе божескому совершенству, в большем и большем приближении к слиянию своей воли с волей Божией»¹⁸⁹. Поэтому заповеди христианские не предписывают «праведных пред Богом» или «законных» поступков, а указывают **идеал и степень его возможного достижения в разные эпохи** жизни человечества; они «показывают только то, чего на известной степени развития человечества люди могут уже не делать»¹⁹⁰.

Очевидно, что и здесь Л.Н. Толстой не приемлет никаких оправданий торжества в истории человечества лишь горького опыта, пути проб и ошибок. Ведь, осмысливая опыт, пытаясь учиться у прошлого, люди всё же «следуют не истине, которая одна, а лжам, которых много»¹⁹¹. В условиях обмана лжеучителями объективный самостоятельный анализ здесь недостижим, а потому даже самый страшный и горький опыт человечества не помогает новым поколениям не повторять старых и не совершать ещё страшнейших ошибок. Нужны усилия размышления, уяснения, исповедания истины, внушения доверия к ней остальным, пока не переменится к истине общественное мнение и не установится «сообразный с этой истиной склад жизни»¹⁹².

¹⁸⁸ Толстой Л.Н. Избр. филос. произв. – С. 249.

¹⁸⁹ Там же. – С. 250.

¹⁹⁰ Там же. – С. 252.

¹⁹¹ Там же. – С. 401.

¹⁹² Там же. – С. 345.

Человек общественный, повинуюсь обществу как системе, не свободен в совершении поступков. Но самая жизнь неизбежно ставит людей в «троякое отношение к истине»: что-то уже стало «бессознательными причинами поступков»; какие-то знания высшей правды ещё неясны и только начинают в настоящем открываться человеческому разуму; третьи уже стали ясны, требуют признания или непризнания, хотя и не мотивируют пока бессознательную деятельность человека. Как раз в признании и добровольном и сознательном подчинении этим законам жизни и состоит область человеческой свободы, выбор каждого. Как следствие, жизнь истинная свободного человека протекает не в «будущем», а в настоящем, и важны не будущие последствия исполнения требований истины, а причины: познание и признание её на деле, а не на словах¹⁹³. Служение Богу, выразившееся в поступке, есть не причина со своими последствиями, а конечный результат, и только за него, а не за его последствия, человек вправе нести ответственность. **Нет «будущего», ибо «жизнь в настоящем»**¹⁹⁴; нет той воображаемой лазейки для язычников – революционеров, реформаторов, политиков и прочих жуликов-демагогов, неизменно предпочитающих с успехом отчитываться перед людьми своего жизнепонимания не за то, что они творят в настоящем и уже натворили, а за то, что, по их вере, *должно* из результатов содеянного ими выйти в некоторые «грядущие времена», когда их честолюбивые деяния уж поздно будет пресекать, зато им самим легко будет оправдаться, где-нибудь в мемуарах, в духе: «Ну что ж, народ наш преданный! Извините, опять обо...лись! С кем не бывает! Хотели как лучше... так получилось... » и т.п.

¹⁹³ Толстой Л.Н. Избр. филос. произв. – С. 407-410.

¹⁹⁴ Его же. Путь жизни. – С. 274 и сл.

Жизнь божеская есть жизнь в истине; достижению её мешают как неискоренимые, так и (более всего) придуманные для себя самим человеком, злоупотребляющим своей разумностью, или переданные ему по наследству, ложным воспитанием, грехи. Первейший из них - одурение, опьянение разума спиртным, пищей, табаком, зрелищами, речами, музыкой, танцами, обрядами и т.п. Повинующийся этому греху человек не одолеет и прочие – грехи праздности, похоти, блуда, стяжательства, борьбы с другими людьми¹⁹⁵.

Влекут человека к грехам ложные его представления об отношениях в обществе – обманы веры, или суеверия. Те, кому это выгодно, те, кто сам завяз в «приятном» грехе, распространяют лжеучения, истолковывающие оправдательно грехи и влекущие к ним соблазны. Рассадниками лжи выступают верные слуги правительств – церковь и наука. Так, например, государственно необходимой¹⁹⁶ признаётся вера некоторых граждан «в то, что необходимо и благотворно, чтобы меньшинство праздных людей властвовало над большинством рабочего народа»¹⁹⁷.

От суеверий, соблазнов и грехов личность освобождается усилиями разоблачения обмана, осознания своей сыновности Богу (вместо рабьей преданности идолищам государственности, науки, ложной церкви), главное же – усилиями воздержания от поступков, слов и мыслей, «противных любви к ближнему и сознанию человеком в себе божественного начала»¹⁹⁸.

Неравенство, разделение и борьба людей с людьми исчезнут со вступлением большинства их на тот путь жизни, ведущий к разумности и человечности, на который их столь же старательно, сколь пока и тщетно

¹⁹⁵ Избр. филос. произв. – С. 62-70.

¹⁹⁶ Именно «государственно», а не «общественно»! Обществу это не нужнее заразной болезнью.

¹⁹⁷ Путь жизни. – С. 6.

¹⁹⁸ Там же. – С. 7.

направляли многие века передовые исторические деятели – «не только Христос, но все мудрецы мира» (29, 195).

1.4. Толстой о лжеучителях противления (церковь и наука).

С рассмотренной выше концепцией ненасилия Толстого напрямую связана его критика «лжей», оправдательно истолковывающих насилие – государственной, церковной и научной.

1.4.1. Критика состояния церкви.

Ключевыми в деле осмысления пагубной роли союза церкви с государством стали такие работы Л.Н. Толстого-публициста, как «Исследование догматического богословия», «В чём моя вера?», «О веротерпимости», «Христианство и патриотизм» и ряд других. Так, в «Исследовании догматического богословия» Толстой разоблачает бесчеловечный характер «вероучения» церквей, которые, претендуя на исповедание христианства, веками внушали весьма широким и доверчивым массам, что человек порочен, слаб, что он не в силах справиться с грехами и соблазнами без особых услуг особых людей своей церкви: наставничества, богослужений, молитв. Толстой делает вывод, что такое церковное научение претит и букве, и духу христианского учения, требующего исповедания веры делами милосердия, нестяжания, любви к врагам, непротивления злему, а не полуязыческим колдовством икон, «таинств», культами, устраиваемыми вокруг святых и их останков. Всё это изуверство не допускает положительного к себе отношения, ибо, как подчёркивает Лев Николаевич, «под корень подсекает всё, что есть лучшего в природе человека» (23, 230).

Церковники заявляли и заявляют каждый о своей церкви как об обладательнице и проповеднице

религиозной истины, тогда как в её откровении, уяснении – вся история мысли человечества, и ей не предвидится окончания. Поэтому-то и появляются в человеческой истории могучие, как сама природа и всё живое, растущее в ней, протестанты, такие, как сам Толстой. И они не могут не возражать против признания высшей, а тем более божеской и непогрешимой истиной того, что им справедливо видится лишь как часть её, увязшая в трясине многовековых суеверий старого жизнепонимания.

Обособление от иноверцев, унижительное и унижающее миссионерство, устроенное по образцу государственной пропаганды для вербовки в солдаты, преследование инакомыслящих посредством правительственных сил – всё это несовместно с христианством, и всем этим переполнена история церкви (конечно, правдивая, научная, а не сочинённая ими самими!). Между тем церковь истинная, братство единоверцев, любящих Бога, людей и жизнь, должна быть веротерпима и ни прямо, ни косвенно не пользоваться поддержкой «сброда заблудших и развращённых людей, называемых у нас правительством», ибо «все его подарки пахнут кровью»¹⁹⁹. А для этого людям христианского мира надобно прийти к пониманию жизни, несовместимому с повиновением кесаревой власти, полюбить Бога и истину более своего спокойствия, «ничего и никого не бояться и иметь целью только всё большее и большее познание божеской истины и большее и большее осуществление её в жизни» (34, 298). Священной обязанностью таких людей Л.Н. Толстой признаёт обличение обманов, проповедь и личный пример: они не должны употреблять насилия, судиться с кем-либо, давать присяги и клятвы, участвовать в убийствах или войнах²⁰⁰.

¹⁹⁹ Толстой Л.Н. Записные книжки. – М., - 2000. – С. 148, 181.

²⁰⁰ Его же. Собр. соч.: В 22т. Т. 17. С. 204-205.

Заповеди Христа кажутся тяжкими, неисполнимыми тем, кто уже связал себя полузвериным, языческим служением «князю мира сего», тем заблудшим, чаще всего несчастным, людям, которые «живут заведованием и распоряжением над постройками броненосцев, крепостей, над солдатами, обучаемыми убийству, над школами, воспитывающими убийц, над судами, тюрьмами, виселицами», тем, кто «владеет богатствами, охраняемыми убийством», но не простым людям, которым просто «пора понять», что утопия – не евангельское служение Богу и ближним, а продолжение массового служения языческого, общественно-государственного, с надеждой на блага в умозрительном «будущем» и истреблением своей и чужих жизней в настоящем (37, 51 - 54). Толстой справедливо указывает и на роль церкви в насилии над сознанием, одурении разума людей. Эту услугу ложные учителя не брезговали оказывать государствам со времён императора Константина, обманывая мнимоверующих (доверчивых) людей (23, 63, 479-480). Снискав высочайшее кесарево доверие, церковники быстро забыли о «наивных» требованиях первоначального христианства. В своём трактате «Церковь и государство» Лев Николаевич Толстой прямо назвал кощунством и «погибелью христианства» освящение религией государственной власти и возведение самого христианства в положение государственно поддерживаемой религии. По этому поводу он пишет в программной работе «Церковь и государство»: «Проживя 1500 лет под этим кощунственным союзом мнимого христианства с государством, надо сделать большое усилие, чтобы забыть все сложные софизмы, которыми 1500 лет, везде в угоду власти, изуродовав учение Христа, чтобы оно могло ужиться с государством, пытались объяснить святость, законность государства и возможность его быть христианским. В сущности же слова “христианское государство” есть то же, что слова:

тёплый, горячий лёд. Или нет государства, или нет христианства» (Там же. С. 479).

Даже в случае юридически декларируемого отделения церкви от государства высшие классы, ведомые инстинктом самосохранения не перестают скрытно её поддерживать (Там же). Люди церкви и люди государства всегда соглашались в деле насилия ради добычи: поборов, трофеев, даров и т.п. приумножений богатств богатых. И «отделённые от государства» попы продолжают идеологически поддерживать мирскую власть не оттого только, что верят ветхим догмам, но и потому, что государственность функционирует всегда в интересах т.н. «полноправных граждан», а ими всегда является финансовая элита и увивающиеся вокруг неё прислужники: власти, продавшиеся им деятели науки и искусства, и т.п. Мирские же учреждения, к каким относятся церкви, никак не могут быть реально отделены от такого щедрого и благодарного источника финансирования. Истинное же христианство чуждо корыстолюбию и не связано с мирскими властями, группами корыстных интересов, партиями и пр., имея отношения только *просто с людьми*.

Иначе говоря, истинная, свободная церковность альтернативна государственности. Думается, их соотношение в общественной жизни будет прямо пропорционально росту духовной составляющей во взаимоотношениях людей и утверждению новой цивилизации, альтернативной садо-некрофильной цивилизации нашей лжехристианской современности.

(.....)

Однако в исследуемую эпоху не только современники, но даже и соотечественники Л.Н. Толстого не оставляли себе шанса: русская церковь православных ни в чём хорошем не превзошла другие. Не напрасно писатель и публицист относил её к главным идеологическим опорам самодержавия, более важным, чем печать и школы (38, 163). Особое негодование вызывала у писателя деятельность правящей верхушки

тогдашней церковной иерархии во главе с К.П. Победоносцевым, бывшем в 1880 – 1905гг. обер-прокурором Синода. В письме Николаю II (декабрь 1900г.) Толстой называет этого консервативного, но при этом диаметрально противоположного ему по убеждениям публициста и государственного деятеля «злодеем, имя которого, как образцового злодея, перейдёт в историю» (63, 58). Подобным идеологическим защитникам старины Л.Н Толстой, сам принципиальный (но в то же время – *разумный*) консерватор, предрёк: «Вам не устоять против революции с вашим знаменем самодержавия, хотя бы и с конституционными поправками, и извращённого христианства, называемого православием, хотя бы с патриархом и всякого рода мистическими толкованиями. Всё это отжило и не может быть восстановлено» (36, 304).

Оба крайних искажения, с которыми любят «подавать» Л.Н. Толстого критики-комментаторы²⁰¹ (заранее зная, что «весьма широкий читатель» примет на веру, а прочие ортодоксии и властям не страшны), препятствуют объективному осмыслению этого и ряда других весьма резких суждений Льва Николаевича. А ведь это – предупреждение Толстого, которое непредвзято может быть осмыслено только читателем, имеющим целостное представление о взглядах писателя (а не только о его «ужасной ереси» или «страстных обличениях всего и вся!»), и в особенности – на *русскую революцию* (об этом пойдёт речь в 5-й главе нашей работы).

1.4.2. Толстой о «свободно» прогрессирующей научной мысли.

В 1908 году, памятном последовавшими за Первой российской революцией казнями и репрессиями со стороны научно просвещённых и благонамеренных людей правительства, Л.Н. Толстой пишет и пытается

²⁰¹ О них мы достаточно сказали выше, во Введении.

опубликовать новое своё «обращение к людям-братьям», озаглавленное «Благо любви». В нём он приглашает способных к размышлению и анализу существующего устройства жизни людей задуматься над происходящим.

«Кто мы? Что мы? – вопрошает публицист, - Ведь только ничтожные, могущие всякую минуту исчезнуть слабые существа, выскочившие на мгновение из небытия в жизнь прекрасную, радостную, с небом, солнцем, лесами, лугами, реками, птицами, животными, блаженством любви и к близким, и к своей душе, к добру и ко всему живому...

И что же? Мы, существа эти, не находим ничего лучшего, как то, чтобы этот короткий, неопределённый, каждую минуту могущий прерваться миг жизни отдавать на то, чтобы, изуродовав 10-этажными домами, мостовыми, дымом, копотью, зарыться в эти трущобы, лезть под землю добывать камни, железо <...>, и, главное, вместо радостной жизни, жизни любви, ненавидеть, бояться, мучить, мучиться, убивать, запирасть, казнить, учиться убивать и убивать друг друга.

Ведь это ужасно!» (37, 363 - 364).

Эти гениальные и провидческие слова перекликаются по содержанию и стилю и с увещаниями древних пророков, и со знаменитым рассуждением Паскаля о «мыслящем тростнике», и с кровью сердца писанными монологами героев «золотой» русской литературы. Тем трагичней характеризует себя означенная эпоха, если вспомнить, что на эти бесценные призывы рационалисты, материалисты, позитивисты всех мастей и прочие поборники модных научных и философских течений отвечали самоуверенными критиками, а то и насмешками.

Отношение же к поднятым проблемам самого Льва Николаевича видно по приписке в конце обращения-мольбы: «думал, что умираю, когда писал это» (Там же. С. 365).

Почитатель и служитель научно-технического прогресса мог бы логично заметить: да, вся критика верна и сильна, ситуация в стране и в мире, действительно, удручает, но ведь МЫ, то есть учёные, трудимся ради улучшения её, работаем в приоритетных направлениях для блага народонаселения в некотором будущем, и т.д., и т.п. Толстой предвидит такое возражение и вовсе не риторически вопрошает своего высокообразованного читателя: почему он считает необходимым «жизнью любви в настоящем, сейчас, жертвовать ради неизвестной нам жизни будущей?» (Там же. С. 364).

Ведь этой иллюзией важности разнообразной «работы для будущего», с уверенностью в её несомненной пользе почему-то именно в этом умозрительном «будущем», было поражено сознание людей к. XIX – н. XX веков, не исключая, разумеется, деятелей наук и писателей. Ещё в 1893г. Толстой протестовал против восторженных и далёких от реальности призывов Э. Золя к французской интеллигенции верить в науку и «труд», которые дают, по словам Золя, смысла жизни и служат залогом её неуклонного совершенствования²⁰². Вывод Толстого из знакомства с обращением Золя к молодёжи (главным образом, из мелкобуржуазных слоёв) был остроумно-меток и нелестен как для Золя, так и для молодых поклонников его идей: к концу XIX столетия изверившаяся в мистике лжехристианства интеллектуальная элита Европы подпала новому соблазнительному суеверию, заменившему религиозное. Вместо веры в сотворение мира и загробное блаженство, европейски образованный интеллигент уверовал в «объективные законы эволюции», «социологические исследования» и т.п., главное – в будущее блага для человечества (и, конечно, любимой «своей» нации!) в результате вдохновенного «труда» в сообществе жрецов от науки. И те, кто приспособливается к новым знаниям

²⁰² Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви. М., 2004. – С. 601-604.

отжившие свой век догмы церковных учений, и те, кто верят, как в догму, в возможности науки – «люди одного лагеря». Ибо «и те и другие ищут основ жизни, двигателей её не в себе, не в своём разуме, а во внешних человеческих формах жизни: одни в том, что они называют религией, другие в том, что называется наукой»²⁰³.

Самообман людей науки заключается, по мнению писателя, в бездумном, в угоду моде, отбрасывании, вместе с шелухой мистики и суеверий, солиднейшего и требующего к себе почтения, ценнейшего, издревле «питающего костный мозг львов», религиозного ядра: опыта рефлексии и саморефлексии, подвижничества и учительства. Одновременно гипертрофированные масштабы принимает в научной среде авторитет материалистической мысли, модного атеизма. Утрата же религиозного сознания всегда приводит к заполнению вакуума в сердцах и умах людей различными идеологиями, всегда охраняемыми авторитетом науки, но служащими отнюдь не общенародным и не строго научным интересам. По мысли Л.Н. Толстого, безрелигиозная наука всегда впитывает в себя пороки той социальной среды, в которой она вынуждена существовать. Действительно, приспособляясь к вкусам и интересам господствующего меньшинства в обществе, оторванная от нужд и запросов трудящегося человечества, она вырождалась в буржуазной России той эпохи в советчицу власть имущих обманщиков и насильников, то есть имперского чиновничества всех уровней, в промысел для дипломированных помощников эксплуататоров (начальников над наёмными рабами), и, в любом случае, - в «раздавательницу дипломов на праздность».

Коренной и главный порок науки в собственническом мире состоит, по мысли писателя, в том, что она помогает правительствам держать обитателей их государств в идеологическом и

²⁰³ Там же. С. 606 – 607.

экономическом рабстве у капиталистов, попутно подводя оправдания и под факт существования и деятельность самих правительств с их аппаратом насилия и репрессий. «Люди повергнуты в рабство самое ужасное, - резюмирует Толстой, - но наука старается уверить людей, что это необходимо и не может быть иначе» (25, 246).

Деятельность людей науки в союзе с буржуазным государством – всегда обман, и обман корыстный, подобный многовековому обману церковников, также охотно и корыстно оказывавших правительствам идеологическую поддержку, суть которой – то же насилие, но хитрое, бескровное, производимое над сознанием людей. Мысль нелюбезная, новая для очень многих в конце XIX века, но Толстой предлагает всем честным людям свыкаться с ней и крушить структуры наведённой лжи в своих головах. Уже в «Церкви и государстве» он писал: « ...Надо забыть все те фантазии, в которых мы старательно воспитываемся, и прямо спрашивать о значении тех наук исторических и юридических, которым нас учат. Основ эти науки не имеют никаких. Все эти науки не что иное, как апология насилия» (23, 479).

Как когда-то богословие, так в новое время философия, политэкономия, социология, юридические и др. науки, затрагивающие проблемы человека и общества, обласканы у насильников и эксплуататоров за то, «что они все служат оправданием существующего освобождения себя одними людьми от человеческой обязанности труда и поглощения ими труда других» (25, 317). Видимо эта мысль, впервые сошедшая с кончика пера Льва Николаевича ещё в середине 80-х гг., жила в сознании писателя и публициста до 1893г., когда он ознакомился с вышеупомянутой речью Э. Золя к французской интеллигенции. Смысл возражений довольно очевиден: в неблагополучном, эксплуататорском обществе «труд» по утолению праздного научного любопытства интеллектуальной

элиты по меньшей мере бесполезен для народа, чьим тяжёлым трудом он оплачивается. А чтобы эта известная интеллектуалам истина не смущала их, свой «труд» они делают «нравственно анестезирующим средством вроде курения и вина, для скрывания от себя неправильности и порочности своей жизни»²⁰⁴. Хлопотливым историкам, например, Л.Н. Толстой напоминает, что «величайшие злодеи человечества Нерон, Пётр I всегда были особенно заняты и озабочены, ни на минуту не оставаясь сами с собой без занятий и увеселений»²⁰⁵.

Отсюда и проистекает, заключает Толстой, превозносимая Э. Золя «вера в труд», кастово-корпоративная «муравьиная гордость» им, тогда как объективно нужный и полезный обществу труд в этой горделивой вере не нуждается, ибо «труд – потребность всего живущего, а не особое достоинство»²⁰⁶. Учёным XX века мыслитель завещал в 1910 году следующее правило: «Не смотри на учёность, как на корону, чтобы ею красоваться, ни как на корову, чтобы кормиться ею»²⁰⁷.

Истинная наука, настаивает Лев Николаевич, должна решительно, в единстве своём, руководствуясь и своими, и религиозными аргументами, восстать против губительного порядка вещей, отринуть строй обмана и насилия, не служить ему. Её долг – с детских лет учить каждого вступающего в жизнь человека «тому, что должно быть, а не тому, что хорошо то, что есть»²⁰⁸. Подлинная наука не может развиваться без связи с народом, как живой росток не может тянуться к солнцу без жизни корешка в земле. Жизненный опыт народа, его многовековая борьба с хаосом и стихией в природе, наблюдения за нею, его неустанный труд, его материальные и нравственные потребности есть та

²⁰⁴ Толстой Л.Н. Неделание // Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви. – Сб. статей. – С. 610.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Его же. Путь жизни. – Указ. изд. – С. 249.

²⁰⁸ Его же. Записные книжки. – С. 135.

единственная почва, на которой может произрастать мировое древо науки. «Воображаемым» же знаниям всё равно не найдётся рационального приложения к трудовой и духовной жизни народа (25, 356-360).

Независимо от нашего желания признавать или не признавать правоту Л.Н. Толстого в этих выводах, более поздние времена подтвердили её. *Воображаемые*, искусственные потребности, влечения к приумножению богатств ради их удовлетворения, властолюбие и тщеславие субъектов, дорвавшихся до власти в «демократических» странах, *искусственно* нагнетаемые казёнными идеологами военные страхи, навязываемые массовому сознанию лживые образы «противников» - разрушителей и убийц, гонки в вооружениях, «борьба» с размножающимися террористами, мутирующими болезнями, изуродованными самим же человеком окружающей его природой и собственным его, от Бога данным, физическим и психическим образом и подобием – всё это и многое другое служит только распложиванию всё новых «сфер исследования», заведомо не могущих решить проблем, подобных вышеперечисленным, никогда не возникшим бы среди здравомысленных, **религиозных**, живущих в согласии с природой и ближними, **свободных от повиновения человеческой власти** честных тружеников.

И наука, и христианские церкви, и отдельные люди (особенно – обладающие властью) могут и должны играть совсем иную роль в борьбе со злыми, деструктивными факторами человеческого бытия. Для этого им нужно признать «закон непротивления», синергетический смысл которого, как нам представляется, очевиден: исключение немудрого насильственного воздействия на свободное саморазвитие сложной системы, будь то отдельный индивид, коллектив школьников или политический строй.

В заключение подчеркнём, что Л.Н.Толстой никогда не отвергал «науку вообще» (как не отвергал цивилизацию, церковность, прогресс, авторитет знания,

мудрости и др. завоевания человеческой культуры). Он не отрицал жизненного подвига немногочисленных честных её тружеников, думавших в ту далёкую и непростую эпоху о благе народном и стремившихся при этом сохранить автономность ото всех околонуточных поветрий и вненаучных влияний. Но следует признать и то, что писатель явно переоценивал возможности не только народа, но и его просвещённых учителей. Эти разрозненные, немногочисленные *честные* люди бессильны были добиться коренного переустройства общественного сознания и жизни. В условиях господства капитала их благородные идеи и устремления подавлялись, извращались, ставились на службу эксплуататорам, а нередко и вовсе были обречены на провал. А большинство учёных в тогдашнем буржуазном мире самими условиями жизни были отгорожены от народа, зависимы от правительств и капиталистов, и поэтому неизбежно, начиная со студенчества, заняты не тем, в чём состояла объективная потребность общества, и даже не выяснением этого для себя, а тем, что считалось важным в поглотившей их «интеллектуальной» среде.

1.5. Собственность или человечность?

Огромнейшей, не оценённой ещё сполна заслугой Л.Н. Толстого следует признать то, что великий мыслитель сумел с позиций общечеловеческой нравственности и простого здравого смысла раскрыть, обнажить всю звериную сущность пресловутой «буржуазной демократии», заставить задуматься читателя над вопиющей фиктивностью всяких «свобод» в мире капитала, стяжательства, борьбы людей с людьми. В своих лучших философско-публицистических сочинениях Толстой убедительно показал, что строй «свободного предпринимательства», который так восхваляли его вдохновенные дармоеды-идеологи, - это

строй наёмного «рабства нашего времени», исключающий подлинное равенство и человеческое благополучие. Его подлость в том, что, вместо исключительного силового обеспечения (впрочем, не исключённого вовсе) процветающие при нём в завуалированной форме грабёж и насилие поддерживаются обманом и самообманом людей о неких выдуманных «законах экономики», интересах «свободной и независимой личности». Интересы эти якобы неотделимы от того, чтобы иметь больше собственности, капиталов, приобретённых грехом эксплуатации наёмных рабов, а не быть радостным слугою Богу и ближним. В книге Л.Н. Толстого «Путь жизни» мы находим точные, справедливые его наблюдения и выводы на эту тему: «Люди в тысячу раз больше хлопчут о том, чтобы прибавить себе богатства, нежели о том, чтобы прибавить себе разума. А кажется, всякий может понимать, что для счастья человека гораздо важнее то, что есть в нём, чем то, что есть у него»²⁰⁹. Хорошие одежды, дорогой дом, лошади, пышные увеселения нужны человеку в той мере, в какой он не живёт ещё жизнью истинной, духовной: «Дайте человеку внутреннюю, духовную жизнь, и ему ничего этого не будет нужно»²¹⁰.

Показывая тщету, безблагодатность накопления частной собственности, Лев Николаевич, несомненно, мечтал о человеке будущего, свободном от атавистической патологии собственничества. В следующих главах нашей работы пойдёт речь о многолетней критике писателем и публицистом собственности на землю и накопления капитала как орудия и средства принуждения и насилий.

Слово Толстого к современникам и потомкам содержит спасительный призыв к отказу от стремления к приобретению и умножению всякой материальной собственности, от всякой рационализации таких

²⁰⁹ Путь жизни. – С. 129.

²¹⁰ Там же. – С. 130.

стремлений. Направлять свои усилия и помыслы человек должен на совершенствование своей настоящей собственности – способностей духа и разумного сознания. Верующему необходимо не гордиться приобретённой властью и собственностью, а «уничтожать в себе и похоть, и гордость, и корыстолюбие. Никакое улучшение невозможно, пока каждый не начнёт это улучшение с самого себя»²¹¹. И когда такой человек «обрабатывает» свою настоящую собственность, он «будет таким полезным, сильным, добрым человеком, которого куда ни брось, он везде упадёт на ноги, везде всем будет брат, будет всем приятен и нужен и дорог» (25, 402). Для такого человека невозможен становится сам соблазн «обеспечения» своей животной личности стяжательством, тем более – за счёт своих ближних. Если вообразить себе человечество недалёкого будущего, состоящее из таких людей, то невозможно представить их повинующимися каким бы то ни было правительствам и какому бы то ни было эксплуататорскому меньшинству. Всё это станет просто невозможно и не нужно – так способна «обеспечить» людей истинная вера!

Сама рационализация «священного права собственности» связана не с достижениями правового прогресса, а с удержанием современным «человеком разумным» такого, отнюдь не прогрессивного, состояния сознания, таких чувственных и поведенческих проявлений, которые указывают на звериное в нём, на слишком тесную связь с диким прошлым человечества, на инстинкты спонтанно-чувственного животного, голого, бесхвостого, изуродованного неведомой мутацией, первобытного зверя. Отсюда – и мифотворчество церковной ортодоксии о «первородном грехе», и её же констатации того очевидного факта, что «мир от века во зле лежит», и навязываемые массам «своих» верующих иллюзии о чудесном, мистическом от этого зла «избавлении». Но нет, без сознательных усилий

²¹¹ Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении. М., 2002, - С. 87.

никакое разумное существо не может правильно, по-Божьи, распорядиться своей разумностью и в личном, и, в особенности, в социальном жизнеустройстве. Его жизнепонимание и образ жизни не могут быть совместимы со всемирностью, особенно – с учением Христа. И разумность из благого дара, превращается в проклятие, источник соблазнов и зол, требующий обуздания уже извне, со стороны правящих и начальствующих «верхов», которые, в свою очередь, тысячи лет активно паразитируют на слабостях и глупостях подвластных им «народных масс».

Таково современное Л.Н. Толстому эксплуататорское общество, в котором палаческая удавка собственности и денег применяется хозяевами чужих жизней и судеб под контролем государства, органа господства паразитического меньшинства развращённых людей над огромным числом развращаемых ими «граждан» (не безгрешных, но в «гражданстве» своём уж точно неповинных). Алчные, жадные, дорвавшиеся до власти и денег, полубезумные существа («правлящая элита») в своих гадких, корыстолюбивых и властолюбивых интересах опираются на **закон насилия**, царствующий среди обманувшихся и обманутых, развращённых ими рядовых обитателей гостерриторий, и насилуют сами, по своим понятиям о «справедливости» и «порядке», якобы для обуздания этого насилия, для борьбы с врагами всех «граждан» (на деле – только богатой и нужной им, а потому и граждански полноправной верхушки!). А «врагами» объявляются то согнанные в военное рабство, такие же, обманутые, приневоленные к войне обитатели другой территории, то террористы, то преступники, а то и оппозиция в борьбе за власть (до которой простым обитателям почему-то должно быть дело) или восставшие обитатели, требующие себе реальных гражданских прав. Понятно, что мирные трудящиеся могут быть в этой бесконечной бойне либо манипулируемыми «пешками» в иерархии воюющих, либо трудовыми рабами «элит», кормящими их вплоть до

очередного акта «реальной геополитики» - злобной грызни иерархических кланов за воображаемую ими своей собственностью. И тогда простецу уже неважно, кто погубит его труды и его самого: противогосударственная (террористическая) или государственная (армейская) банда.

(.....)

Это **постыдно** продолжалось в годы евангельской проповеди Толстого, это едва не убило человечество в XX веке, но удерживается и по сей день, прогрессируя по линии выучки и агрессии убийц.

Толстой указывает на ту простую истину, что государственность всегда закрепляет раскол общества на сверхобеспеченных и малоимущих, на эксплуататоров и эксплуатируемых, поэтому надежды на любые улучшения в общественной жизни следует связывать не с безбожной, языческой идеей «демократии», не с ликвидацией в «светлом будущем» эксплуататорских государств, а с удалением из человеческой жизни самой государственности как инородного агрегата в живом общественном организме (подобного паразиту в теле человека). В своём месте мы покажем, каким виделся Л.Н. Толстому этот спасительный социальный рывок, здесь же лишь отметим, что публицист признавал необходимым в российских условиях неопределённо-длительный переходный период к анархической свободе, содержанием которого полагал утверждение «мирских» и «артельных» форм общежития, общинного владения землёй при самоуправлении, с сохранением объективно необходимых промышленных предприятий (очевидно, негосударственных) (36, 262).

О частной собственности на землю Толстой пишет как о корне всего существующего в обществе зла и называет преступной деятельность всякого правительства, покровительствующего земельным

собственникам. Лишение трудового человека его естественного права на пользование плодами его труда пропорционально самому труду уничтожает и без того немногие для него блага цивилизованной жизни. «Право на землю, - прибегает тут Толстой к излюбленному своему приёму сравнения, - подобно праву на дорогу, которую захватили разбойники и по которой не пропускают людей без выкупа» (34, 225).

Налицо сближение позиции Л.Н. Толстого по вопросу о собственности с взглядами А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского. Но при этом не забудем, что содержанием образа действий «народных заступников» Толстой признавал просвещение народа и призывы ко Христу, а **не** пропаганду революционных идей и призывы к топору, бомбам и кровопролитиям. Кроме того, давно замечено, что Л.Н. Толстой как проповедник любви и согласия между людьми в своём отрицании блага нетрудовой, приобретённой обманом и эксплуатацией, собственности более радикален, нежели иные представители передовой анархической мысли его эпохи (Бакунин, Кропоткин, Тёккер), отчасти сближаясь лишь с В. Годвином (1756–1836) и М. Штирнером (1806–1856)²¹².

Идеал общинной жизни Л.Н. Толстого обнаруживает прямое сродство и с вековыми идеалами и мечтами великорусского пахаря о свободном труде на свободной земле, о равноправном общежитии мелких собственников – хозяев своей жизни и результатов своего труда, просвещённых христиан, а не рабов господского корыстолюбивого обмана, «тёмных». Писатель и публицист явился в этом вопросе наиболее вдумчивым выразителем идей и настроений своих трудящихся соотечественников в эпоху назревания буржуазной революции в стране и тем самым передал мысли и настроения благороднейших людей всех народов мира, либо мучимых и отвергаемых этим миром за апелляции к совести и разуму собственников, либо

²¹² Эльцбахер П. Сущность анархизма. - Мн.- М., 2001. - С. 249-252.

смиренно стонущих под их властью, надеясь на Бога, то есть подлинно человеческое в других людях и в себе.

1.6. Общинность или государственность?

Наблюдения за происходящим в экономике и политике России и Европы, как мы видим, наводили и молодого, и зрелого уже писателя и публициста на ряд размышлений и выводов, в частности - по вопросам об устройстве и характеру власти в обществе, о судьбе госуда^рст.венности. Исконный союз власти и собственности, то есть – насилия и ограбления, сделал для нас необходимым уже затронуть выше этот аспект толстовского мировоззрения. Но к нему нельзя не вернуться для более подробного анализа.

Ещё 3 марта 1854г. молодой Лев оставил в своей записной книжке следующее суждение о русском самодержавии: «Гордость и презрение к другим человека, исполняющего подлую монархическую должность, похожа на такую же гордость и самостоятельность б...и»²¹³. А менее чем через три месяца, под впечатлением от упомянутого выше посещения демократически-республиканской Франции, писатель уже делает вывод, неприемлемый даже для критиков монархии в России: «Все правительства равны по мере зла и добра. Лучший идеал - анархия»²¹⁴.

В дважды конфисковывавшейся в России своей статье 1905г. «Единое на потребу» Лев Николаевич так развивает и поясняет эту свою мысль, в то время уже всемирно известную: «Властвуют всегда наиболее дурные, ничтожные, жестокие, безнравственные и, главное, *лживые* люди. И то, что это так, не есть случайность, а общее правило, необходимое условие власти» (36, 174).

Толстой не утверждает здесь чего-либо нового, но только повторяет то, истинность чего веками знали и

²¹³ Записные книжки. – С. 47.

²¹⁴ Записные книжки. – С. 50.

ощущали жители любых государств, что по-своему и со своими целями выразил ещё Н. Макиавелли: **всякий правительственный человек – необходимо убийца**, и не просто убийца, а **обманщик и мучитель своих жертв**. Ибо *любая* власть человека над человеком чревата садизмом. «Власть над другим человеком, - писал об этом Л.Н. Толстой, - есть не что иное как признанное право не только предавать других людей мучениям и убийствам, но и **заставлять других людей мучить самих себя**. А достигнуть того, чтобы люди по воле начальствующего мучили и убивали друг друга, нельзя иначе, как обманами, ложью, коварством и, главное, жестокостью. Так всегда поступали и не могут не поступать все властители» (Там же. С. 177. Выделение наше. – Р.А.). Повиновение им сродни, в свою очередь, противоположному, мазохистскому психическому извращению, а все попытки рационализации этого повиновения – только признание индивидом торжества в бытии социумов и в его собственной жизни атавистически-зоологического и иррационального начал. Вот почему слепое, не выборочное, *повиновение законам и приказам «начальствующих» есть грех и зло* не меньшие, чем само «начальствование». По Л.Н. Толстому, повиновение власти, как и сама власть, несовместимо с честью и достоинством человека: «Только человек, сознающий себя духовным существом, может сознавать человеческое достоинство своё и других людей, и только такой человек не унижит ни себя, ни ближнего поступком или положением, недостойным человека»²¹⁵.

Нижеследующие слова великого писателя и мыслителя, мы уверены, должны быть осмыслены всяким, кто и в наше время соблазняется ступить или уже ступил на натопанную стезю «служения родине», то есть «своему» государству: **«Нравственный, добродетельный государственный человек есть такое же внутреннее противоречие, как**

²¹⁵ Об истине, жизни и поведении. (Круг чтения). – М., 2002. – С. 730.

нравственная проститутка, или воздержанный пьяница, или кроткий разбойник» (Там же. С. 178).

Итак, признание государства и повиновение правительству – ошибочны и греховны. Это очевидно для того, кто полагает веру в Бога *основанием* своей жизни, а не *надстройкой* на фундаменте «материального благополучия». Толстой полагал, что таких людей много в традиционной, крестьянской, общинной России, а потому здесь имеются особенно благоприятные условия для общенародного дела ненасильственной русской революции (подробнее о ней поговорим в своём месте).

Так как Л.Н. Толстой не первым из мыслителей и публицистов XIX в. высказывал анархические по своей сущности взгляды, важно подчеркнуть особенности его теории. Лучший из биографов писателя, П.И. Бирюков, называл его анархистом с известными оговорками. Анархизм Л.Н. Толстого уникален и ценен своей **глубокой религиозностью**; он, как пишет Бирюков, «основан на том положении, что человек, духовно возродившийся, усвоивший себе христианское учение, носит в себе самом ненарушимый божественный закон любви и правды, который уже не нуждается в подкреплении человеческими законами. И потому анархизм Л. Н-ча ведёт не к беспорядку и распущенности, а к высшему нравственному порядку и праведной жизни»²¹⁶.

В литературе было отмечено уже²¹⁷, что отказ Толстого от власти и авторитета не всеобъемлющ, как у других анархистов. Действительно, «классический» анархизм, как известно, смешивает понятие «власти вообще» с понятием власти, осуществляемой государственными учреждениями²¹⁸. Более того, понятие авторитета деонтического (приобретаемого обманом, угрозой или принуждением) часто не

²¹⁶ Бирюков П.И. Биография Л.Н. Толстого. - Кн. 2. - М., 2000. - С. 227.

²¹⁷ Ячевский В.В. Общественно-политические и правовые взгляды Л.Н. Толстого. – Воронеж, 1983. – С. 82.

²¹⁸ Там же.

отделяется от понятия об авторитете эпистемическом, при котором подчинение достигается, говоря словами Толстого, «разумным убеждением и добрым примером»: через уважение и любовь к «первому среди равных». Таковым долженствует быть *знатоку*, специалисту, полезному для всех и служащему общественным нуждам в результате не манипуляций массовым сознанием, а признания и доверия всех своих коллег, воспитанников, учеников, родственников, сообщ~~и~~нников и пр. Насилие физическое, вербальное или манипулятивный обман несовместимы с таким авторитетом.

«Анархия, - разъяснял сам Толстой, - не значит отсутствие учреждений, а только таких учреждений, которые людей заставляют подчиняться насильно» (53, 228).

Немаловажен тот факт, что писатель не испытывал иллюзий относительно возможностей создания, пусть и в отдалённом будущем, «неэксплуататорского» государства, демократии или теократии (56, 9). Для людей, просветлённых и умудрённых верой оно просто не будет возможно и нужно, а в любом сообществе спонтанно-чувственных, деструктивных индивидов, при любом политическом устройстве, неизбежны социальная дифференциация и новое насилие.

Как явствует из уже неоднократно упоминавшегося нами слова Л.Н. Толстого «Царство Божие внутри вас...», писатель не может быть причислен к числу сторонников насильственного ниспровержения или единовременной «отмены» государственности. Новая форма общественного устройства без иерархии господствующих и повинующихся должна наступить как следствие преодоления людьми *собственной психологической зависимости* от государства, изживания в общественном мнении любых рационализаций повиновения человека человеку. С переходом не отдельных людей, а общества в целом, к высшему жизнепониманию неизбежно сопряжён сознательный отказ большинства от выполнения

некоторых нравственно нечистых «гражданских обязанностей». А среди них – уплата «податей» в государственную казну, любая государственная служба, и в особенности военная, участие в купле и продаже земли, пользование наёмным трудом (капиталистическое рабовладение), присяжное заседательство и ряд других. Следствием такого постепенного изживания государственности станет уничтожение эксплуатации человека человеком.

«Правительство существует как атавизм, - писал Толстой ещё в 1892г., - отжило – как оболочка семени, сдерживающая лепестки. Насилие не нужно. Нужно только рост, и жизнь изменится. Насилия ведь нет. Это сон. Нужно очнуться»²¹⁹.

Идеал жизни без пользования государством Л.Н. Толстой выводил из наблюдений за жизнью и хозяйственно-административными функциями окраинного казачества. Таков первичный, зачаточный этап освобождения: трудовая жизнь в природных условиях, но ещё с допущением служения правительству. Идею о возможности раздельного сосуществования «земли» и «государства» писатель заимствовал у К. Аксакова. В духе славянофилов и сторонников теории русского общинного социализма он полагал общинное самоуправление и «мирское», на равноправных началах, владение землёй достойными альтернативами государственной власти и частной собственности на землю. Вот почему Толстой воспринимал как личную драму любые государственные насилия над общинниками, в особенности же – поощрение крестьян к истреблению общинности в начале XX века. Значимость этих социальных проблем для Толстого-публициста ставит перед исследователем огромный ряд проблем, требующий для их убедительного решения отдельного исследования. Максимально сжато

²¹⁹ Цит. по: Бирюков П.И. Указ. соч. Кн.2. С. 213; Ср.: Записные книжки. С. 122. К этому нечего добавить, кроме признания того, что и к XXI веку пробуждения от языческой жизни отнюдь не наступило, и, более того, множество пожизненно дремлющих властолюбивых истуканов и лунатиков вершат в мире всё новое и новое насилие...

мы попытаемся сделать это в одной из следующих глав данной работы.

1.7. Выводы.

Итак, мы видим, что действительность не устраивала Л.Н. Толстого – публициста, главным образом, вследствие наблюдавшегося им в буржуазном мире кризиса традиционных духовно-нравственных ценностей, торжества мнимоверия и безверия. Как христиански верующий и консервативный по своим убеждениям мыслитель он сочувствовал тем, кому открылась уже безблагодатность такого положения дел. Толстой не мог не признать необходимость ценностей и смыслов не столько «новых», «отвечающих эпохе», сколько *общечеловеческих*, причём – не совпадающих с рядом тех традиционных аксиом, которые как раз ассимилировала эпоха индустриализации и монополистического капитала. Преклонение перед властью и богатством; оправдание неравенства, эксплуатации человека человеком, смертных казней, войн; ложная «святость» мистических, иррациональных символов религий, своей архаикой только провоцирующих массовый скепсис и безверие – в критике этих всегдашних губителей и поработителей человеческих Толстой-публицист был не одинок. Но его «позитивная» программа имела важнейшие особенности.

Десятки лет анализируя политическую историю Европы, Толстой, в числе прочего, проследил весьма печальную закономерность, в силу которой за каждой революцией или политическим переворотом, то есть актом насилия, следует ещё худшее зло реакции и новые насилия (см. об этом, напр.: 54, 151; 68, 59).

Итогом этих исканий был вывод о необходимости соблюдения не только в личной, но и в исторической жизни человека закона «неделания»²²⁰, и прежде всего – **«непротивления»**: неупотребления насилия в

²²⁰ Путь жизни. – С. 286 – 293.

сопротивлении субъективно атрибутируемому как «злое», «вредное» и пр., т.е. ненасилия. Конечно, Толстой допускал, что этот закон разделит обычную судьбу всех законов и будет нарушаться. Но сама его актуализация в человеческих сообществах и стремление к возможно полному его соблюдению служат неперенными условиями исторического прогресса от зверя к разумному человеку, духовному существу во временном животном теле²²¹.

Толстой не столь радикален в своих суждениях и предложениях, как это принято думать. Российскому обществу он предлагает не «коренную ломку всех устоев», но, скорее, *тактическое отступление* в условиях угрозы такой ломки и неизбежной модернизации русской жизни: нужно уступить новому, сохранив социокультурный «стержень» русской жизни, меняться – но не в общем с европейской цивилизацией направлении. С этих позиций Л.Н. Толстой осудил как тех, кто слепо и бездумно «охранительствовал» естественно-отживающему в ментальности и в жизни русских людей, так и тех, кто, кидаясь в иную крайность, одновременно и ругал пресловутую «отсталость» России, и паразитировал на ней же, распространяя маргинальные идеи среди «тёмных» и неблагополучных людей, играя на их дурных, атавистических инстинктах, соблазняя их на насилие, «освободительную борьбу», но не ради их свободы, а ради вождества соблазнёнными, корысти и власти. И несчастные, заблудшие «охранители» существующего строя, и сторонники беспочвенного идеалистического реформаторства, и адепты идей о насильственном перевороте в стране справедливо виделись писателю людьми без истинной веры. «Выход не в том, чтобы

²²¹ В своём Круге чтения, как раз вслед за превосходными высказываниями о тщете внешних, тем более насильственных, перемен в общественном устройстве (см.: 22 декабря), Л. Н-ч поместил известную новеллу обожаемого им А.И. Герцена. Главный герой её, «повредившийся рассудком» Евгений (!), на саркастические реплики своего доктора (одного из слепых обожателей научно-технического прогресса), отвечает так: «Приблизиться к животным не мешает после неудачных попыток сделаться ангелами». Без сомнения, Толстой здесь текстуально предвещает и как бы «уравновешивает» крайние позиции герценовских спорщиков.

насилием разрушать насилие, - тщетно вразумлял их Лев Николаевич, - не в том, чтобы захватывать орудия производства или в парламентах бороться с правительствами, а в том, чтобы каждому человеку самому для себя сознать истину, исповедовать её и поступать сообразно с ней» (34, 215).

=====

Глава 2. Л.Н. Толстой – публицист о патриотизме и милитаризме.

Война – это занавес, за которым люди и народы предаются таким грехам, которых мир не потерпел бы иначе.

(Г. Спрингфилд)

Придёт время, когда люди и народы поймут, что у них есть более нужные дела, чем нападение друг на друга; что их общие враги – это нищета, невежество, болезни; и что усилия их должны быть направлены против этих ужасных бедствий, а не против своих сотоварищей в несчастии.

(Ш. Рише)

Война уничтожится только тогда, когда люди не будут принимать никакого участия в насилии и будут готовы нести все те гонения, которым они могут подвергнуться за это.

(Л.Н. Толстой)

Разумеется, в рамках одной главы невозможно охватить всю сумму проблем войны и мира, интересовавших Л.Н. Толстого. Мы выделим здесь лишь некоторые аспекты проблемы взаимоотношений милитаристской похоти власть имущих и патриотического самообмана подвластных им народов, отразившиеся в публицистике Толстого после 1890г. Хронологическими рамками исследования мы определили годы с 1890 по 1910, то есть период поздней публицистики писателя, в которой ненависть к войне, столь естественная для старого воина, органично совместились в сознании Л.Н. Толстого с неприятием им

военной службы, армий, наращивания вооружений и патриотического «гипнотизирования» масс²²².

Общеизвестно, что ещё более чем за десятилетие до 1890г. Л.Н. Толстой стал активно и неортодоксально верующим человеком. И первым вопросом, в отношении к которому совершился раскол с учением православной ортодоксии, явился вопрос о совместимости с учением Христа происходивших в последней трети XIX века дел военного насилия и поддержания патриотического обмана и самообмана. Под 22 мая 1878г. Толстой поместил в Дневнике такую запись: «Был у обедни в воскресенье. Подо всё в службе я могу подвести объяснение, меня удовлетворяющее. Но многая лета и одоление на врагов есть кощунство. Христианин должен молиться за врагов, а не против них» (48, 70).

Никаких указаний на справедливость обычного возражения на этот счёт со стороны церковников, утверждавших всегда (и утверждающих по сей день), что враги государства, где живёт верующий, это именно такие особенные враги, которых разрешается и требуется не любить и даже убивать, - никаких указаний на это в Евангелиях Толстой не находит, да их там и не может быть. Апологетика военного противостояния, кровопролитий – это плод многовекового богословского «творчества», принадлежащего не Богу, а церквям, пребывающим в идеологическом союзе с правительствами, со «светской властью». Союзу правителей государств с служителями культа мнимого христианства уже более 1,5 тысяч лет, и

²²² Полковник Рик Мак-Пик, преподаватель в военной академии Вест-Пойнт (США), пишет об этом так:

«Его (Толстого – Р.А.) философия войны и мира не оставляет камня на камне от традиционных критериев успеха в вооружённом конфликте, в том числе таких, как патриотизм, героизм и победа <...>. В **универсальной системе координат, предложенной им** <...>, когда люди выбирают насилие для решения какой-либо проблемы, проигрывают все, живущие на земном шаре. Для Толстого настоящая битва происходит в духовной сфере. Поэтому единственная приемлемая стратегия для **духовного воина** – это отказ брать в руки оружие, а истинная мера победы – количество душ, спасённых от насильственной смерти. <...> Стоит ли удивляться, что редкие нации и индивидуумы откликнулись на громкий призыв к миру этого **великого воина**» (Выделение наше. – Р.А.). (Мак-Пик, Р. Толстой: боец за мир / Р. Мак-Пик // Лев Толстой и мировая литература: Материалы 5-й Международной научной конференции, проходившей в Ясной Поляне 12-16 августа 2007г. – Тула, 2008. – С. 39-45).

за эти века какой бы разбой ни совершили носители светской власти, попы-обманщики тут же оправдают его: «сделают святой воды, покропят, крест возьмут (тот крест, на котором умер нищий Христос за то, что он отрицал этих самых разбойников) и благословят побить, повесить, голову отрубить» (23, 480).

Не меньшую потребность публичной реакции, нежели церковные богослужения, вызывал у писателя вид военных церемоний, маршей и учений, которые он наблюдал неоднократно на площадях Москвы, в казармах, на Хамовническом плаце, расположенном недалеко от московского дома Толстых. Это было неизбежное дополнение к церковным проповедям.

Так сформировались и начали действовать два основных импульса, побудивших Л.Н. Толстого к антивоенным выступлениям в печати: один – внутренняя, духовная потребность в вере, не замутнённой церковными лжеучениями, другой – картины российской действительности, более подходящие для языческого воинственного Рима, нежели для любого сообщества людей-христиан.

Третий импульс поступал вместе с газетами, брошюрами, с которыми знакомился Толстой и в которых отразился всплеск милитаристских настроений, наблюдавшийся в Европе в последней четверти XIX века. В условиях активации военных приготовлений среди рабов и слуг господствующей лжехристианской цивилизации распространялись, как чумная зараза, искусно подновлённые теории, выискивавшие «великий общенациональный смысл» войны, её «божественное происхождение», её якобы благотворное влияние на исторический прогресс и даже на нравственность человека.

Ответом Л.Н. Толстого на такие идеологические инвазии в массовое сознание стал написанный в период с июня 1890 по май 1893г. трактат «Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание». Из полного

названия этого вразумляющего слова Толстого к современникам становится ясно, что антивоенный пафос – не единственный в сочинении. Оно явилось в полной мере итогом напряжённых духовных исканий писателя в 70-80-е годы. В этот исторический период в России появилась и приобрела отлаженный, уже привычный характер обязательная всеобщая воинская повинность. К 1890 гг. наступила пора для самой резкой её критики с позиций евангельской этики.

Работа над трактатом продолжалась, с небольшими перерывами, около трёх лет (июнь 1890 – май 1893г.). Структура его необычна: в нём 11 основных глав, небольшое введение и обширнейшее заключение, имеющее собственное внутреннее деление на 6 глав. Такая структура отражает сложность и долговременность неоднократно прерывавшейся работы писателя над трактатом, влияний, оказываемых на него событиями различного масштаба – от мировых до губернских.

В самом начале трактата Толстой приводит выдержки из письма от американских сектантов – квакеров, поддержавших идею неупотребления насилия в сопротивлении злему, а также два исторических документа: «Провозглашение основ мира» У.Л. Гаррисона и «Катехизис непротивления» А. Баллу – старших современников Л.Н. Толстого, чьи взгляды он во многом разделял. Но публицист не ограничивается знакомством читателя со своими единомышленниками, приводя (и даже классифицируя) множественные критические отзывы на своё сочинение 1884г. «В чём моя вера?». Главы 3 и 4 посвящены детальному разбору причин невозможности верного понимания учения Христа с церковной либо научной точек зрения. 4-я глава – смысловой центр трактата: в ней Толстой излагает свою концепцию «трёх жизнепониманий», из которых наивысшим признаёт «всемирное, или

божеское», выраженное в Нагорной проповеди и мученической смерти Христа²²³.

Антивоенным пафосом проникнуты последующие (начиная с 5-й) главы трактата, включая и главы заключения.

Очень глубокой, серьёзной и злободневной является, на наш взгляд, идея трактата о необоснованности и неразумности колоссальнейших денежных и людских трат человечества на армии, вооружения и войны. Одних лишь денежных сумм, спускаемых в военную прорву, было бы достаточно «для воспитания народа и совершения самых огромных работ для общественной пользы», для того, чтобы иметь «возможность миролюбиво разрешить социальный вопрос»²²⁴.

Не в этом ли истинное «непротивление злу насилием», противостоящее пассивному «подставлению щеки»? Разве не хватило бы денежных сумм и человеческих ресурсов, истраченных правительствами стран «цивилизованного» мира в XIX и XX вв. на военное насилие, огромные армии, их вооружение, боевые действия и устранение их последствий, - разве не хватило бы их на такое преобразование мира, которое позволило бы XX-му, и теперь уже XXI-му векам не страдать от зол фанатизма, невежества, неравенства, преступности, терроризма?

Цитируя ряд авторов, Толстой разоблачает демагогию правительств, разглагольствующих о мире и одновременно, якобы для «обеспечения» этого мира, увеличивающих вооружения²²⁵. Эта идея правительственного обмана также сохранила свою актуальность: по сей день любая мощная держава – это хищник, заботящийся более всего о длине и остроте своих зубов и когтей (вдруг у «врага» уже длиннее?). Этот инстинкт обезьяны, которой с палкой уютнее, чем без палки и приводил (и по сей день приводит) малые и большие сообщества людей к взаимному недоверию и

²²³ Толстой Л.Н. Избранные философские произведения. М., 1992. – С. 243 – 257.

²²⁴ Там же. - С. 266-270.

²²⁵ Там же.

неизбежным конфликтам за раздел и передел того, что хищнически отобрано ими у природы.

Демагогия и лицедейство правят бал в политике. В «Царствии Божием...» Толстой анализирует и признаёт малоэффективными и даже вредными такие «антивоенные» меры, как создание различных обществ, созыв конгрессов мира, конференций, выпуск заявлений, деклараций, своей пацифистской фразеологией отвлекающих внимание общественности от тёмных делишек властных «верхушек». Детальное, по пунктам, изложение резолюций Лондонского 1890 и Женевского 1891гг конгрессов мира²²⁶ – своеобразный приём публициста, служащий цели демонстрации всей тщеты и даже глупости подобных «миротворческих» потуг. С явной иронией отнёсся Толстой, например, к идее «проповедовать людям зло войны и благо мира» аккуратно «в 3-е воскресенье декабря». Возражение Толстого весьма резонно: «Христианин не может не проповедовать этого всегда, во все дни своей жизни»²²⁷.

Уникальными по наивности Толстой считает и предложения о введении третейского суда и «арбитрации» для решения державами спорных вопросов мирным путём.

«Когда я был маленький, - вспоминает тут Л.Н. Толстой, - меня уверили, что для того, чтобы поймать птицу, надо насыпать ей соли на хвост. Я вышел с солью к птицам, но тотчас же убедился, что если бы я мог посыпать соли на хвост, то мог бы и поймать, и понял, что надо мной смеялись»²²⁸.

Над кем же хотят посмеяться авторы идеи о подчинении правительств могучих держав решению независимых судей и арбитров? Свойство птицы – улетать, не давая себя изловить. Свойство государственной власти – гордость и самостоятельность, несовместимые с подчинением. И любой государственной власти, как справедливо указывает

²²⁶ Там же. – С. 274-277.

²²⁷ Там же. – С. 277-278.

²²⁸ Там же. – С. 280.

Толстой, имманентна вооружённая сила, «стоящая над справедливостью и неизбежно нарушающая её» по собственному усмотрению. А потому предложение правительствам не пользоваться вооружённой силой и не нарушать справедливости, подчиняясь решениям посторонних арбитров, есть предложение уничтожиться как правительства, «а на это-то никакое правительство не может согласиться»²²⁹.

Цитируя строки из антивоенных произведений Мопассана, Э. Рода, В. Гюго, Толстой не приемлет, однако, свойственного этим авторам «модного пессимизма», противопоставляя им бодрые (хотя и не добрые), самоуверенные высказывания Э. Золя, трёх французских академиков и фельдмаршала Гельмута фон Мольтке в пользу неизбежности и даже блага войны. Для писателя эти «потерявшие совесть, и потому и здравый смысл и человеческое чувство» представители искусства, науки и военных кругов (т.е. сфер общественного бытия, самых замкнутых и далёких от жизни и от народа) «страшны, ужасны своей нравственной извращённостью»: «Вместо того, чтобы изменить жизнь соответственно сознанию, они стараются всеми средствами затемнить, заглушить сознание» своё и других, доверяющих им людей²³⁰.

Об *анархическом пафосе* слова «Царство Божие внутри вас...» следует говорить с осторожностью. К сожалению, за пределами этой и других публицистических работ Л.Н. Толстого осталась краткая и ёмкая формулировка того, что он именовал анархией: «Анархия – не есть отсутствие учреждений, а только таких учреждений, которые людей заставляют подчиняться насильно» (53, 228). Иначе говоря, Толстой не отрицал ни власти Бога над людьми, ни даже земной власти человека над человеком, основанной на качестве и полноте социально-ценных знаний, на авторитете, приобретённом заслугами и добрым, любовным

²²⁹ Там же.

²³⁰ Там же. С. 287-291.

отношением к подвластным как к ближним и равным. Ударам его критики справедливо подвергалась только государственная власть, сущность которой во все века была и остаётся неизменной: авторитет силовой санкции, принуждения, совершаемого с помощью послушных вооружённых прислужников «верхушки», и в основном – в отношении собственных граждан, угнетённых и ропщущих. Сами власть имущие во времена Толстого не раз с циничной откровенностью признавались, что войска, заботу о которых они ставят превыше всего, нужны им не столько в периоды кровавого международного самоистребления «человека разумного», сколько в мирное время, для действий против собственных угнетённых народов²³¹.

Писатель убеждён, что преимущество государственного обуздания язычников и варваров в древности и в средние века было сведено на нет распространением христианства. Оно смягчило нравы простых людей, но не правителей, всегда сочетавших ум с безнравственностью и жестокостью. Так граждане попали в зависимость от своих же правителей, а не от внешнего врага, которым пугают их эти правители²³².

Действительно, все формы государственного устройства, от Чингисхана до Чемберлена, всегда сохраняли и не могли не сохранять свою преступную против жизни и разума, против Божьих законов, не имеющую рационального истолкования сущность убийцы и насильника *подлинного*, идеологически порабащающего послушных обитателей гостерриторий жупелом торжества, при анархическом устройстве жизни, насильника вымышленного. С ходом общественного развития изменяются только формы, в которых проявляется садизм властолюбцев, но не эксплуататорско-развращающая сущность самого государства. При конституции и республике, например, власть хитроумно разделена между большим

²³¹ Там же. С. 296-297.

²³² Там же. С. 294.

количеством обманщиков и мучителей, а формы господства менее резки (36, 200). Зато сильнее развращение из-за участия «гражданских» масс в политике. И любой закон избранных ими законодателей оборачивается против них уже тем, что плодит преступников, бунтарей, террористов, мошенников, убийц, прошедших прекрасную «школу ненависти» - развращение заразительным примером правительственных людей, распределяющих между нижестоящими ответственность за участие в убийстве сограждан таким образом, чтобы молчала совесть каждого из них (23, 332; 55, 189-191).

(.....)

Обязательная служба в войске, по мысли Толстого, есть предел не только государственного деспотизма, но и рабьего повиновения граждан, ибо она требует отречения от всего, что должно быть дорого и свято христианину и «разрушает все те выгоды общественной жизни, которые она призвана хранить»²³³.

Прослеживая конкретно-историческую детерминанту всеобщей воинской повинности среди цивилизованных христиан, писатель говорит о ней как о неизбежности в условиях нарастающего военного противостояния держав. Одна за другой, они ввели всеобщую воинскую повинность, и «сделалось то, что все граждане стали угнетателями самих себя»²³⁴.

Иллюстрацией, доказывающей справедливость этого тезиса, стало для Л.Н. Толстого событие, описанное в главе 1-й заключения к трактату. 9-го сентября 1892 года на станции Узловая Сызранско-Вяземской железной дороги писатель встретился с карательным отрядом, направлявшимся, под руководством тульского губернатора Н.А. Зиновьева, для наказания крестьян, не давших своему помещику рубить лес, мошеннически отнятый у них²³⁵. Толстого возмутила не столько

²³³ Там же. – С. 298-299, 318-319.

²³⁴ Там же. – С. 298.

²³⁵ Там же. – С. 361-362.

несправедливость самого наказания, сколько та лёгкость, то нравственное безразличие, с которыми чиновники, офицеры и солдаты готовились совершить истязание «голодных и беззащитных, тех самых людей, которые кормят их»²³⁶.

Эта взывающая к дремлющей совести «паразитов» проблема неуважения к правам и человеческому достоинству своих кормильцев, поднятая Л.Н. Толстым ещё в слове «Так что же нам делать?», развитая им в гениальных работах «Голод или не голод?», «Неужели это так надо?» и «Стыдно», по всей видимости, не скоро утратит свою актуальность. Пока «мирные народы» покойно «пасутся», не помышляя о своём праве на свободу, честь, достоинство, до тех пор послушное стадо можно «стричь» (налогами), «резать» (войнами), да ещё и обманывать тем, что иначе нельзя и прожить стаду. Но как только традиционные неуважение, насилие и обман встречают отпор, как только стадо становится обществом людей, знающих о своих человеческих правах, о естественности своего равенства с самозванными распорядителями их судеб, все эти люди обречены становиться жертвами насилий и обмана. А убивать их будут такие же, в прошлом, простые люди, но загнанные уже в военное рабство. С болью и гневом пишет Л.Н. Толстой, что, подобно тому «как из гнилых и кривых брёвен, как ни перекладывай их, нельзя построить дом, так из таких людей нельзя устроить разумное и нравственное общество. Из таких людей может образоваться только стадо животных, управляемое криками и кнутами пастухов»²³⁷.

Это патетическое и эмоциональное место не напрасно, не случайно перекликается с пушкинским стихотворением «Свободы сеятель пустынный...»: как и это стихотворение одного из немногочисленных поэтов, признанных Толстым, заключение писалось в период утраты автором обычных надежд, в том тяжёлом

²³⁶ Там же. – С. 369.

²³⁷ Там же. – С. 318.

состоянии души, которое преследовало его периодически всю жизнь. Кроме того, пушкинские образы, настроения, понятие свободы и чести всегда были близки Толстому (хотя в понятие «свобода» Толстой-публицист вложил своё, очень своеобразное содержание)²³⁸.

Окружающая действительность давала немало поводов для грустных раздумий. Как разомкнуть одной лишь силой слова «ложный круг» насилия и обманов, влекущих людей под военные стяги²³⁹?

Для этого Л.Н. Толстой предлагает меры, взятые им на вооружение у древних мыслителей, у писателей эпох Возрождения и Просвещения, у американских трансценденталистов. К этим мерам он относит морально-правовое признание незаконности войн и любых приготовлений к ним, материальных либо идеологических, а также практическое ненасилие: отказ от военной и любой государственной службы, проповедание христианского воздержания, от службы и повиновения властям²⁴⁰.

Но на что же, в первую очередь, должны быть обращены личные усилия неделания каждого христианина и его проповедь? Конечно, на первейшего врага мира – патриотизм. Ему Толстой посвятил серию статей²⁴¹. Первая из них – «Христианство и патриотизм» (окт. 1893 – март 1894) была написана под впечатлением от франко-русских демонстраций,

²³⁸ «Свобода – не та фантастическая свобода, которую проповедуют сторонники насилия, а та единая, истинная свобода, которая состоит в том, что каждый человек может жить и поступать по собственному рассуждению, платить или не платить подати, идти или не идти на службу, дружить или враждовать с соседним народом, что такая настоящая свобода не совместима с какой-либо властью одних людей над другими» (35, 205).

²³⁹ Там же. – С. 310-311.

²⁴⁰ Там же. – С. 401, 406-419.

²⁴¹ См.: 39, 27-80; 90, 45-53, 425-444.

проходивших в октябре 1893г. по случаю заключения франко-русского союза и прибытия в Тулон эскадры русских военных кораблей.

Из официальных газет можно было почерпнуть сведения о съеденных на празднестве кушаньях и произнесённых речах. С сарказмом отмечает Л.Н. Толстой, что меню было явно разнообразнее речей о любви к миру, царю, президенту и начальнику эскадры одновременно – и всё это под музыку гимнов двух государств, один из которых, российский, прославляет царя, а другой, французский, «проклинает всех царей и обещает им скорую гибель» (39, 32).

Ложь официальных особ, в которую они, видимо, уверовали сами, шовинистический дурман, массовость «психопатической эпидемии», охватившей сотни тысяч рядовых участников торжеств и манифестаций (Там же. С. 34-36) – всё это не могло не возмущать Толстого. Самое страшное, подчёркивал писатель, то, что среди помешанных есть люди, имеющие деньги и власть для распространения своего помешательства по миру (Там же. С. 38). Между тем военные приготовления идут, деньги на вооружения тратятся миллиардами и миллионы людей уже находятся под ружьём и в России, и во Франции. Вот почему, по глубокому убеждению Толстого, неизбежно вся эта игра в мир и любовь рано или поздно окончится новым правительственным призывом к войне (Там же. С. 41).

Далее Толстой, вновь прибегая к соединению художественного и публицистического начал, набрасывает поистине жуткую (но и пророческую!) картину:

«Зазвонят в колокола, оденутся в золотые мешки долговолосые люди и начнут молиться за убийство <...>. Засуетятся, разжигающие людей под видом патриотизма, к ненависти и убийству, газетчики, радуясь тому, что получают двойной доход. Засуетятся радостно заводчики, купцы, поставщики военных

припасов, ожидая двойных барышей. Засуетятся всякого рода чиновники, предвидя возможность украсть больше, чем они крадут обыкновенно, засуетятся военные начальства, получающие двойное жалованье и рационы, и надеющиеся получить за убийство людей высокоценимые ими побрякушки – ленты, кресты, галуны, звёзды. Засуетятся праздные господа и дамы, вперёд записываясь в Красный Крест, готовясь перевязывать тех, которых будут убивать их же мужья и братья» (Там же. – С. 46 – 47).

Миллионы, каждый против своей разумной воли, будут втянуты скопом в новую бойню. А итог один: «...Опять одичают, остервенеют люди, и уменьшится в мире любовь, и наступившее уже охристианение человечества отодвинется на десятки, сотни лет. И опять те люди, которым это выгодно, с уверенностью станут говорить, что если была война, то это значит то, что она необходима, и опять станут готовить к этому будущие поколения, с детства развращая их» (Там же).

Символика государственных гербов с их оскаленными, выпустившими когти хищниками, приобретает в осмыслении Толстого зловеще-символическое значение. Действуя в интересах влиятельной финансовой «верхушки», власть имущие возбуждают рядом несправедливостей вражду у других народов по отношению к «своему», а потом этой-то враждой пользуются для возбуждения вражды в «своём» народе. И вот, ещё недавно разумные, самостоятельные, добрые люди покорно встают «друг против друга с выпущенными когтями и оскаленными зубами и ждут только того, чтобы кто-нибудь впал в несчастье и ослабел, чтобы можно было с наименьшей опасностью напасть и разорвать его» (90, 432).

Всё сбылось, и неоднократно, в веке XX-м, оставив нам, потомкам, незабвенные свидетельства правоты Л.Н. Толстого – мыслителя, но как водится, ничему никого не научило. И сегодня, как более чем сотню лет тому назад, Толстому пришлось бы, как о чём-то новом,

говорить о том, что «чувство, ложно именуемое патриотизмом и выражающееся в предпочтении своего государства или народа всякому другому государству или народу вовсе не высокое, а, напротив, очень глупое и очень безнравственное» (Там же. – С. 61). И по сей день наивнейшей из утопий принято признавать мнение великого писателя, публициста и борца за мир о том, что нации и народы, как и отдельные люди, в своих сношениях друг с другом должны руководиться не соображениями выгоды лиц, доминирующих в общественной иерархии, а известным нравственным законом: «Не делать другому и другим, чего бы мы не хотели, чтобы нам делали» (Там же).

Поведение влюблённого в патриотизм, воспитанного в нём человека Л.Н.Толстой характеризует как глубоко инфантильное. Такой человек подобен ребёнку, который «выбирает» сразу два желаемых, но несовместимых дела: и ехать покататься, и остаться дома поиграть; так и патриоты желают и патриотизма, и мира одновременно, не признавая необходимости выбора (Там же. – С. 35).

А выбирать-то надо: если мир хороший, то «патриотизм не может быть хорошим» (Там же. – С. 48). Для христианина нормальное поведение – это миротворческое искоренение патриотизма «всеми средствами: проповедью, убеждением, презрением, насмешкой» (Там же. – С. 51). Человеку, истинно желающему мира, «не только нельзя сочувствовать могуществу своего отечества, но надо радоваться ослаблению его и содействовать этому» (Там же).

Можно ли, на основании сказанного, обвинить Л.Н. Толстого в проповедовании некоей «антипатриотической» крайности? Чтобы разобраться в данном вопросе, необходимо охарактеризовать предмет истинных патриотических чувств. Патриот любит то, что собирательно именуется «родиной»: тех людей, с которыми живёт, с которыми сходится по жизни; родную землю, окружающую и ставшую привычной

природу, дарующую пропитание в обмен на труд. Для него, кроме того, важны особые культурные условия бытия того локального социума, к которому он себя причисляет: ценности, смыслы, символы, выраженные в традициях, вере, искусстве, научной мысли²⁴². Такое патриотическое чувство естественно и достаточно для каждого. Но, если сосредоточить внимание не на меньшинстве, а на большинстве населения любого государства, на его простых обитателях с минимумом возможностей и прав, то возможно ли даже предполагать, что всему названному выше могут угрожать войной и уничтожением такие обыкновенные трудящиеся люди, любящие другую, «свою» родину. Ибо подлинная любовь к родине не гордится и не ищет чужого: она не предполагает никогда ненависти и агрессии в отношении людей иной земли, иной социокультурной общности. Проще говоря, каждый человек желает только спокойной жизни, благополучия своей семьи, мирного, свободного труда – всё на благо своей родины. У него резону нет претендовать на чужие судьбы и плоды трудов неведомых ему людей. А христианин нравственно обязан воздержаться от любого участия в междоусобной или межклановой грызне, в суетливой борьбе за обладание непостоянными предметами или условиями бытия. Он понимает, что у него, да и у всех остальных, нет врагов среди людей, как нет иных, которые угрожали бы Родине общечеловеческой – планете Земля. «Человек разумный» сам себе единственный враг, когда ведёт себя как стайно-территориальное неразумное животное и поддерживает подобное поведение в человеческом обществе – не только личным участием, но даже словами!

²⁴² Вот почему нельзя говорить о наличии настоящего патриотизма в том обществе, где названные предметы патриотического чувства пребывают в системном кризисном состоянии, находятся в небрежении, подвергаются разрушительным инвазиям (материальная бедность трудящихся, деятелей науки, образования и культуры, разрушение экосистемы, массовые увлечения молодых поколений культурно-чуждым для их этноса, лексическое и семантическое замусоривание языка и т.п.). Вооружение государственной армии или «всесторонняя» подготовленность к «службе» потенциальных военных рабов тут ни при чём.

Почему же, всё-таки, ведутся войны? И почему их жертвы поддерживают поджигателей войны? Л.Н. Толстой не раз выражал уверенность, что всё дело здесь – в идеологиях ложного, паразитического военно-государственного патриотизма, насаждаемых усилиями государственных деятелей и служащих им учёных и духовенства (не всего духовенства, а его продажной «верхушки», преисполненной духа лукавого, рабьего и растленного!). Мы убеждены в справедливости этого вывода публициста. Идеология предписывает рядовым обитателям того или иного государства с оружием в руках служить интересам его элит. С детских лет в сознании рядовых граждан, усилиями попов и книжников, производится семантическая подмена: естественно-любимую родную землю и близких людей теснят в массовом сознании абстракции условно-обозначенной территории государства, на которой они вынуждены обитать, и самих её обитателей, как правило, лично даже не знакомых друг другу. А интересы «верхушки» – эгоистические, корыстные, зачастую сиюминутные, выдаются не за интересы паразитического, хотя и влиятельного, меньшинства, а за «общенародные».

Но никакому народу или «нации» война никогда не нужна; она нужна тем, кто в ней непосредственного участия не принимает – богатым и властвующим, предающимся греху борьбы с такими же богатыми и властвующими в других государствах, либо междоусобной грызне. Но простых обитателей гостерриторий губит их склонность с младенческих лет до седин подчиняться своим атавистическим, первобытно-зоологическим влечениям, подпитываемым и рационализируемым одуряющими патриотическими речами лживой казённой пропаганды. Когда возникает государственная «необходимость» в проведении где-либо военных действий, включая захватнические, идеологи

добиваются создания в граждански-преданных головах или комплекса неполноценности, ущемлённости, или лживого образа «врага», тревоги за судьбу родины, которой, якобы, угрожает этот «враг». Л.Н. Толстой описывает сей манипулятивный механизм следующим образом: власть имущие действуют в интересах эксплуататорских классов, и, совершая всякого рода несправедливости и жестокости против других народов, возбуждают в них вражду к «своему» народу, и потом этой-то враждой пользуются для возбуждения вражды и в своём народе (90, 431). И получается та самая, описанная выше, картина, отражённая в символике государственных гербов, и вряд ли каждый отдельный участник этой массовки вменяемое гербовой птички или зверушки своего обожаемого «отечества»...

Впрочем, люди, помогающие властям, делятся, как и пишет об этом Л.Н. Толстой, на бессознательных и сознательных распространителей заразы лжепатриотизма (39, 67). Занятые повседневным нелёгким трудом, многие люди просто не приучены к анализу обрушивающегося на них информационного потока и безропотно поддаются обману. На тех же, кто дерзает думать сам, хорошо действуют «гипнотизация», завуалированные угрозы и откровенный подкуп – обещания карьеры, власти, материальных приобретений: они с успехом рекрутируются в ряды сознательных идеологов и исполнителей воли правительств (Там же. – С. 68).

Уступившие же такому воздействию для заглушения голоса совести внушают себе и «коллегам» идею полезности для народа распространения среди него патриотизма. Восторг и уважение одуренной толпы делают их только агрессивнее и наглее (Там же. С. 69-70).

Правительства, развращая общественное мнение делами насилия, войн, присяжных судилищ, тюрем, казней и т.п., поддерживают это развращение через исполняющие их идеологические заказы, послушные их

воле общественные структуры: школу, прессу, науку, церковь. И создаётся то, что Л.Н. Толстой именовал «ложным кругом»: «Общественное мнение производит власть, власть производит общественное мнение» (39, 71).

Развращённые, одуревшие от власти и неутолённого властолюбия, ложной, оказываемой им чести и честолюбия, краденых богатств и жажды нового стяжательства, отстающие от простого народа в своём религиозно - нравственном развитии, люди элит («правительство и господствующие классы») считают для себя выгодным сохранение того общественного мнения, совместимого с ложным патриотизмом, при котором условия их жизни максимально благоприятны, то есть когда есть власть, слава, главное – деньги (и чем больше, тем лучше). Манипуляция же массовым сознанием осуществляется правительствами и их помощниками через моральное, прежде всего, поощрение патриотизма. Для этого используются выгодные ситуации лёгкой массовой внушаемости: школьные уроки, публичные выступления, зрелища, торжества (90, 431).

В статье «Патриотизм и правительство» критике подвергнуты пацифистские иллюзии о «мире во всём мире», связанные с Первой Гаагской мирной конференцией 1899г. Конференция прекрасно доказала очевидное: «до тех пор, пока будут существовать правительства с войсками, прекращение вооружений и войн невозможно» (90, 433). Мирные предложения русского правительства, в свете его польской и финской политики, Толстой характеризует как смехотворные, а общемировое единение народов признаёт независимым от подобных конференций (Там же. – С. 434-435).

Факт проведения конференции разоблачается публицистом как составная часть политики сочетания идеологического обмана с насилием, применяемым правительствами различных стран в тех ситуациях, когда можно обойтись не военной силой, а более дешёвым насилием над сознанием. Об этом державном

жезле с двумя концами Толстой писал ещё в 1896г. – «на одном конце христианская святость и потому непогрешимость, на другом – языческий меч и виселица, так что когда можно импонировать и обманывать святостью, пускается в ход святость, когда же обман не удаётся, пускается в ход меч и виселица» (Там же. С. 50). Этот отвратительный механизм не только не прекратил функционировать за прошедшее без Толстого столетие, но даже усовершенствовался и сохраняет актуальность в т.н. «демократическом мире».

Итак, ложный языческий военно-государственный патриотизм есть явление вредное, противоестественное, постыдное, безнравственное, грубо суеверное. Его преодоление через прекращение веры в ложь, проповедь истины, воспитание в истине новых поколений есть такое же законное действие при переходе человечества к совместимому с христианством пониманию жизни и своего места в ней, каким было преодоление животного эгоизма индивидов при утверждении на заре государственного периода человеческой истории жизнепонимания общественно-государственного, грубо языческого, совместимого с патриотизмом и войнами (Там же. С. 437-439, 51).

В статье «Приближение конца» (1896) Толстой, в связи с заявлением отказавшегося от военной службы голландца Джона Ван-дер-Вера подчёркивает значимость подобных отказов: нужно не столько следовать религиозной догме, (которая может ведь богословски перевернуться и *в пользу* воинской службы), сколько воздерживаться от участия в делах, противных здравому рассудку и достоинству человека (31, 81).

Статья Л.Н. Толстого «Carthago delenda est» (1896) появилась после публикации в журнале «Разведчик» письма царского генерала М.И. Драгомирова, где он настаивал на идее «неустранимости» войны из человеческой жизни, её необходимости для некоторых созидательных целей. Толстой представляет новоиспечённого идеолога войны как живое

доказательство деградации военного сословия. Люди наиболее прогрессивного, христианского понимания жизни уже давно избрали себе невоенные профессии. Военное же сословие пополняется «всё худшим и худшим в нравственном отношении элементом» (39, 219). Новейшим скалозубам публицист противопоставляет «декабристов 20-х годов» и лично знакомых ему участников и героев Крымской войны – людей, составлявших цвет образованного общества (Там же). Толстой пишет: «Теперь для того, чтобы быть военным, человеку нужно быть или грубым, или непросвещённым в истинном смысле этого слова человеком, т.е. прямо не знать всего того, что сделано человеческой мыслью для того, чтобы разъяснить безумие, бесполезность и безнравственность войны и потому всякого участия в ней; или **нечестным** и грубым, то есть **притворяться**, что не знаешь того, что нельзя не знать, и, **пользуясь авторитетом сильных мира сего и инерцией общественного мнения**, продолжающего по старой привычке уважать военных, - **делать вид, что веришь в высокое значение военного звания**» (Там же. – Выдел. наши. – Р.А.).

В противовес написанной «товарищем Бога по генеральству» Драгомировым крайне воинственной памятке для солдат (см.: 39, 219-221), Толстой, в надежде предотвратить приближаемую такими идеологами бойню, составил свои «Солдатскую» и «Офицерскую памятки», в которых апеллирует к разуму, совести и здравому смыслу участников военной службы. В «Солдатской памятке» рабское положение солдата писатель сравнивает с положением блудницы, отдающейся на осквернение по приказу хозяина, а в «Офицерской памятке» раскрывает механику, приёмы одурения людей и называет офицерскую службу «страшным преступлением», подлостью, ибо народы естественно сблизилась и столь же естественно желают мира, а не военных стычек (34, 283, 285-286, 288). Выход для русских офицеров Толстой видит в том,

чтобы попросить прощения перед солдатами за обман их и *выйти из военного звания, отказаться от службы*. Он предсказывает, что тем офицерам, кто не решится на покаяние теперь же, таки придётся оставить в скором времени своё повиновение властям буржуазно-капиталистической России, когда им и их солдатам будет приказано стрелять в толпу восставших рабочих или крестьян.

Обе памятки, увы, были опубликованы очень поздно – лишь в 1908г., и тут же начали циничнейшим образом использоваться в антиправительственной пропаганде. Пророчество публициста сбылось лишь отчасти: стрелять по «своим» вскоре пришлось, но это не стало поводом к сколько-нибудь массовому покаянию и отказам офицерства от службы.

(.....)

В ответ на письмо отставного фельдфебеля М.П. Шалагинова, спрашивавшего о противоречии между учением Христа, заповедью «не убий» и военной присягой, Толстой публикует своё «Письмо к фельдфебелю» (Лондон, «Листки “Свободного слова”», 1899). Здесь Толстой указывает, в частности, на преступную роль правительств в разжигании войн. Французское правительство пугает «свой» народ немцами и англичанами, немецкое – русскими и французами, русское – французами и немцами. Так создаётся в массах образ врага и ложная тревога о судьбе родины, тогда как все народы не только не желают воевать с соседями и любыми другими народами, но, наоборот, больше всего на свете боятся войны (90, 54-55).

Вот почему недопущение принуждения граждан любого государства к военной службе, экономическим ли давлением, прямым принуждением или патриотическим обманом, есть и по сей день важнейшее дело «непротивления злу насилием» для всей мировой общественности. «Средство для того, чтобы не было

войны, состоит в том, чтобы не воевали те, которым не нужна война, которые считают грехом участие в ней» - пишет Толстой об этом важнейшем деле (39, 200).

В 90-е гг. письма к отдельным лицам или группам лиц становятся своеобразным жанром Толстого - публициста, позволявшим ему оперативно откликаться на злобу дня: получался широкий общественный резонанс, так как они не только пересылались адресатам, но и печатались в России или за границей.

В начале 1899г. Толстой пишет письмо-статью «По поводу конгресса о мире», вызванную обращением к нему группы шведской интеллигенции в связи с созывом в Гааге в мае этого года мирной конференции, инициатором которой было правительство Николая II. Весьма значительными доводами письма Толстого к шведам следует признать его констатацию невозможности разрешать международные конфликты в судебном порядке в условиях продолжающегося военного противостояния держав, а также его критику ограничения некоторых видов вооружений в условиях наращивания других, и современнейших (39, 61-63). Публицист констатирует также, что если бы, как хотят участвующие в конференции пацифисты, правительства предоставили бы своим гражданам трудовую альтернативу службе в войске, то в распоряжении властей «так мало оказалось бы военных, что некому было бы заставить работать рабочих» (Там же. С. 64).

Толстой подчеркнул беспочвенность пацифистских иллюзий о возможности добиться от готовящихся к войне правительств ограничения вооружений и сокращения войск. Он дал лучший совет: «Уменьшатся, а потом и уничтожатся войска только тогда, когда общественное мнение будет клеймить позором людей, продающих из-за стража или выгоды свою свободу и становящихся в ряды убийц, называемых войском».

Отказавшихся от участия в военной службе, несмотря на соблазны и гонения, писатель признаёт «тем, что они есть: передовыми борцами и благодетелями человечества» (90, 62, 65).

(.....)

«Ныне ваше время и власть тьмы» - такими евангельскими словами определил Толстой эпоху империализма, принесшего человечеству вереницу истребительных войн. Развязанные в конце XIX в. империалистическими государствами войны итало-абиссинская, испано-американская, англо-бурская вызвали гневные публицистические выступления писателя, такие как «К итальянцам» (1896) и «Две войны» (1898) Л.Н. Толстой сравнил испано-американскую войну с избиением сильным и молодым человеком «выжившего из ума и сил старика». Восхваление американцев в прессе названо в статье «умственным повреждением» хвалителей (31, 98). «Второй войной» является для Толстого обратившее уже в это время его внимание противостояние русскому правительству выселенных им на Кавказ сектантов-духоборов, воздерживавшихся от греха повиновения властям. Толстой называет духоборцев «героями войны против войны» за их отказ отношения оружия и от военной службы (Там же. С. 99-100).

Неоконченная и не публиковавшаяся десятилетиями статья «К итальянцам» была задумана как обращение, адресованное народу Италии в связи с итало-абиссинской войной (которая, естественно, завершилась убедительной победой Абиссинии - раньше, чем Толстой окончил статью). Здесь война представлена как некий побудитель разума к антивоенному, более того – анархическому протесту. Л.Н. Толстой выражает уже весьма наивную в те годы уверенность в том, что, если не глас Божий в сердцах, то сама бедственность военной жизни заставит народы избавиться от «дикого патриотического сепаратизма» и предоставить своим

правительствам разрешать между собой конфликты как им угодно, хоть дракой²⁴³. Единственно верным способом избавления от войн названо неучастие народа в военных делах правительства²⁴⁴. Насущной задачей человечества Толстой полагает уничтожение всех «великих держав» и соединение народов мира «в одну семью без разделения на державы и вражды, вытекающей из такого деления»²⁴⁵.

В июле 1900г. анархистом Г. Бресси был убит итальянский король Гумберт I. Э то событие вызвало множество откликов во всех странах, в том числе и в России. Толстой откликнулся статьёй «Не убий», печатавшейся за границей, а в России распространявшейся в рукописных копиях.

Главная идея статьи – необходимость для христианских народов перестать поддерживать такое общественное устройство, при котором правители становятся жертвами производимого ими посредством казней и войн развращения собственных граждан, будучи сами при этом развращены своим положением, воспитанием и лицемерной лестью окружения. Важными шагами к уничтожению этой справедливо возмущающей анархистов власти должны стать, как полагает публицист, отказы этих самых «граждан» от уплаты налогов, идущих на приуготовление войн и от поступления на военную службу²⁴⁶

Трудовая элита, те, кто кормит своим трудом Россию, должна отказаться от эгоистических устремлений к материальным выгодам, проистекающим из участия в делах правительств. Честь и человеческое достоинство не должны более приноситься ими в жертву²⁴⁷.

Обращение Л.Н. Толстого «К рабочему народу» (1902) повторяет ту же, весьма нелюбимую, мысль:

²⁴³ Толстой Л.Н. «Не могу молчать». М., 1985. – С. 492.

²⁴⁴ Там же. – С. 493-494.

²⁴⁵ Там же. – С. 495.

²⁴⁶ Там же. С. 420-426.

²⁴⁷ Там же.

рабочие сами поработают себя и своих братьев, участвуя в производстве снарядов и пушек и поступая ради выгоды или из страха в военную службу (34, 256).

Страстный протест против безумия развязанной в 1904г. на Дальнем Востоке русско-японской войны писатель выразил в статьях «Одумайтесь» (1904) и «Единое на потребу» (1905). Здесь виновниками и подготовителями войны названы правительства, учёные, дипломаты, церковники, военные, журналисты. «Из-за чужой земли, на которую русские не имеют никакого права, <...> из-за каких-то тёмных дел аферистов, хотевших в Корее наживать деньги на чужих лесах, тратятся огромные миллионы денег, то-есть большая часть трудов всего русского народа, закабаляются в долги будущие поколения этого народа, отвлекаются от труда его лучшие работники и безжалостно обрекаются на смерть десятки тысяч его сынов» (36, 138). К причинам войны справедливо причислены условия социальной жизни, с помощью которых микадо или «малоумный гусарский офицер» Николай II могут причинить несчастье миллионам людей (Там же. – С. 169).

Люди, не имеющие мужества в отстаивании своих убеждений (ведь по отдельности-то каждый – против войны!), делают противное своему разуму и совести, «призывают Бога на помощь делу дьявола, на помощь человекоубийству», а, одержав вдруг важную победу, - «благодарят за это кого-то, кого они называют Богом» (Там же. – С. 106-114). Видя подобное отношение людей к основному делу жизни всех и каждого – служению Богу и ближнему, веку XX-му Толстой пророчит не только разорение государств в гонке вооружений, но и катастрофическое вырождение вследствие гибели лучших людей, нравственное падение и развращение (Там же. – С. 115).

Корень бедствия писатель видит, и справедливо, в утрате народами Европы и Америки религиозно-нравственной опоры – руководства в приложении к

жизни научных знаний, дающих власть над природой. Л.Н-ч указывает на необходимость спасительного исполнения каждым человеком воли пославшего его в жизнь Бога-Отца во имя созидания Царствия Божия на земле, а следовательно – неучастия в делах насилия (Там же. – С. 131-134).

Да, именно такие усилия ведут к реализации замысла Божия о человеке, или, выражаясь в иной терминологии, к гармоничности и долговременности взаимоотношений человека с человеком и с природой в обозримом будущем. Л.Н. Толстой дерзал мечтать о человеке действительно Разумном, избавившемся от атавизма кланово-территориального животного. Он надеялся на то, что уже в XX веке настанет время, когда, наконец, «обманутые люди опомнятся и скажут: да идите вы, безжалостные и безбожные цари, министры, митрополиты, аббаты, генералы, редакторы, аферисты и как вас там называют, идите вы под ядра и пули, а мы не хотим и не пойдём. Оставьте нас в покое пахать, сеять, строить, кормить вас же, дармоедов» (Там же. – С. 143).

(.....)

В мае 1908г. редактор “The free Hindustan” индеец Таракуатта Дас попросил Толстого обратить внимание на бедственное положение индийского народа, находящегося под владычеством колонизаторов-англичан. Л.Н-ч, в своём «Письме к индусу», опубликованном на русском и английском языках, ответил так: «30 тысяч людей английской торговой компании не могли поработить 200 миллионный народ. Если индусы поработены насилем, то только оттого, что они сами жили насилем, живут насилем, и не признают вечного, свойственного человечеству закона любви. Только живи человек согласно с свойственным его сердцу и открытым уже ему законом любви, включающей в себя непротивление, и потому естественно не участвуя в каком бы то ни было насилии,

и не только сотни не поработят миллионы, но миллионы не поработят одного. Не противьтесь злу, но и сами не участвуйте во зле, в насилиях администрации, судов, сборов податей – и, главное, войска, и никто в мире не поработит вас» (37, 268-269).

Выводы Толстого в «Письме к индусу» касаются, не только «индусов»: «Нужны как индусу, так и англичанину, и французу, и немцу, и русскому не конституции, не революции, не какие-либо конференции, не конгрессы <...>, а нужно только одно: знание той простой, ясной, укладывающейся в душе каждого человека, не одурённого религиозными и научными суевериями, истины, что закон жизни человеческой есть закон любви, дающей высшее благо как отдельному человеку, так и всему человечеству» (Там же. – С. 272).

Известно, что на Востоке суждения Толстого попали на боле благодарную почву, нежели на родине писателя или в западных странах. Тем не менее, руководясь внутренним духовным требованием, писатель призывал к ненасилию и их. Первым побуждением для этого стало письмо сербской женщины Анды М. Петробутевой от 7 октября 1908 года, в котором она просила писателя выступить в защиту аннексированных Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, а также поставленной под угрозу захвата Сербии. Ответная статья Толстого была напечатана с цензурными пропусками в России и полностью в 1909г. в Берлине. Писатель советует сербам, черногорцам, боснякам и всем славянам «перестать разжигать в себе отсталый от веры грубый сербский и всеславянский патриотизм», пожалеть (живыми) своих одурённых грехами и соблазнами захватчиков и притеснителей, и обрести то христианское понимание жизни, при котором «противление злу <злом> есть нелепость, не имеющая никакого оправдания» (Там же. С. 230-233). Главное же: нужно «сознать каждому человеку своё человеческое достоинство, не совместимое с подчинением любой

государственной власти, а только с законом любви, общим для всех людей» (Там же. С. 241).

Откликом на послание Толстого к сербам стало письмо польской журналистки Стефании Ляудын, укорявшей публициста за его «преступное, грешное молчание по польскому вопросу, а главным образом – за научение о «непротивлении», которое она явно смешивает с рабьей покорностью злу, несопротивлением вообще (38, 325).

Полячка пессимистически предсказывает России гибель вследствие недостаточности «светлого покров» западной культуры, свободы и гуманизма (Там же). В этом она явно и намеренно противостояла великому мыслителю, видевшему на месте «светлого покров» нечто в корне порочное, лживое, гнетущее, удушающее всё истинно светлое – народ, его труды, его веру, культуру, подлинную (пусть и в потенциале!) свободу и не западный, а русский и истинно христианский гуманизм.

В своём ответе писатель и публицист сравнивает осуждающего и нападающего на учение непротивления человека с собакой, кусающей того, кто хочет отвязать её (Там же. С. 151). И он пишет: «Не думаю, что Галилей был более убеждён в несомненности открытой им истины, чем убеждён я, несмотря на всеобщее отрицание её, в несомненности открытой не мной и не одним Христом, но всеми величайшими мудрецами мира истины о том, что зло побеждается не злом, а только добром» (Там же). И всем порабощённым, повторяет снова и снова великий мыслитель и публицист, нужно лишь забыть каждому свою личную выгоду и не служить поработителям уплатой налогов, любым участием в администрации, в парламенте, полиции, армейской службе (Там же. – С. 152-153). В заключение Толстой делится своей мечтой о зарождении христианского движения непротивления и любви в польском, русском, других славянских народах, а затем – во всём христианском мире.

Летом 1909г. Толстой получил уведомление об избрании его почётным членом 18-го Международного конгресса мира и одновременно – приглашение приехать в Стокгольм для принятия участия в работе Конгресса. Решив ехать, Толстой начал готовить доклад для прочтения в Стокгольме. Но выехать он не смог, а доклад, присланный в Стокгольм, так и не был обнародован, так как его выводы показались излишне радикальными для благонамеренных пацифистов, и они отложили съезд.

Доклад явился итоговым, завершающим этапом эволюции взглядов писателя на войну и милитаризм, своеобразным творческим отчётом перед современниками и одновременно завещанием потомкам. Ложный патриотизм и военная служба находят здесь себе суровый, но справедливый приговор: «военное дело есть дело столь же и гораздо более постыдное, чем дело и звание палача, так как палач признаёт себя готовым убивать только людей, признанных вредными и преступными, военный же человек обещается убивать и всех тех людей, которых ему только велят убивать, хотя бы это были и самые близкие ему и самые лучшие люди» (38, 123).

Главный, коренной тезис доклада – для того, чтобы не было войн, не должно быть армий. Война есть только неизбежное последствие существования «вооружённых сил». Поэтому Толстой, предлагая опубликовать воззвание ко всем народам, настаивает на том, чтобы в нём была подчёркнута не столько и без того очевидная гадость и преступность войны, сколько гадость и преступность (против веры, нравственности и здравого смысла) военной службы (Там же. С. 119-125).

(.....)

Таким образом, признавая, с одной стороны, современные ему пацифистские методы борьбы, Л.Н. Толстой, с другой стороны, шёл гораздо дальше пацифистов, переосмысливая деятельность истинных

миротворцев самым нестерпимым для любых правительств образом. Он надеялся, что власти будут **вынуждены** научиться миром разрешать свои споры и проблемы, когда в массе своей выйдут из повиновения сбросившие с себя иго обмана люди. Не случайно поэтому то, что миротворческое слово Толстого в печатном виде и в монархических, и в республиканских государствах рассматривалось и уничтожалось наравне с революционными прокламациями и листовками: свращать других приятнее, чем учиться самому... Пацифистов же терпели и даже поощряли к деятельности, а потому, используя иногда в своих целях авторитет писателя (и кто его только в *своих* целях не использовал!) они, тем не менее, опасались признать его «своим». История переполненного военными бедствиями XX столетия чудовищным образом подтвердила справедливость выводов и предложений Л.Н. Толстого, а не «благонамеренных» пацифистских кругов.

Толстой мечтал о времени, когда люди перестанут видеть в делах военного насилия «служение отечеству, геройство войны, военную славу, патриотизм, и увидят то, что есть: голое, преступное дело убийства» (38, 134). Мыслящим и чувствующим, слышащим зов истины людям XX1 века неизбежно верить, что это время настанет, и знать, что героическим и патриотическим делом современности является приближение этого времени усилиями неделания и проповедания истины. И в этом антивоенная публицистика Л.Н. Толстого была и пребудет ценнейшей духовной и идейной опорой.

=====

Глава 3. Россия и русский народ в публицистике Л.Н. Толстого (1880-1900-е гг.)

«Я увидел, что причина страданий и разврата людей та, что одни люди находятся в рабстве у других...»

*«Только чистотою уничтожается нечисть на теле;
то же самое и в человеческих обществах.*

*Пусть человеческие общества сделаются
чистыми и здоровыми в духовном отношении,
и питающиеся на них паразиты церкви и государства
пропадут сами собой, как пропадают насекомые
на чистом и здоровом теле»*

(Л.Н. Толстой)

30 апреля 1889 года Л.Н. Толстой записывает в Дневнике: «Думал, вот 7 пунктов обвинительного акта против правительства: 1) Церковь, обман, суеверия, траты. 2) Войско, разврат, жестокость, траты. 3) Наказание, развращение, жестокость, зараза. 4) Землевладение крупное, ненависть бедноты города. 5) Фабрики – убийство жизни. 6) Пьянство. 7) Проституция» (50, 76-77).

Через десятилетие Толстой ещё раз определил в Дневнике свою позицию обличителя образа жизни и действий властвующих классов, как до конца осознанную им позицию: «Думал о том, что если служить людям писанием, то одно, на что я имею право, что должен делать, это **обличать богатых в их неправде и открывать бедным обман, в котором их держат**» (54, 52. Выделение наше. – Р.А.).

Действительно, основным содержанием толстовской публицистики становится в указанную эпоху страстный протест писателя и христианина, его глубокая, развитая на религиозном фундаменте, критика буржуазного государства и эксплуататорского строя, классового гнёта, главное же – массового ожесточения и безверия в русском обществе. Положение русского народа,

могущего в наступающем XX веке исполнить (или не исполнить) важнейшую в христианском мире миссию, очень занимало Толстого. Этой теме он посвятил основную часть своего богатого публицистического наследия. Его интересовали проблемы нравственной чистоты соотечественников, но не сами по себе, а в связи с важнейшей проблемой *благоустроенности жизни* трудового народа России, благополучия как духовного, так равно и материального.

3.1. Нищета, невежество, омрачённость, насилие и разврат (первые впечатления Л.Н. Толстого в Москве).

Наиболее подробно критика жизни высших классов России была дана Толстым в первом его крупном публицистическом слове к современникам – «Так что же нам делать?» (1882 - 1886). Само название труда свидетельствует как о его остропроблемном характере, так и об огромной эмоциональности и искренности. Можно смело говорить, что писан он «кровью сердца».

В годы, предшествовавшие созданию слова, Толстой пришёл к убеждению в возможности преодолеть остроту общественных противоречий через приобщение городских обитателей к трудовой крестьянской жизни. Огромному сочинению предшествовали две статьи 1882 года – «О переписи населения» и «О переписи в Москве», в которых писатель обращался к людям богатых классов с идеей соединить перепись и предоставление не только материальной, но и нравственной помощи нищим и бедствующим жителям города.

Перепись в Москве производилась 23 – 25 января 1882 года. Толстой попросил у главного руководителя переписи, профессора – экономиста И.И. Янжула, чтобы ему дали участок с беднейшим населением. Поселившись с семьёй в Москве осенью 1881г., Лев Николаевич уже успел столкнуться с ужасающей жизнью городских обитателей. Причём оценил не одни

только материальные масштабы бедствия: «Всё устраиваются. Когда же начнут жить? Всё не для того, чтобы жить, а для того, что так люди. Несчастные! И нет жизни. Вонь, камни, роскошь, нищета. Разврат. Собрались злодеи, ограбившие народ, набрали солдат, судей, чтобы оберегать их оргию, и пируют». К ненормальности такого положения писатель хотел привлечь внимание равнодушных людей. 20-го января 1882г. в газете «Современные известия» появилась статья «О переписи в Москве». При этом Толстой сам побывал в типографии, помогая рабочим – наборщикам разобраться в особенностях своего почерка, и лично занялся распространением напечатанного.

В начале статьи писатель напоминает русскому читателю о мнениях как революционного лагеря противников нищеты и униженности «низов», так и оппозиции более ему близкой по взглядам, консервативной, не без основания указывавшей на упадок нравственных основ жизни русского общества²⁴⁸. Выход из такого положения Толстому видится в том, чтобы соединить перепись с делом «любовного общения» с бедняками, служения им, и продолжить это служение «не по назначению комитета Думы, а по назначению своего сердца» и после окончания переписи. Причём – служа не столько посредством «материальной помощи», которой филантропы лишь развращают бедняков, сколько через личный труд, который, в отличие от денег, нельзя отдавать бедным без любви к ним и начатому делу²⁴⁹. Не денежная отрывка от излишеств богача, а любовное участие, милосердная личная забота о несчастных – таков предлагавшийся Л.Н. Толстым очень русский и христианский образ действий.

Завершается статья мольбой писателя и публициста к соотечественникам: «Забудемте про то, что в больших

²⁴⁸ Толстой Л.Н. Собр. соч. В 22-х т. М., 1983. Т. 16. С. 98-99.

²⁴⁹ Там же. – С. 99-103.

городах и в Лондоне есть пролетариат, и не будем говорить, что это так надо. Этого не надо и не должно, потому что это противно и нашему разуму и сердцу, и не может быть, если мы живые люди»²⁵⁰.

Выше, говоря о впечатлениях молодого писателя от казни в Париже, мы цитировали отрывок из его Дневника - удивительно схожую апелляцию «к разуму и сердцу». Но с Европой, с Парижем, Лондоном или азиатским по сути взаимоотношений правителей с народом, хотя и поверхностно вестернизированным Петербургом Толстой не связывал давно никаких своих упований. Не столь ясна для писателя была традиционно-патриархальная, русская Москва. И стоит ли говорить, что предложение писателя имело свои очевидные психологические нюансы, продиктованные как давними негативными впечатлениями от буржуазных городов Европы, так и более новыми – от Москвы. Быть может, первый, мучительный, месяц жизни в Москве напомнил ему те давние и столь же неприятные впечатления от столицы тогдашнего эталона «республиканской демократии». Как коренного и убеждённого усадебного жителя, Л.Н. Толстого интересовал потенциал христианской религиозности и нравственной чуткости изрядно уже обуржуазившихся, то есть грязно развратившихся, москвичей, «сухой остаток» человеческого в них, ещё уцелевший по результатам имперских реформаторских преобразований. Толстовские предложения, действительно, могут выглядеть «по-мужицки» и даже «по-дурацки» с позиций идеологии капиталистического Запада, с её диким коктейлем из религиозных догм и «научных» суеверий, не позволяющем идти далее полицейских мер против «нищих», прикрываемых, для очистки совести, помпезной рекламой филантропической деятельности. Но в тогдашней России идеология нарождающегося капитализма ещё не приспособилась паразитировать на вечных моральных

²⁵⁰ Там же. – С. 104.

ценностях, подмяв их под себя. Обычная переписка населения могла бы стать шагом к нравственному совершенствованию людей, и, не исключено, что - не только в Москве.

В реальности, конечно, всё вышло наоборот: на призыв писателя и публициста откликнулись отнюдь не самые богатые люди, главным образом из числа учащейся молодёжи. Воззвание задело сердца и всколыхнуло умы тех, кто сам был знаком с бедностью, унижениями. У тех же, кто имел власть и располагал достатком, умы, по большей части, устояли, а сердца - и вовсе ничего не почувствовали. Постепенно избавляясь от иллюзий, Л.Н. Толстой уже в трактате «Так что же нам делать?» (1882-1886) подробно анализирует причины неготовности этих людей к делу христианского служения, признавая, что его смелое предложение и не могло быть принято теми, кому оно адресовалось в первую очередь.

Первые же строки публицистического слова Л.Н. Толстого «Так что же нам делать?», а именно строки эпиграфа, дают религиозный ответ на стоящий в заглавии вопрос. Это – стихи из Евангелий от Луки, Матфея и Марка, содержащие христианский призыв к милосердию и нестяжанию. Сама работа весьма обширна (40 глав), и главная её тема, как можно догадаться по эпиграфу – тема частной собственности и богатства в капиталистическом мире, создающих условия для вопиющего неравенства в положении трудящейся бедноты и висящей у неё на шее многоликой дармоедской «элиты» эксплуататорского общества, капиталистического государства.

В первых 16-ти главах слова Толстой гениально соединил художественное искусство и публицистику, воспроизведя яркие образы посещённых им в ходе переписки нищих обитателей Хитрова рынка, Ляпинского и Ржанова ночлежных домов. Писатель передаёт свои

мысли и впечатления от этих встреч и от разочарования в надеждах «помочь» страждущим с помощью барской благотворительности.

Публицист вспоминает здесь, в частности, как поначалу, в ходе переписи, он предлагал помочь беднякам деньгами, работой. Крестьянам, не имевшим денег для возвращения в свои деревни, он хотел помогать с выездом из Москвы; детей планировалось устраивать в школы, стариков и старух – в приюты и богадельни. Воображению писателя уже рисовалось некое «постоянное общество, которое, разделив между собой участки Москвы, будет следить за тем, чтобы бедность и нищета эта не зарождались»²⁵¹. Но вскоре, столкнувшись с реальной жизнью московского «дна», Толстой пришёл к выводам о недостаточности и, зачастую, ненужности и вреде унижительной помощи бедным деньгами и о необходимости изменения их миросозерцания, настроенного на ложный идеал безделья и паразитизма.

Но готовы ли были к подобной работе *богатые* паразиты? Ведь известно, что, для того чтобы переменить миросозерцание другого человека, надо «самому иметь своё лучшее миросозерцание и жить сообразно с ним»²⁵². Надо научиться самому, и лишь потом учить других «жить, то есть меньше брать от других, а больше давать»²⁵³.

Выявляя причины городской нищеты многих и роскошества меньшинства, Толстой формулирует главную экономическую причину того и другого: это – «переход богатств производителей в руки непроизводителей и скопление их в городах», куда, вслед за вывозимым из деревень продуктом, стекаются, влекомые нищетой и соблазном, деревенские жители²⁵⁴. Но городская жизнь жалует только «обеспеченных», для которых созданы искусственные

²⁵¹ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В.22-х тт. Т.16. С. 176.

²⁵² Там же. С. 191.

²⁵³ Там же. С. 199.

²⁵⁴ Там же. С. 212.

условия отделения их от бедняков посредством роскоши и лжи, оправдывающих нетрудовое потребление продуктов чужого труда. В этих условиях сближение с бедняками для общения и благого на них влияния становится невозможным, а возможной оказывается лишь ограниченная филантропия, озлобляющее бедных и успокаивающее совесть богатых «отбирание у бедных одной рукой тысячей, а другой швыряние копеек тем, кому вздумается»²⁵⁵.

В главе XVI-й автор делает беспощадно резкое противопоставление себя и других «паразитов» бедным, но работающим людям, которым он в филантропическом ослеплении кинулся помогать²⁵⁶. Кто кому должен помогать, если бедные своим трудом кормят и себя, и дармоедов из общественной «верхушки»? Здесь же Толстой делает и конечный вывод из своей эпопеи с переписью: обладание деньгами, то есть чужим овеществлённым трудом, не является главным подспорьем в деле помощи бедным, в нём «есть что-то гадкое, безнравственное»²⁵⁷. Таким выражением естественной христианской (то есть человеческой) гадливости в отношении обезьяньего занятия подгрёбания «под себя» публицист подводит читателя к исследованию проблемы денег (главы XVII-XXI).

Вопреки заверениям апологетов насилия в лице юристов и политэкономов, деньги, полагает Л.Н. Толстой, в условиях современного капитализма никак не могут быть лишь «безобидным средством обмена», а приобретают свойство порабощения тех, у кого их мало, теми, у кого имеется капитал. Для последних деньги – это удобное средство эксплуатации чужого труда ради ещё большего обогащения²⁵⁸. Таково капиталистическое рабство, рабство нового времени, угрозу которого для трудящегося народа России почувствовал великий писатель и мыслитель.

²⁵⁵ Там же. С. 219 – 226.

²⁵⁶ Там же. С. 229 – 230.

²⁵⁷ Там же. С. 231.

²⁵⁸ Там же. С. 247 – 251.

Размышляя об экономических причинах городской нищеты и «нового рабства», Толстой приходит здесь к выводу, что главная из них в аграрной России – это деревенская бедность, следствие того, что у крестьян, у людей, трудящихся на земле, реформа 1861г. отняла землю. Реформа заменила личное рабство поземельным и податным порабощением: «У мужика не хватало хлеба, чтобы кормиться, а у помещика была земля и запасы хлеба, и потому мужик остался тем же рабом»²⁵⁹.

Рабство экономическое оправдывается в эксплуататорском обществе лживой и продажной наукой, сделавшейся инструментом господствующей идеологии. В частности, общественными науками активно насаждается в умах «граждан» суеверие общественно-правовое, подобное религиозному. Оно состоит в том, что, якобы, «кроме обязанностей человека к человеку, существуют более важные обязанности к воображаемому существу (государству. – Р.А.), и жертвы (весьма часто человеческих жизней), приносимые воображаемому существу – государству, тоже необходимы, и люди могут и должны быть приводимы к ним всевозможными средствами, не исключая насилие»²⁶⁰. Учёные – обманщики, заменившие первобытных жрецов, заявляют, что государство, дескать, существует для защиты свободы и благополучия рядовых «граждан», обитающих на его территории, а потому – вправе требовать от них денег и преданного служения в войске.

Л.Н. Толстой не устаёт развенчивать эту удобную ложь: государство любое необходимо лишь для обеспечения господства насильнического «элитарного» (паразитарного) меньшинства над трудящимся большинством. А потому улучшение положения трудящихся возможно только посредством «освобождения нашего от государственных требований», от того положения, при котором «насилующие люди

²⁵⁹ Там же. С. 264.

²⁶⁰ Там же. С. 268.

насилуют людей для их свободы и делают им зло для их блага»²⁶¹.

Где будет насилие, возведённое в закон власть имущими, используемое эксплуататорами и легитимное в глазах обманутых тружеников, – там будет рабство. И пока не будут распущены по домохозяйствам вооружённые силы капиталистических стран и сами эти «великие и могучие», то есть садистски-бесчеловечные, империи, живущие только обманом, грабежом и насилием, будет рабство в страшных размерах²⁶².

В последующих главах (26-30) Толстой критикует с позиций «теории насилия» современные ему научные оправдания несправедливого общественного разделения труда в различных общественных классах, в том числе теории Ч.Дарвина и О.Конта²⁶³.

Основная несправедливость, на которую указывает публицист, заключается в том, что служители науки и творческая элита буржуазного мира заявляют свои претензии на результаты производительного труда большинства работников, на «пищу телесную», но при этом не спешат обеспечить трудящихся на них людей плодами своего труда, полноценной и качественной «пищей духовной». А к таковой необходимо отнести: учение о жизни, её смысле и назначении человека, усовершенствованные орудия труда, близкое народу, дарующее радость, эстетическое наслаждение, объединяющее людей, обогащающее их новыми осмыслениями искусство и т.п.²⁶⁴.

Последние три главы Толстой посвящает непосредственно ответу на вопрос, стоящий в заглавии. Жить среди народа, служа ему своими знаниями и талантами, не заявляя никаких прав на чужой труд, самим «кормиться, одеваться, отопляться, обстраиваться и в этом же самом служить другим»²⁶⁵ – к этому, к

²⁶¹ Там же. С. 268-270.

²⁶² Там же. С. 273.

²⁶³ Там же. С. 310-328.

²⁶⁴ Там же. С. 332-336.

²⁶⁵ Там же. С. 346, 364-365.

исполнению общего для всех «закона труда» в природных человеку деревенских условиях жизни, призывает публицист и мыслитель ещё не развёрнувшую западным образом жизни городскую интеллигенцию: «трудом всего существа своего, не стыдясь никакого труда, бороться с природою для поддержания жизни своей и других людей»²⁶⁶.

В заключение великого, мудрого слова своего к современникам, Толстой предсказывает, что, если общественные «элиты» - паразиты не слезут с шеи народной, то грянет справедливая «рабочая революция», взрыв которой лишь «отсрочивался последние 30 лет»²⁶⁷. Ненормально такое положение, при котором растёт с каждым годом ненависть и презрение народа к его «высококультурным» обманщикам и эксплуататорам. Общественное мнение, несомненно, будет на стороне трудящихся людей, признающих своей главной собственностью свои рабочие руки²⁶⁸.

Именно поэтому не надо ждать революционного взрыва: ведь общественное мнение пока ещё способно поддержать и инициативу «сверху». Те люди «верхушки», которые добровольно займутся честным, полезным для общества трудом, «без насилия правительственного или революционного для себя разрешат страшный вопрос, стоящий перед всем миром и разделяющий людей»²⁶⁹.

Таково содержание этого крупного общественно-политического выступления Л.Н. Толстого. Его полный текст увидел свет лишь за границей (в 1889г.), а в России был напечатан только в 1937г. в 25-м томе юбилейного собрания сочинений. Так что полемизировать «культурным», читающим современникам Толстого пришлось вокруг неполного, урезанного цензорами, текста «Так что же нам делать?», который, к тому же, они и не желали понять в его истинном значении, ибо обращён он был как раз против

²⁶⁶ Там же. С. 377.

²⁶⁷ Там же. С. 379.

²⁶⁸ Там же. С. 383-387.

²⁶⁹ Там же. С. 381.

их образа жизни, столь для них удобнейшего и приятного.

(.....)

3.2. Голод, бессилие и самообман: предвестники ужасов большевизма.

Следует отметить, что в рассмотренной выше книге Толстой, в полном согласии со своим мировоззрением, подразумевает под защищаемым им «рабочим народом» только крестьян (не исключая временно живущих в городе), пресловутого же «рабочего вопроса» касается лишь бегло. Но Толстой интересовался и рабочими, вникал в их проблемы, размышлял над перспективами улучшения их положения. Итогом толстовских дум о пролетариях стала в самом конце 90-х гг., в 1900 году, большая статья – «Рабство нашего времени».

В течение же указанного десятилетия Толстой уделяет наибольшее внимание проблемам крестьянской жизни. И особое место в «крестьянской» публицистике Л.Н. Толстого заняли его статьи о голоде, случившемся в 1891-1892гг. в 30 губерниях России. В Тульской губернии голодало 9 уездов из 12, причём вслед за голодом началась эпидемия холеры. Зная глубоко и точно жизнь русской деревни, писатель и публицист понимал, что голод – не случайность, не следствие неурожая, а неизбежное и, в сущности, постоянное бедствие, что хищническим хозяйничаньем в природе, с одной стороны, и недостатком земли в условиях роста населения и равнодушия властей – с другой, крестьяне доведены до разорения. В сентябре 1891г. Толстой сам совершил поездку по голодающим деревням Крапивенского, Богородицкого, Елифанского и Ефремовского уездов, убедился в необходимости спасти народ. Начинается его знаменитая кампания по сбору средств, продовольствия, одежды, открытию бесплатных столовых для голодающих взрослых крестьян и выдаче молочных продуктов детям. 246

столовых и более 10 тыс. кормящихся в них крестьян Тульской губернии, 124 молочных кухни («приюта») для детей – таковы были масштабы предприятия (29, 162-164). Дабы расшевелить сонную зажиточную общественность, 26 сентября, воротившись в Ясную Поляну, Толстой садится за написание остро-обличительной статьи «О голоде». Рассказав в ней о невыносимых условиях выживания в русских селеньях, он вновь призвал людей богатых классов слезть с шеи народа, дать хлебному труженику землю, а не очередную унижительную подачку из барского кармана. Причисляя и себя к виновным «богатым классам», Толстой делает вывод: «Народ голоден оттого, что мы слишком сыты... Народ всегда держится нами впроголодь. Это наше средство, чтобы заставлять его на нас работать»²⁷⁰. И сделать для поправления положения богатые господа могут только одно: «изменив свою жизнь, разорвать кастовую черту, разделяющую нас от народа»²⁷¹.

Именно этот христианский призыв Льва Николаевича Толстого к совершению подвига любви к Богу и ближним, своим же кормильцам-крестьянам, комментатор из «Московских ведомостей» расценил как «пропаганду самого крайнего, самого разнузданного социализма»²⁷². Официально статья была в России запрещена, но ходила по рукам, и произвела своё действие: пожертвования шли со всех концов мира.

Следует отметить, что в статье «О голоде» не прослеживается идеи некоего «примирения» богатых и бедных, разделённых пропастью неравенства. Богатые иногда не прочь и нажиться на голоде, лишь усугубляя эту пропасть²⁷³. И уже не к одним богатым, но ко всем энтузиастам обращает автор своё предложение об открытии в деревнях бесплатных столовых. Эта деятельность, по его представлениям, должна была

²⁷⁰ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22-х тт. Т. 17. С. 160.

²⁷¹ Там же. С. 162.

²⁷² Там же. (Примечания). С. 256.

²⁷³ Там же. С. 161-162.

сблизить горожан – помещиков с народом²⁷⁴. Статья «О голоде», помимо сугубо практической роли, стала, таким образом, своеобразным призывом в адрес обитателей крупных городов, скопивших плоды чужого труда и совращающих ими народ, - призывом к единению с народом и его трудом, с природой, служению ему не деньгами, а личными делами любви.

Тот же «разнузданный социализм» «проповедует» Л.Н-ч и в статье 1893г. «Заключение к последнему отчёту о помощи голодающим». Здесь он вновь побуждает богатых добровольно (пока ещё) отречься от прежнего своего образа жизни, встать в равные условия с народом, и с ним уже вместе достигнуть тех благ управления, науки, цивилизации, которые мы теперь извне, и не спрашиваясь его воли, будто бы хотим передать ему» (29, 207-208).

3.3. Безверие. Истязатели и истязуемые.

В 1898г. в России вновь голодали её кормильцы. Снова повторилось то, что было в 1891-92гг. Царское правительство, напуганное ростом революционного движения, так настойчиво пыталось доказать общественности, что голода нет, что активно отказывало в помощи тем, кто пытался организовывать помощь народу. В этих условиях, Л.Н. Толстой, встречая противодействия мелкой губернской чиновной сволочи, тем не менее, снова организует помощь, заботится об открытии бесплатных столовых. Находится время и для новой статьи – «Голод или не голод?» (1898), главными темами которой стали хронически бедственное положение народа и взаимоотношения сочувствующей народу части общества и царской администрации.

Толстой отмечает, среди прочего, тот факт, что **народ** не только голодает, но и *пал духом*, будучи

²⁷⁴ Там же. С. 167-170.

постоянно унижаем теми, кто управляет им²⁷⁵.

Унижение это проявляется в отсутствии элементарных прав и свобод для крестьян, их особом, приниженном положении, допускающем, в частности, позорное истязание розгами²⁷⁶.

В связи с этим публицист предлагает царскому правительству принять комплекс наиважнейших, насущно необходимых, по его мнению, мер. Он предлагает:

1. дать народу свободу вероисповедания;
2. подчинить крестьянство общим для всех граждан, а не исключительным, законам;
3. обеспечить для крестьян «свободу ученья, свободу чтения»;
4. «главное, снять то позорное клеймо, которое лежит на прошлом и теперешнем царствовании, разрешение дикого истязания, сечения взрослых людей только потому, что они числятся в сословии крестьян»²⁷⁷.

Не унижать людей, верить в народ, уважать народ, обеспечить народу возможность «духовного подъёма» (а не ожесточения, которым всегда пользовались «оппозиционные» демагоги!) – этим, по мысли Льва Николаевича, правительство может поспособствовать братскому единению людей в России²⁷⁸. Для нас здесь важно характерное сочетание христианских призывов писателя с объективным анализом ситуации в стране и либеральной по своей сути программой внутривнутриполитических преобразований, адресованной царю и правительству, что тоже является своеобразной «традицией» толстовской публицистики. Толстой здесь объективно либерален, но не оппозиционен правительству страны, а готов к сотрудничеству в общем деле благоустройства жизни народа.

²⁷⁵ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22-х тт. Т. 17. С. 184-185.

²⁷⁶ Там же. С. 186.

²⁷⁷ Там же. С. 187.

²⁷⁸ Там же. С. 192.

«Духовный подъём народа» равносильна для Л.Н. Толстого ненасильственному революционному перевороту, могущему пресечь разящим ударом из «ружья духовного» разрушительную работу над народным сознанием революционных радикалов и её последствия – всплеск революционного насилия, разрушения жизни в стране, уже угрожавшего в то время самодержавной России.

Увы, в полном своём объёме эта статья Л.Н. Толстого в те годы так и не увидела свет в России, как и более ранние его статьи о телесных наказаниях – «Николай Палкин» (1886-1887) и «Стыдно» (1895).

Первый набросок статьи «Николай Палкин» был сделан в записной книжке, когда Толстой в начале апреля 1886г. отправился, вместе с молодыми своими друзьями – М.А. Стаховичем и Н.Н. Ге-сыном, пешком из Москвы в Ясную Поляну. Один раз они ночевали у 95-летнего старого солдата, который рассказал, как истязали, прогоняя сквозь строй, солдат во времена царя Николая I, прозванного в народе Палкиным. Сам Толстой не видел подобных истязаний и рассказ старика потряс его. Статья была окончена в 1887г., но опубликована в России была лишь в 1917г.

Главная мысль статьи может быть передана так: российское общество тяжело больно. Больно бессознательной и бессмысленной жестокостью, несовместимой не только с разумом и совестью истинных последователей Христа, но и просто с задачей всеобщего выживания²⁷⁹. И если в старину это буйное поветрие распространялось по стране в виде массовых казней и пыток, а в эпоху Николая I – в виде забивания насмерть шпицрутенами, то безумием 2-й половины XIX века стали солдатчина, суды присяжных, остроги с одиночными камерами, казни революционеров, безжалостная эксплуатация рабочих и многое другое²⁸⁰. И все эти мерзости обманщики от государства, церкви и

²⁷⁹ Там же. С. 222-223.

²⁸⁰ Там же. С. 225-226.

науки оправдывают заботой о «прогессе» и общем благе. Этот обман активно развращает общественное мнение, принуждая самых милосердных людей к участию во зле этого полузвериного существования служением своими поступками интересам общего идола – государства²⁸¹.

«Диагноз», данный современникам великим писателем, не теряет актуальности и в веке 21-м: в основе массовой жестокости лежит БЕЗВЕРИЕ, регресс к низостям языческого жизнепонимания, забвение простых правил доброй и разумной жизни, данных Христом. Своим читателям Толстой напоминает такую максиму из Евангелия: кесарево – кесарю, а Божие – Богу. Это значит: кесарю – подати, имущество, жизнь даже, *но* только не дела служения, не поступки; они – Божие²⁸². В отношениях с государствами христианин должен думать и поступать так: «Царю или кому ещё всё, что хочешь, но только не Божие. Нужны кесарю мои деньги – бери; мой дом, мои труды – бери. Мою жену, моих детей, мою жизнь – бери, всё это не Божие. Но нужно кесарю, чтоб я поднял и опустил прут на спину ближнего, чтобы я держал человека, пока его будут бить, чтобы я связал человека или с угрозой убийства, с оружием в руке стоял над человеком, когда ему делают зло, чтобы я запер дверь тюрьмы за человеком, чтобы я отнял у человека его корову, хлеб, чтобы я написал бумагу, по которой запрут человека или отнимут у него то, что ему дорого, - всего этого я не могу, **потому что тут требуются мои поступки**, а они-то и есть Божие. Мои поступки – это то, из чего складывается моя жизнь; жизнь; жизнь, которую я получил от Бога, я отдам Ему одному».

В России же утвердилось рабская покорность воле власти имущих, исключая для её христианских народов возможность исполнить в мире своё общехристианское назначение. «...Мы дошли до того, -

²⁸¹ Там же. С. 226.

²⁸² Там же. С. 226-227.

завершает Толстой, - что слова «Богу Божие» - для нас означают то, что Богу отдавать копеечные свечи, молебны, слова – вообще всё, что никому, тем более Богу, не нужно, а всё остальное, всю свою жизнь, всю святыню своей души, принадлежащую Богу, отдавать кесарю!»

Тема нравственного падения русского общества была продолжена Л.Н. Толстым статьёй «Стыдно» (1895). 22 апреля 1895г. сельские учителя Каневского уезда Киевской губернии В.Ю. Шимановский, С.Т. Губернарчук и Д.Е. Гунько написали писателю возмущённое письмо о телесных наказаниях людей «крестьянского сословия». Ответом и стала статья «Стыдно».

Здесь одной из главных причин угрожающих России бедствий революции Толстой называет нравственное падение в среде «так называемого высшего русского общества» в сравнении с началом XIX века, с эпохой декабристов, которые первыми отказались сечь солдат своих полков, заслужили их уважение и любовь, а в декабре 1825 года вышли вместе с ними на Сенатскую площадь²⁸³. Не случайно одним из рабочих названий статьи было – «Декабристы и мы». Даже дата окончания статьи – 14 декабря 1895 года – была напоминанием читателю о годовщине восстания.

Толстой отмечает в статье, что нравственная деградация «верхушки» русского общества происходит одновременно с «повышением умственного и нравственного уровня» крестьянского сословия, приведшим к тому, что телесное наказание стало для многих крестьян доводящей до самоубийства нравственной пыткой²⁸⁴. Вопиющий факт: «нелепейшему, неприличнейшему и оскорбительнейшему наказанию» подвергаются не все сословия, а именно «самое трудолюбивое, полезное, нравственное и многочисленное»²⁸⁵. В государстве, претендующем

²⁸³ Толстой Л.Н. Стыдно // Толстой Л.Н. Не могу молчать. М., 1985. С. 358-359.

²⁸⁴ Его же. Соч.: В 22-х т. Т. 17. С. 172-173.

²⁸⁵ Там же. С. 174.

называться христианским, «дикий произвол грубой власти» допускает «взрослых и иногда старых людей оголять, валить на пол и бить прутьями по заднице» с озверением и уверенностью, что это не преступление, а нужное и полезное дело²⁸⁶. Для крестьян уже прошла пора безропотного повиновения деспотии помещиков, они узнали, что такое человеческое достоинство и готовы заявить о своих правах, а потому, заключает Л.Н. Толстой, правящим классам необходимо, пока не поздно, по-человечески признать свой грех и смиренно покаяться в нём²⁸⁷.

Статья произвела мощное впечатление на читающую Россию. Толстой получал благодарственные письма. В одном из ответов на такое письмо он даёт мудрейший совет: «Средство уничтожить это и всякое другое зло – в том, чтобы общественное мнение казнило презрением людей, подающих руку правительству в таких делах» (69, 39).

3.4. Казни. Бессмысленность и беспощадность.

С ещё большей силой критика нравственного облика власть имущих зазвучала в публицистике Л.Н. Толстого в период правительственных репрессий, последовавших за первой российской революцией 1905 – 1907 гг. К голосу Толстого в эти годы присоединились репин, Горький, Короленко, Серафимович, Блок, Брюсов, Л. Андреев и другие – каждый, разумеется, со своих идейно-творческих позиций.

В июле 1907г., в связи с арестом ответственного редактора издательства «Обновление» Н.Е. Фельтена, обвинённого, как в преступлении, в издании и распространении статьи Толстого «Не убий», Л.Н. Толстой публично осудил политику самодержавия в новой статье «Не убий никого».

²⁸⁶ Там же. С. 175-176.

²⁸⁷ Там же.

Вторично к волновавшей его теме правительственных репрессий Толстой вернулся через год – в мае-июне 1908г. – в двух новых статьях, из которых одна, наиболее сильная, была посвящена его воспоминаниям о суде над солдатом Шибуниным, а другая – аресту единомышленника писателя В.А. Молочникова. Критическая направленность первой из статей – довольно обширная и «традиционная» для публицистики Толстого: несправедливости общественного строя, ложь буржуазной науки и церковь «православных», освящающая своим чугунным авторитетом самые различные глупости и гадости. Государственное устройство имперской России, свидетельствует из своей эпохи Л.Н. Толстой, немислимо без убийств, а «то, что у нас называется наукой, есть только такое же лживое оправдание существующего зла, каким было прежде церковное учение» (37, 75).

Во второй из упомянутых статей Л.Н. Толстой развил и усилил выводы первой. Правительственные деятели через позорное судилище над Молочниковым гнусно поглумились над высокими нравственными истинами, разделяемыми большинством человечества. Сенаторы, судьи и прокуроры с блеском и убедительно продемонстрировали жестокость, развращённость, губительность для души человеческой и ужасающую, досадную глупость государственного устройства буржуазно-капиталистической России (37, 80-82). Религия, нравственность, даже здравый смысл – всё попорано господствующей «верхушкой», всё отброшено, как ветошь, ради удержания существующего в стране (и выгодного «верхам») порядка вещей (Там же).

Заметим, что, на наш взгляд, это обобщение должно бы распространяться и на государственное устройство других стран буржуазного мира, а не только на Россию времён «позднего» Толстого. Но писатель, видимо, настолько был разгневан осуждением своего рядового единомышленника, что не мог не сгустить красок, и шельмовал «власть имущих» именно царской России. Его

можно понять: не раз он выражал пожелание принять на себя весь имперский гнев за обнародованные в печати убеждения, но царизм подлейше издевался над более молодыми и беззащитными, принципиально не трогая «ересиарха», *якобы* из внимания к мнениям мировой и российской общественности (с другой стороны, плюя на общественное мнение по вопросам телесных наказаний и смертной казни). Расправы с Фельтеном и Молочниковым лишь влились в поток не менее ужасающих новостей, достигающих Ясной Поляны. Со всё возрастающим чувством ужаса и гнева, главное – мук совести за собственную причастность к происходящему, читал старый граф и знаменитый писатель и публицист ужасные, доходившие до него в письмах и газетах, вести о карательных экспедициях, об экзекуциях над крестьянами, о судах, о смертных приговорах и виселицах. Страдание нарастало, крик боли становился неизбежен...

10 мая 1908г. Толстой прочитал в «Русских ведомостях», а 11 мая – в газете «Русь», повергшее его в шок известие о массовой казни в Херсоне *крестьян*, обвинённых в «разбойном нападении» на усадьбу землевладельца в Елисаветградском уезде. А 13 мая пришло ещё одно страшное известие. Из беседы с московским адвокатом Муравьёвым писатель узнал о расстреле в Екатеринославе 17 узников, пытавшихся вырваться из переполненной тюрьмы. Особенно поразила Толстого та подробность, что при казнях присутствуют священники.

В этот же день Толстой, неожиданно для самого себя, начал писать публицистический манифест «Не могу молчать», воззвание к общественному мнению. Давая в статье волю чувству гнева и негодования, торопясь окончить её, писатель **рассчитывал** на её немедленное и могучее воздействие на русское и мировое общественное мнение.

В начале статьи Толстой выдаёт свою горечь, свою боль, своё волнение, потрясение совершаемыми

государством преступлениями казней. Особенную ярость публициста вызвал широко распространившийся довод, будто репрессии и преследования совершаются правителями во имя народа и для его же блага. Эта ложь, оправдывающая человекоубийство, чудовищно мучила Толстого, чувствовавшего свою сопричастность случившемуся. И вот теперь писатель и граф с негодованием отбрасывает этот довод, заключающий в себе вековую фальшь официальной идеологии.

Народ, утверждает автор «Не могу молчать», осознал всю меру бесправия и униженности, в которую поставлен господствующими классами. Народу нужна земля, но она – собственность кучки богатых дармоедов. Народу нужны иные, свободные условия бытия, ибо он духовно вырос и прозрел. И если люди правительства не оказались способны вовремя понять и удовлетворить эти коренные и насущные потребности, то пусть хотя бы не прикрывают свою гнусную жестокость общественной необходимостью «умиротворения». Главное же преступление властей автор видит в том, что насилие казней, главное – их *оправдание*, развращает народ и, кстати, готовит его к ответному насилию против притеснителей²⁸⁸.

«Так и не говорите, - обращается Толстой к правительству, не называя имён конкретных лиц, но прозрачно намекая на них, - что то, что вы делаете, вы делаете для народа: это неправда. Все те гадости, которые вы делаете, вы делаете для себя, для своих корыстных, честолюбивых, тщеславных, мстительных личных целей, для того чтобы самим пожить ещё немножко в том развращении, в котором вы живёте и которое вам кажется благом»²⁸⁹.

Насилие правительства автор сравнивает с насилием, совершаемым революционерами, и сравнение этих «двух зол» клонится у разгневанного писателя в

²⁸⁸ Толстой Л.Н. Не могу молчать. – Указ. изд. – С. 447-448.

²⁸⁹ Там же. – С. 449. Вот, поистине, исчерпывающая, и, к сожалению, **не устаревающая** характеристика внутренней политики российского буржуазного правительства, его отношений с народом и к народу! (Прим. 2011г.)

пользу революционеров. Революционеры молоды (оттого столь радикальны, то есть глупы); они *честно* рискуют свободой и жизнью; они открыто и искренно отвергают учение Христа, тогда как люди правительства стоят *на словах* за христианство²⁹⁰.

Завершается манифест смелыми авторскими уверениями в том, что он будет продолжать и впредь протестовать и распространять свои писания по всему миру до тех пор, пока или кончатся в России «нечеловеческие дела» смертных казней, или уничтожится ощущаемая писателем его «связь» с этими делами. Хозяин Ясной Поляны мечтает о тюремном заключении за свои писания, о том даже, чтобы, подобно казнённым крестьянам, «затянуть на своём старом горле намыленную петлю»²⁹¹.

Нельзя не отметить, что, после столь полюбившихся советским критикам страстных обличений, гневных призывов, выраженного желания пострадать, поболтаться мученически на виду у всех в петле, особенно тяжёлое впечатление оставляют выраженные здесь же, в последней главе статьи, и претендующие на христианское смирение и любовь к врагам, обращения к душе «участников убийств», призывы к ним перестать делать то, что они делают²⁹².

В подобном неудобоваримом, невероятном сочетании резко выраженных либеральных требований к правительству с проникнутыми консерватизмом христианскими призывами к покаянию и смирению, к примирению с народом на фундаменте общей веры, нам видится одно из подлинных противоречий сложного мировоззрения «позднего» Толстого.

В любом случае, писателю и публицисту удалось создать настоящий «манифест», и далеко не безобидный и не дружественный к отвергнутому уже не раз его предложения правительству. Несмотря на то, что полный его текст не стал в год создания достоянием весьма

²⁹⁰ Там же. С. 451.

²⁹¹ Там же. С. 454-455.

²⁹² Там же. С. 455-456.

широкого читателя (быть может, и к лучшему!), он всё же вызвал необычайно бурные отклики. Правительственный орган газета «Россия» обвинила Толстого в том, что он проповедует «безформенную безгосударственность», в то время как власти казнят ради «блага народа». «Русская правда» опубликовала статью Ф. Чеботарёва «Ложь великого старца», угрожавшую тем, что, «если разбойников пустят свободно гулять по стране <...>, то страна тоже молчать не станет, и её голос не будет так лжив, как лжив голос яснополянского отшельника»²⁹³.

Один из ненавистников «толстовщины», М.О. Меншиков, выступил в «Новом времени» в защиту смертных казней и чрезвычайных законов как «законов самой природы», обусловленных необходимостью защиты мирных жителей и «бедняков – крестьян» от убийц. Итак, казни нужны всем, кроме убийц, и виноваты в них все, а значит – никто. Статья, по его мнению, написана Толстым бездарно, неубедительно ^{46а}.

18 декабря 1908г. в том же «Новом времени» появился, по сути, полуофициальный правительственный ответ – заметка А.А. Столыпина (брата печально знаменитого П.А. Столыпина), высказавшегося в пользу смертных казней со ссылкой ... на Евангелие. Негодования верующих в ответ на это кощунственное богословское «открытие» отнюдь не последовало. Петербургский студент Л.А. Арсеньев написал Толстому взволнованное письмо, в котором просил его высказать своё мнение о столыпинской заметке. Толстой откликнулся статьёй «Смертная казнь и христианство» (1908-1909). Начал он с объяснения своей гражданской позиции как общественного деятеля и публициста:

«Не могу молчать я именно потому, что, будучи своим ли возрастом, своей ли случайно раздутой репутацией <...>, поставлен в исключительное положение, такое, при котором я один могу говорить среди всех

²⁹³ Цит. по: Шифман А.И. Статья «Не могу молчать» Л.Н. Толстого. Тула, 1958. С. 44.

^{46а}. Там же. С. 46 – 47.

живущих в России с зажатými ртами людей, я своим молчанием показывал бы согласие и одобрение тем злодеяниям, которые, не слыша за них осуждения, всё смелее и смелее совершают несчастные, заблудшие люди, называющие и считающие себя правителями» (38, 41).

Достаётся от Толстого по «заслугам», прежде всего, российским либералам, выступающим в Думе против смертной казни как противоречащей «прогрессу», за их безверие в христианской стране, за неготовность религиозно противостоять правительству, с *христианских* позиций признать и отстаивать ненужность и вред государственного насилия, за отсутствие религиозного чувства у одних и притворство или самообман других (Там же. С. 46-47).

Впрочем, автор, не теряя надежд, обращается и к консерваторам, и даже к революционерам:

«И потому, кто бы ты ни был: царь, террорист, палач, лидер какой-либо партии, солдат, профессор, кто бы ты ни был, вопрос для тебя только один: какие твои обязанности главнее и какими для каких ты должен пожертвовать: обязанностями ли члена государства, народа, революционной партии, или обязанностями человека, члена всего настоящего, прошедшего и будущего человечества?» (Там же).

В 1910г., за месяц до кончины, Толстой, не изменивший своего отношения к казням, получил письмо от К.И. Чуковского с предложением участвовать в коллективном выступлении писателей на страницах газеты «Речь», органа кадетов. Понятно, что Толстого не вдохновила «перспектива» тысячу первый раз выливать всё ту же воду, да ещё и в переполненные до краёв «либеральные» головы! Не законченное им ответное письмо Чуковскому всё-таки было опубликовано в «Речи» посмертно, 13 ноября 1910г., как *последняя статья Толстого*; в Юбилейном собрании сочинений её так же можно увидеть как статью, под редакторским названием «Действительное средство». Таким образом, российским либералам, в «лучших» их традициях, удалось *успеть*

воспользоваться в своих политико-пропагандистских целях «брендовым», как принято сейчас говорить, именем – именем отзывчивого, старого, отягощённого болезнями и семейной драмой, умирающего человека! А между тем, в ответе своём Чуковскому Толстой высказал довольно «неудобную» и для либералов, и для любой иной оппозиции мысль о том, что уничтожить смертные казни не смогут сами по себе ни «выражения негодования», ни «описания ужасов самого совершения казней», а только распространение «знания того, что такое человек, каково его отношение к окружающему его миру», то есть научения разумной религии, без которой невозможна нравственная жизнь общества (38, 436).

3.5. Рабство - не изжитое и утвердившееся в новых формах.

К началу 900-х годов Л.Н.Толстой почувствовал потребность подвести итоги своего более чем 15-летнего изучения «рабочего вопроса» в России. Писатель накопил наблюдения, побывав на металлургическом, цементном и химическом заводах, познакомившись с условиями труда работниц фабрики шёлковых изделий в Москве.

На глазах Толстого развивалась крупная капиталистическая промышленность в Москве, вблизи Хамовнического переуллка, где жил Толстой, и Косой Горе, рядом с Ясной Поляной. Вид обкладывающих родную усадьбу со всех сторон сомнительных «прелестей» буржуазной цивилизации вызывал у него глубокие и невесёлые размышления, отразившиеся в Дневнике. Вот запись от 5 мая 1896 года:

«Нынче ехал мимо Гиля²⁹⁴, думал: с малым капиталом невыгодно никакое предприятие. Чем больше капитал, тем выгоднее: меньше расходов. Но из этого никак не следует, чтобы, **по Марксу**, капитализм привёл к социализму. Пожалуй, он и приведёт, но только к

²⁹⁴ Цементный и кирпичный заводы Р.Р. Гиля находились, разумеется, тоже вблизи Ясной Поляны, в Ясенках.

насильственному. Рабочие будут вынуждены работать вместе и работать будут меньше, и плата будет больше, но **будет то же рабство**. Надо, чтобы люди свободно работали сообща, выучились работать друг для друга, а капитализм не научает их этому. Напротив, научает их зависти, жадности - эгоизму. И потому из насильственного сообщения через капитализм **может улучшиться матерьяльное положение рабочих, но никак не может установиться их довольство**. Довольство может установиться только через свободное сообщение рабочих. А для этого нужно учиться, общаться, нравственно совершенствоваться - охотно служить другим, не обижаясь на то, что не встречаешь возмездия. А учиться этому можно никак не при капиталистическом соревновательном устройстве, а при совершенно другом» (53, 85. Все выделения наши. - Р.А.).

Это - характерное для Л. Н-ча, глубочайшее, почти провидческое суждение. Социализм, как однобоко, ложно (а значит - опасно для общества) понятое христианство - всё-таки доктрина своей, *капиталистической* эпохи и среды. Он не разграничивает сугубо «матерьяльного» довольства индивида и высшего, удовлетворения человека (как личности разумной и духовной, а не «индивида»!) своим социальным бытием. Поэтому ему суждена участь любой фикции. Водворён он может быть в России или любой другой стране исключительно насильственно, и будет поддерживаться насилием государства (в том числе - идеологическим, над сознанием обитателей «соцзон»). Ослабнет клика насильников - и социализм сменится низшей «формацией», к которой люди более готовы психологически и нравственно, которая может завлечь их пусть также ложными, фиктивными, но примитивно-понятными ценностями и смыслами жизни. Необходимо сначала подготовить сознание людей, научить их правилам доброй и разумной, религиозной жизни, а потом уже, соответственно новому сознанию, обновлять и общественное бытие. Но, с другой стороны, нравственная

среда буржуазно-капиталистического строя западного образца **непригодна** для этого. Капитализм, не давая адекватных ответов на ключевые, экзистенциальные вопросы бытия человека и на вызовы, предъявляемые социуму историческим процессом, обрекает на деградацию и гибель всю локальную цивилизацию – европейскую, американскую, русскую. А через столетие после этой дневниковой записи Л.Н. Толстого стало возможным говорить и об угрозе планетарной, общечеловеческой... Итак, капитализм – это безысходный тупик.

Отсюда – пара шагов до осознания Толстым в начале XX века особой мировой роли некапиталистической и христианской России, её господствующего крестьянского патриархального уклада, её традиций общинности, могущих спасительно противостоять буржуазно-протестантскому индивидуализму, наползающему с Запада.

(.....)

Толчком к написанию статьи «Рабство нашего времени» послужило посещение Толстым товарной станции Московско-Казанской железной дороги, куда он поехал, узнав от весовщика этой станции – тульского крестьянина Афанасия Агеева – о том, что грузчики на станции «работают 36 часов сряду». Несомненно, такое известие заставило писателя вспомнить картины такой же варварской эксплуатации «человеческого материала», представленные в уже известном ему марксовом «Капитале». Наблюдения и впечатления от встреч с рабочими Толстой решил изложить в статье. Но одна тема повела за собой другую, и через полгода работы статья приобрела очертания мудрого и одновременно острого (и весьма нецензурного) социально-обличительного слова к современникам.

В начале статьи автор задаёт вопрос: почему считающиеся свободными люди добровольно соглашались на такую работу, «в которую во времена

крепостного права ни один самый жестокий рабовладелец не послал бы своих рабов?»²⁹⁵.

Далее он вновь, как и в слове «Так что же нам делать?», подвергает безкомпромиссной критике «мнимую науку» политэкономии – богословие эпохи безверия, заменившее религию в деле оправдания общественно-экономического неравенства и эксплуатации человека человеком. Причину научного обмана писатель и публицист видит в том, что наука пребывает под контролем ведущей и власть имущей «элиты» капиталистического мира – финансовой, привыкшей к выгоде своего положения и не желающей перемен в нём²⁹⁶. В унисон с ней люди науки советуют распорядителям производства (managers, overlookers) заботиться о благе своих рабочих, и в этом подобны благорасположенным помещикам, советовавшим когда-то людям своего сословия или своим приказчикам быть добрыми и заботливыми хозяевами воли и поступков крепостных, но отнюдь не давать им свободы. И как либералы во времена крепостничества требовали лишь ограничить власть помещиков, так и либералы рубежа XIX-XX веков тоже требуют от властей ограничения эксплуатации рабочих, сочувствуют их выступлениям, но признают в то же время существующий экономический строй не подлежащим изменению. И даже «передовые люди» – социалисты, сторонники обобществления орудий производства, не выступают за изменение основы «рабства нашего времени» – распределения и разделения труда²⁹⁷.

Толстой не чужд в своём сочинении определённой идеализации земледельческого труда, который он противопоставляет неестественному «подневольному, чужому и однообразному труду» рабов капитала на фабрике²⁹⁸. Фабричный труд, как полагает автор, несовместим с свободным разделением труда без

²⁹⁵ Толстой Л.Н. Рабство нашего времени // Толстой Л.Н. Не могу молчать. М., 1985. С. 369.

²⁹⁶ Там же. С. 378-379.

²⁹⁷ Там же. С. 384-385.

²⁹⁸ Там же. С. 376-380.

принуждения и отчуждения рабочего от результатов труда, способным «коммунистически связать человечество»²⁹⁹.

Выбор людям всего христианского мира, в особенности же России, представлялся Толстому небогатым: или несовместимое с насилием, санкциями и всей общественной иерархией истинное христианство и трудовая, главным образом – земледельческая, жизнь независимых общин, или – государство и новый обман, новое рабство, чреватое страданиями, но блестящее самоварным золотом республиканско-демократической оболочки.

Ведь в буржуазных демократиях, как справедливо констатирует писатель и публицист, угнетение человека человеком не исчезло, а только приобрело более завуалированный характер, внешне щадящий «живой материал» - эксплуатируемый народ. Народы западной цивилизации – не столько теперь жертвы насилия и обмана, сколько рабы элит, насилующие и обманывающие самих себя. Вместо цепи, как в добуржуазный период европейской истории, или верёвки, как в России, народ на Западе крепко спутан по рукам и ногам бесчисленными волосками, как Свифтов Гулливер, так, «что великану народу двинуться нельзя»³⁰⁰.

Западная демократия предстаёт наблюдательному глазу писателя в своём подлинном обличье – тиранией паразитического меньшинства банкиров, фабрикантов, крупных земельных собственников, главное же – тех, кто грабит и насилует трудящихся в интересах этого меньшинства, служит ему, вернее – его деньгам.

Русский мыслитель неоднократно подчеркивал, что своим открытым цинизмом «свободная» Америка с её культом наживы, бесправием белых и чёрных рабов, превосходит самодержавную Россию. «В России ещё тем хорошо, - говорил он, - что хоть не хвалятся свободой»³⁰¹.

²⁹⁹ Там же. С. 383.

³⁰⁰ Маковицкий Д.П. У Толстого. Яснополяние записки // Литературное наследство. Т. 90. Кн. 2. С. 160. (Запись Д.П. Маковицкого от 11 июня 1906г.).

³⁰¹ Литературное наследство. Т. 69, Кн. 2. С. 68.

Равнодушный цинизм тогдашних американских нанимателей был сродни цинизму скупщиков скотины или рабов: «Все предложения (объявления в больших газетах) обращены к молодым людям, имеющим большой опыт. Это сопоставление требований нелепо, но нелепости этой никто здесь не замечает. Такова общепринятая формула. 40-летний и даже 35-летний человек с большим трудом найдёт здесь занятие. Он уже считается инвалидом, к помощи которого прибегают только в случае крайней необходимости»³⁰². И такое дикарское отношение к людям в американском обществе не только не пресекалось, но даже освящалось авторитетом научного знания: один из профессоров в начале XX века, в окружении слушателей, претендующих, как и он сам, на цивилизованность и веру в Бога, утверждал всерьёз, что «люди после 40 лет приходят в негодность, а после 60 лет – вредны»³⁰³.

Ведущим мотивом деятельности честолюбивых и властолюбивых людей эксплуататорского общества были и есть выгоды корыстолюбцев. Чтобы скрыть это, пробуржуазное правительство, прислужник миллионщиков, подкрепляет экономическое принуждение эксплуатируемых к труду средствами насилия и обмана (тоже насилия, но над сознанием жертв), создавая и поощряя армию, полицию, бюрократию, присяжные судилища, тюрьмы, школы, университеты и психиатрические клиники. И обманутые, дезориентированные обитатели государств послушно повинуются правилам игры, участвуя своим трудовым добровольным рабством в обслуживании выгод корыстолюбцев-«нанимателей». Увы, но «рабство нашего времени» сохраняет всю свою актуальность до сего дня._

Таким образом, главное зло – в самом экономическом строе западной жизни. Народ в Европе

³⁰² Там же. Т. 90. Кн. 2. С. 298. (Свидетельство Д.П. Маковицкого, 1906г.)

³⁰³ Там же.

был «обезземелен, отучен от земледельческой работы и посредством заражения городскими потребностями поставлен в полную зависимость от капиталистов»³⁰⁴. На пороге нового века то же самое злодейство совершилось и в России. Городские рабочие, «живя вблизи богатых людей, всегда заражаются новыми потребностями и получают возможность удовлетворять этим потребностям только в той мере, в какой они отдают самый напряжённый труд за это удовлетворение»³⁰⁵. Иначе говоря, рабство в буржуазном обществе есть ещё и рабство навязанного потребления.

Производится и удерживается капиталистическое рабство тремя видами «узаконений»: о земле, о налогах («податях») и о частной собственности. Отмена одного из трёх порабащающих кодексов тотчас же подкрепляется усилением действия двух других:

«Те же, которые, как социалисты, в проекте отменяют узаконения о собственности земли и орудий производства, удерживают узаконения о податях и, кроме того, неизбежно должны ввести узаконения о принуждении к работе, т.е. устанавливают опять рабство в его первобытной форме»³⁰⁶.

Между тем, как уверяет современников Толстой, все три вида законов не только не нужны в условиях России, но и вредны. По его мнению, в рабочих людях живёт ещё «естественное сознание справедливости», исключающее необходимость принудительного государственного регулирования их жизни. Насилие, несправедливо возведённое в закон, лишь ослабляет это сознание, развращает людей, приводя к явлениям ответной массовидной спонтанно-чувственной агрессии – т.н. «классовой борьбе» недовольных с «обеспеченными». Рабочие могут и *должны* научиться самоуправляться без вмешательства властей, даже вопреки ему³⁰⁷.

³⁰⁴ Толстой Л.Н. Рабство нашего времени. Указ. изд. - С. 389.

³⁰⁵ Там же. С. 391.

³⁰⁶ Там же. С. 397.

³⁰⁷ Там же. С. 401-406.

Избавить народ от нового рабства может лишь уничтожение насилия. Для уничтожения же насилия нужно только обличение обмана о мнимой необходимости правительства и вооружённых сил («войска»), а также неучастие простых людей в делах правительства, религиозное воздержание от государственной службы, от уплаты налогов. **Стараться меньше пользоваться капитализмом**, не защищать силою буржуазного законодательства своего имущества, а пользоваться им лишь «в той мере, в какой к этим предметам не предъявляются требования других людей» - всё это должно стать нормой для русского рабочего. А для этого нужна вера³⁰⁸.

Итак, Толстой вновь делает малоосновательную ставку на христианскую сознательность в русском обществе, на религиозное, а не «тираноборческое» революционное объединение трудящихся, дабы «заменить» насилие разумным согласием, подкреплённым обычаем, и одолеть таким образом «рабство нашего времени».

Подчеркнём здесь же, что Толстой не был радикальным противником заимствований с Запада, мудрой и постепенной модернизации экономики страны. «Если только люди поймут, - писал он, - что нельзя пользоваться для своих удовольствий жизнью своих братьев, они сумеют применить все успехи техники так, чтобы не губить жизней своих братьев, сумеют устроить жизнь так, чтобы воспользоваться всеми теми выработанными орудиями власти над природой, которыми можно пользоваться, не удерживая в рабстве своих братьев»³⁰⁹. Возражал он только против перенимания западных приёмов порабощения и эксплуатации человека человеком. И в этом он, увы, оказался слишком большим оптимистом: прямое принуждение времён «классического» рабства не исчезло к 21-му веку, но только дополнилось приёмами

³⁰⁸ Там же. С. 408-414.

³⁰⁹ Там же. С. 386-387.

экономического давления и, самыми современными, – манипуляциями массовым сознанием (применимыми как раз в условиях отсутствия в людях истинной религиозной веры). Утверждение жизни и благополучия одних людей за счёт других за прошедшее без Толстого столетие не только не изжито, но даже приобрело новые, разнообразные и весьма прочные формы, паразитирующие всё на тех же атавизмах человеческой природы, о которых так хорошо знал великий писатель...

3.6. Перед лицом революционной угрозы.

Годы безответных призывов к богатым и властвующим стать нравственнее, обратиться от языческих мамона и фасций к Богу, убедили писателя в том, что люди общественной «верхушки» России не только не хотят, но и не могут понять и признать незаконность своих привилегий и своего положения. Поэтому в годы, предшествовавшие первой российской революции, все свои надежды на перемены к лучшему он связал с ростом сознательной религиозности народа, следствием которого должна была стать конкретная ненасильственная практическая деятельность, готовящая, в свою очередь, новый шаг сознания. Однако, чутко прислушиваясь к настроениям людей из трудовых «низов», Толстой сталкивался и не со столь желательными переменами настроений, и предупреждал о них задолго до взрыва насилия, в 1901г., в слове - обращении к «Царю и его помощникам».

Работа над обращением началась в марте 1900г. в связи со студенческими беспорядками в ряде российских городов, когда правительство приняло решение об отдаче в солдаты 183 студентов Киевского университета и о наказаниях других участников беспорядков.

Основной, коренной причиной случившегося Толстой называет ошибочный, продолжающийся 20 лет, с момента убийства народовольцами «освободителя»

Александра II, курс правительства на контрреформы, на усиление самодержавной деспотии³¹⁰.

Центральное место в обращении занимает вновь предлагаемая и более обширная, чем в 1898г., толстовская программа неотложных мер по обузданию «революционной ситуации». И первым её пунктом, конечно, вновь оказывается либеральное требование об уравнивании крестьянства в правах с другими сословиями, для чего необходимы:

- уничтожение института земских начальников;
- отмена особых правил, регулирующих отношения рабочих с нанимателями;
- отмена всех повинностей и свобода передвижения;
- ликвидация круговой поруки и выкупных платежей;
- уничтожение телесных наказаний для крестьян³¹¹.

Далее Толстой предлагает немедленно отменить введённые 29 июля 1899 года «Временные правила», предусматривавшие наказания за беспорядки и неповиновение властям³¹².

Писатель, бывший, как известно, и опытным педагогом – не только теоретиком, но и практиком, - требует, как давно назревшей меры, обеспечения равного доступа всех граждан, без различия национальности и вероисповедания, к образованию, воспитанию и преподаванию, в том числе – к открытию частных школ и обучению в них³¹³. Наконец, программу неотложных мер дополняет и не менее значимое требование уничтожения всех стеснений религиозной свободы³¹⁴.

³¹⁰ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22т. Т.17. С. 194.

³¹¹ Там же. С. 195.

65 Там же. С. 195-196.

66 Там же. С. 196-197.

67 Там же. С. 197.

66 Там же. С. 196-197.

67 Там же. С. 197.

68. Там же. С. 198.

26 марта 1901г. обращение Толстого было направлено Николаю II, великим князьям и министрам. Ответа не последовало. Опубликованная в «Листках свободного слова», выходивших в Лондоне, статья – обращение Толстого получила широчайшее распространение в рукописных списках и гектографированных изданиях, выпускавшихся революционерами. Последний факт тем печальнее и ужаснее, что Л.Н. Толстой, обращаясь к «Царю и его помощникам», преследовал цель помочь именно правительству, а не революционерам в их деятельности. Писатель, обращаясь к царю, членам Государственного совета и прочим высокопоставленным лицам, придерживался русла своих убеждений, как политических, так и религиозно-нравственных. Перед нами - ещё не воинственный и гневный манифест, окрик орудующим убийцам, подобный «Не могу молчать», а – слово-обращение к «невольным единомышленникам»³¹⁵. Оно содержит *призыв христианина к собратьям* действительно побороть зло надвигающейся революции – побороть по-евангельски, неппротивлением, творя добро всему народу в ответ на недоброе с его стороны, своевременно совершая необходимейшие социальные преобразования, а не противясь злу насилием реакции, губительного ответного насилия.

Но взаимности понимания и диалога не возникло. Царское правительство упустило последнюю возможность не усугублять своей ссоры с Толстым (=Россией). Уже современный автор справедливо констатировал по поводу реакции «царя и его помощников» на предложения Толстого по поводу свободы вероисповедания: «Бесперспективность предложений Л.Н. Толстого объяснялась не только нежеланием властей идти на реформирование тех или иных институтов, но, прежде всего, тем, что проведение

глобальной церковной реформы вывело бы реформаторов на проблему “свободы совести”. А это, в свою очередь, стало бы смертным приговором для православного государства, ибо **православие являлось** не только нравственным, но и **идеологическим основанием империи**»³¹⁶.

3.7. **Общий вывод.**

И империя сделала свой выбор. Символически он был удостоверен анонимной посылкой с верёвкой и рекомендацией удавиться, присланной в 1908г. автору «Не могу молчать». Таков был ответ консервативной России: Толстой ещё при жизни стал для неё мертвецом, трупом, чем-то таким, что следует игнорировать и забыть, похоронить в ушедшем XIX веке. В одесской консервативной газете «Свет» от 15 июля 1908г. появилась, также, кстати говоря, анонимная, басня «Повесившийся Лев» - корявая заявка на верноподданничество. Автор, якобы убеждённый в том, что Толстой своими протестами против казней помогает революционным социалистам, неубедительно сожалел в басне от имени всей страны:

*«Как жаль, что нам от Льва,
Который гением великим отличался,
Один лишь труп теперь остался»* ³¹⁷.

А между тем «труп» и после 1908г. ещё дал жизнь целому ряду не утративших силы живого слова, общерусской и мировой актуальности произведений, в том числе – резко осуждающих «борцов за свободу», тех самых социалистов. Империя же, мнимо борясь с выступлениями радикалов ответным кровопролитием, множила и множила трупы, пока не стала трупом сама, так и не дав вразумительного, адекватного ответа на

³¹⁶ Фирсов С.Л. Церковно-юридические и социально-психологические аспекты «отлучения» Льва Николаевича Толстого (К истории проблемы) // Яснополянский сборник-2008. Тула, 2008. С. 373. (Выделения наши. - Р.А.).

³¹⁷ Шифман А.И. Указ. изд. С. 44-45.

предъявленный ей историей вызов. Власть же в стране попала в руки понятливых учеников имперских палачей: политическая традиция «борьбы со злом» посредством убийства «злодеев» была продолжена и в «советскую» эпоху, и в новейший, «демократический» период российской истории...

Вся консервативно-религиозная по сущности своей программа мер по предотвращению катастрофы насильственного переворота, предлагавшаяся Толстым, была направлена на одно: уничтожение условий жизни в стране, порождающих бедствия и недовольство большей части её жителей и агрессию против властей со стороны меньшей её части. Писатель, говоря языком литературы «советской» эпохи, действительно «тянул страну назад». Но куда ещё тянуть самоубийцу, готового шагнуть в пропасть? Реализация подобной программы могла бы быть своевременным и спасительным для России **ударом пониже пояса** «сынам противления» - революционерам. Для этого имперской «верхушке» нужно было сделать только *необычное* и непростое для неё усилие – перестать врать, врать и врать, себе и народу. А этого-то ей, с непривычки, и не удалось сделать – и удар ниже пояса самой империи стал неизбежен³¹⁸: тому, кому невозможно отступить назад, даже немного, чтобы перепрыгнуть через пропасть, остаётся либо обречённо топтаться на месте, либо падать...

=====

³¹⁸ Ещё раз подчеркнём, что теоретическое наследие Л.Н. Толстого и его судьба не утрачивают своей актуальности и в современной России, где целый ряд теоретически разрешённых мыслителем вековых проблем так и не нашёл ещё разрешения практического.

Глава 4. Идейное и художественное своеобразие публицистики Л.Н. Толстого по проблеме земельной собственности.

*Владение землёй как собственностью
есть одно из самых противоестественных преступлений.
Отвратительность этого преступления
незаметна нам только потому,
что в нашем мире преступление это
признаётся правом.*

(Л.Н. Толстой)

В интереснейшей статье Л.Н. Толстого «О значении русской революции» (1906) читателю предлагается вообразить себе мир, в котором люди не чахнут в городах, среди «заводов с приготовлением химической пищи» (необходимой оттого, что они свободно отдаются похоти и «размножаются, как кролики») а в котором, напротив, люди живут целомудренно, без собственности на землю и деления на государства, «в любовном общении с соседями среди плодородных полей, садов, лесов, с прирученными сытыми друзьями-животными» (36, 359-360). И так как люди уже «не будут воспитаны злодеяниями правительств, выдаваемыми за добрые дела», то имманентные «человеку разумному» конфликты, прелюбодеяния, кражи и убийства будут «исключением, а не правилом, как теперь» (36, 360).

Слово «соседи», малозаметное в этом, по-толстовски пространным, описании, намекает на отношение писателя к традиционной земледельческой соседской общине. Корни положительного, даже любовного, отношения писателя к аграрным общинам уходят во времена, предшествовавшие земельной реформе 1861г. В эти годы чётко определились взгляды Л.Н. Толстого на земельный вопрос, чему способствовали его личные

контакты и беседы с идейными вдохновителями реформы.

В 1856 году молодой Лев Николаевич ещё грезит (вслед за Нехлюдовым, персонажем своей повести «Утро помещика») о будущем унаследованной им в 1847г. Ясной Поляны как фермерского хозяйства, в котором сам он будет только хозяином земли и защитником крестьян-нанимателей (ибо для него важно не допустить «демократии» - равенства с низшим малообразованным классом людей) (5, 241-243).

В духе этих же представлений о фермерстве были составлены и «Предложения крепостным мужикам сельца Ясной Поляны...». Они не только подчёркнуто демократичны по стилю, но и содержат обороты речи, намекающие на неуверенность помещика, его желание уступить часть инициативы крестьянам: «...подумайте об этом деле <...> придите, скажите мне <...> научите меня, я поправлю и переменю» (Там же. С. 244). Если помнить, что «Предложения...» готовились для устного выступления помещика перед своими крепостными, то легко понять, почему, озвученные Толстым в таком виде, они были решительно крестьянами отвергнуты.

На дальнейшую эволюцию взглядов Л.Н. Толстого по анализируемой проблеме влияли, с одной стороны, противоречия и непоследовательность, длительность и мучительность (для крестьян) вхождения России в капитализм, а с другой – кризис, наступивший в 1874-1882гг. в мировоззрении писателя, связанный с обретением им религиозной веры.

Две основные работы Толстого, дающие представление о воззрениях писателя на проблему земельной собственности в 80-90-е гг. XIX века – это «Так что же нам делать?» и «Рабство нашего времени». В первой из работ Л.Н. Толстой подводит итог имперским реформам в аграрном секторе так: «У мужика не хватало хлеба, чтобы кормиться, а у помещика была

земля и запасы хлеба, и потому мужик остался тем же рабом»³¹⁹. Такое положение тружеников и кормильцев городских дармоедов публицист сравнивает с положением сапожника без шила или рыбака «на суше и без снастей»³²⁰. Всё безумие современной ему эпохи Толстой видит в том, что такое положение оправдано наукой, признавшей «право одного человека на землю, которую кормится другой»³²¹.

В связи с этим Толстой и вводит в свой трактат тему «рабства нашего времени» (развитую позднее в одноимённой статье), которое «производится насильем солдатства, присвоением земли и взысканием денег»³²².

Соответственно, борьба с этим «рабством» должна заключаться для каждого в том, что человек «не будет пользоваться чужим трудом ни посредством владения землёю, ни посредством службы правительству, ни посредством денег»³²³.

Статья «Рабство нашего времени» отличается глубиной осмысления Толстым земельного и рабочего вопросов в свете его критики западной цивилизации и капитализма как таковых. «Бедственность положения фабричного и вообще городского рабочего не в том, что он долго работает и мало получает, - убеждён публицист, - а в том, что он лишён естественных условий жизни среди природы, лишён свободы и принуждён к подневольному, чужому и однообразному труду»³²⁴.

Возвращаясь к идеям слова «Так что же нам делать?», Л.Н. Толстой напоминает исторический факт: земельная собственность берёт своё начало во времена завоеваний, и получали её не труженики, а завоеватели и их слуги³²⁵. Современные крупные собственники – прямое наследие далёкой эпохи грабежей и захватов, да

³¹⁹ Толстой Л.Н. Так что же нам делать? / В кн.: Толстой Л.Н. Не могу молчать. – М., 1985. – С. 195.

³²⁰ Там же. – С. 165.

³²¹ Там же. – С. 167.

³²² Там же. – С. 207. (Выделение наше. – Р.А.)

³²³ Там же. – С. 207-208.

³²⁴ Там же. – С. 376-377.

³²⁵ Там же. – С. 393.

и смысла их существования не изменился: земля отнимается, вместе со всеми её плодами, у истинных её тружеников и передаётся неработающим, «право» которых задним числом подтверждается и обеспечивается государственными «узаконениями»³²⁶. Только богачи и правительственные чиновники достаточно безнравственны, чтобы «отнять у кормящегося своей работой земледельца выращенный им урожай», необходимые ему орудия труда, а у детей его – молочную корову³²⁷.

В интересах полноты характеристики и правильности осмысления взглядов Толстого по аграрному вопросу в последнее десятилетие его жизни полезно вспомнить его знаменитое Николаю II Романову, написанное в январе 1902г. в Крыму, во время тяжелейшей болезни писателя. Перед лицом ожидаемой смерти отступили сословные различия, и старец обращается к молодому царю как к «любезному брату» в едином Боге.

В письме чётко прослеживаются три антитезы:

1. «Прежнее состояние России» противопоставляется новому положению дел, при котором былое уважение к царю утрачено, растёт безверие и сектантство, а земельная собственность может восприниматься как «столь же вопиющая и очевидная несправедливость, какою было крепостное право 50 лет назад».
2. Западная Европа с её фабриками и заводами противопоставляется России, «где огромная часть населения живёт на земле и находится в полной зависимости от крупных землевладельцев».
3. Третья антитеза письма логично вытекает из второй: если в Европе «освобождение рабочих» означает переход в общее пользование фабрик и заводов, то для России это – «признание земли общим достоянием»³²⁸.

³²⁶ Там же. – С. 392-396.

³²⁷ Там же. – С. 405.

³²⁸ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20т. Т. 18.- М., 1965. – С. 294-295.

Царя Л.Н. Толстой призывает ликвидировать право частной собственности на землю, дабы обуздать «сверху» «всё то социалистическое и революционное раздражение, которое теперь разгорается среди рабочих и грозит величайшей опасностью и народу и правительству»³²⁹.

Эти идеи и эти призывы с разными дополнениями и вариациями повторены и в статьях Л.Н. Толстого по земельному вопросу. Например, в статье «К рабочему народу» социализм уподоблен ростовщичеству, когда нуждающемуся необходимое даётся лишь с принудительной «нагрузкой» в виде ненужного: такова, по мысли Толстого, продукция фабрик, не нужная хлебопашцу и только развращающая его: «Так и социалисты, рабочим <...> предлагают, отстав от земли, заняться овладением фабрик, <...> а потом уже, когда эти рабочие выучатся хорошо и быстро работать зеркала, ленты, но сделаются неспособными работать на земле, завладеть и землёю»³³⁰. Борцов за права рабочих, признающих насилие методом борьбы, а социализм – её целью, Толстой сравнивает с человеком, тянущим за связывающие его верёвки и этим лишь затягивающим узлы³³¹.

Эпиграф к статье – традиционный для Л. Н-ча, евангельский: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. VIII, 32). Истина же в том, что «рабочие люди» (крестьяне и фабричные) должны избавиться от общей со своими поработителями черты поведения, склонности жить не по-Божьи, заботиться о том, «как бы, пользуясь нуждою ближнего, устроить своё благосостояние»³³². При этом почему-то рабочие наивно ждут решения земельного вопроса от правительственных людей, достигших в подобных

³²⁹ Там же. С. 295-296.

³³⁰ Толстовский листок. Толстой и о Толстом. Выпуск третий. М., 1993. С. 98.

³³¹ Там же. С. 97.

³³² Там же. С. 107.

стремлениях наибольших успехов и, разумеется, желающих продолжать привычный им дармоедский *modus Vivendi* и не могущих поэтому допустить освобождения земли от права собственности³³³.

Истинный же выход видится Л.Н. Толстому в том, чтобы сами рабочие, поняв несовместимость земельной собственности с требованиями религиозного сознания и нравственности, не участвовали бы в её поддержании «ни в виде солдат, отнимающих землю у рабочих, ни в виде работников на помещичьих землях, ни в виде её наёмщиков»³³⁴.

О том, как это сделать возможным, Толстой писал в 1901г. в статье «Единственное средство». Положение рабочих здесь сравнивается с положением народа во время известной Ходынской трагедии, где в давке многие «лезли вперёд, не обращая внимания на других, толкали и давили их»³³⁵. «Рабочие замучены, раздавлены, обращены в рабство потому, - резюмирует публицист, - что из-за ничтожных выгод они сами губят жизни свои и своих братьев»³³⁶. Разве фабриканты, землевладельцы виноваты в этом? Рабочим надо обрести подлинную веру в Бога и закон Его о делании другим того, что хочешь, чтобы тебе делали, а исполняя его – **«религиозно воздерживаться»** от участия в военной, полицейской службе, от найма к землевладельцам и фабрикантам³³⁷. Только это одно средство может уничтожить все выгоды эксплуататорской «верхушки» и реально освободить твёрдых в вере рабочих³³⁸.

Здесь самое время заострить внимание на вопросе: против *какой* земельной собственности была направлена проповедническая риторика Л.Н. Толстого? Так ли радикален он в своих работах по земельному вопросу,

³³³ Там же. С. 100.

³³⁴ Там же. С. 101-102.

³³⁵ Там же. Выпуск десятый. С. 198.

³³⁶ Там же.

³³⁷ Там же. С. 198, 204. (Выделение наше. – Р.А.)

³³⁸ Там же. С. 205.

как можно предположить из анализа его «максимальной», имеющей религиозный фундамент, программы? Ведь общеизвестно, например отрицание Толстым государства как субъекта насильнических действий в пользу общественного меньшинства, или критика «права», исполнение норм которого обеспечивается теми же насильническими действиями со стороны «уполномоченных» государством лиц. Понятно, что такое отрицание насилия не делает Толстого анархистом или правовым нигилистом: он отрицает не сами идеи, некогда своевременные и прогрессивные, но только их недопустимые извращения. Во всём хороша разумная мера. Толстой признавал, что сельское хозяйство России нуждается в модернизации. Европейская цивилизация услужливо предлагала для осуществления этой цели идею частных земледельческих хозяйств. Был ли Толстой безоговорочным её противником?

Думается, здесь очень актуальны и уместны уже цитировавшиеся нами выше дневниковые записи Л. Н-ча. В Дневнике от 1870г. писатель зафиксировал мысль о том, что значение Петровских реформ и эпохи Петра Великого – не в «приобщении» России к европейской цивилизации, а в открытии пути к её **орудиям**. По этому пути может и должно двигаться освобождённое от крепостного состояния крестьянство: перенимать не цивилизацию, «а только её орудия, для развития своей цивилизации»³³⁹. Задача тружеников – суметь «применить все успехи техники так, чтобы не губить жизней своих братьев»³⁴⁰.

А в Дневнике Толстого от 1905г. мы находим великолепное по точности образа и актуальности сравнение цивилизации с «ростом человечества», при котором может случиться то же, что бывает при росте дерева, когда один чрезмерно разросшийся сук «поглощает всю силу роста» (55, 145). Таково, с точки

³³⁹ Толстой Л.Н. Записные книжки. М., 2000. С. 57.

³⁴⁰ Его же. Рабство нашего времени / В кн.: Толстой Л.Н. Не могу молчать. М., 1985. С. 386-387.

зрения опытного садовода-Толстого, и значение важного «оплота цивилизации» - *крупной* земельной собственности, кормящей обитателей городов: банкиров, фабрикантов, воров, торговцев, жуликов, политиков, интеллигентов и т.п. И эта собственность, и эти города с их качающимися от ветра небоскрёбами, дурным воздухом, нарочно подделанной и ненатуральной пищей – всё это только слишком разросшиеся сучья: не опишишь, так и не жди плодов с яблочного древа цивилизации...

Как же поступить с землёю, чтобы плоды были, и хватило их всем? Мы склонны согласиться с мнением Г.И. Щетининой, подчеркнувшей, что Л.Н. Толстой, имея в виду ближайшее будущее страны, отрицал «помещичью собственность на землю, в основе которой лежала эксплуатация крестьян», а не крестьянскую собственность «на землю, обрабатываемую личным и семейным трудом»³⁴¹. Добавим лишь и подчеркнём, что неприемлемым для будущего страны Л. Н-ч полагал не только наследие русского сословно-крепостнического строя, но и крупное (фермерское) землевладение западного образца, и пытался предложить иной, альтернативный, но учитывающий именно российскую специфику, путь.

Особенно ярко свидетельствует о позиции Л.Н. Толстого как сторонника мелкой трудовой собственности его многолетняя деятельность, направленная на пропаганду проекта американского экономиста Генри Джорджа о «едином налоге» на земельные владения: его реализация без частной собственности и государства была бы просто немислимой.

«Все мы – земные животные, - пишет Генри Джордж, - самые наши тела берутся из земли и снова в

³⁴¹ Щетинина Г.И. Л.Н. Толстой как социальный реформатор. М., 1995. С. 20.

неё возвращаются»³⁴². По этой причине каждый, кто заявляет право собственности на землю, заявляет тем самым и *право на **рабов***³⁴³. Как и для Л.Н. Толстого, для Г. Джорджа земельный вопрос – это «вопрос о том, должно ли современное общество, избавившись от феодализма, принять промышленную организацию, более бессердечную и безнадёжную, чем феодализм»³⁴⁴.

Разрешение земельного вопроса видится обоим публицистам «великой общественной задачей, стоящей перед цивилизацией»³⁴⁵. В статье «Не укради» Генри Джордж признаёт «священным <...> то право собственности, <...> которое делает моим всё то, что я произвожу»³⁴⁶. И тут же задаёт риторический вопрос, вполне в духе трактата Л.Н. Толстого «Так что же нам делать?»: «...Где же тот человек, который произвёл землю и сделался через это её собственником?»³⁴⁷. Для сравнения здесь уместно вспомнить второе из серии знаменитых писем Л.Н. Толстого П.А. Столыпину, где Л.Н-ч выражает своё согласие и с Джорджем, и со Столыпиным: «...Установление Единого Налога <...> не противоречит <...> свойству людей владеть собственностью, <...> потому что не «священное», как любят говорить (священно одно только божественное), а истинное законное право собственности есть только одно: право собственности на произведения своего труда» (78, 44).

Генри Джордж предлагает ввести единый налог с ценности обладаемой конкретным собственником земли, с тем чтобы собственник, не пользующийся землёю, счёл более выгодным «передать её в руки людей, которые желают ею пользоваться»³⁴⁸. Собранный рента «будет

³⁴² Джордж, Генри. Земля для народа. Издание «Посредника», № 601. М., 1917. С. 3.

³⁴³ Его же. Земельный вопрос, его сущность и его единственное решение. Издание «Посредника», № 684. М., 1907. С. 23.

³⁴⁴ Там же. С. 16.

³⁴⁵ Там же. С. 17.

³⁴⁶ Его же. Не укради. Издание «Посредника», М., Б.г. С. 9-10.

³⁴⁷ Там же. С. 10

³⁴⁸ Его же. Земля для народа. Изд. «Посредника», № 601. М., 1917. С. 8-10.

поступать не в собственность частных лиц, а в общую казну на пользу всего общества»³⁴⁹.

Толстой познакомился с теорией Г. Джорджа ещё зимой 1885г., в период работы над словом «Так что же нам делать?». Уже тогда, оценивая возможность и значение применения теории Джорджа в России, он ставил введение единого налога, по его значению для судеб крестьянства, в один ряд с ликвидацией крепостничества (83, 480). По прочтении работ Джорджа «Прогресс и бедность» и «Общественные задачи», Толстой пришёл к выводу, что решение в России проблемы собственности на землю «по Джорджу» есть первый шаг на пути к *высшим* целям совершенствования жизни трудящихся (Там же. С. 481).

Подобно иным темам – антивоенной, антицерковной и пр. – земельный вопрос и «единый налог» Джорджа стали предметами постоянных публицистических выступлений (статей, писем) Толстого в 1890-е и, в особенности, в 1910-е годы. Причина такого повышения актуальности вопроса именно в 1910-е гг. ясна: в России началась революция, по отношению к ходу, результатам и значению которой у Толстого имелись особые надежды. Обращая читательское внимание как на положение европейского пролетариата, так и на положение зависимых от лидеров западной цивилизации стран-колоний, писатель делает в 1906г. вывод, что, пойдя путём Запада, поднявшийся на революцию русский народ окажется в будущем «в безвыходном положении зависимости от чужих трудов» вкупе с необходимостью «бороться с западными народами промышленной и торговой борьбой с полной уверенностью быть побеждёнными» (36, 333). И тогда стать руководителем человечества в «деле освобождения от подмены божеской власти

³⁴⁹ Там же. С. 10.

властью человеческой» доведётся уже не русскому, а какому-то другому, «более счастливому восточному народу». И ключевым, судьбоносным шагом на пути к этому положению Толстой справедливо полагал то или иное решение в России вопроса о земле, о собственности на землю. Вот почему он предлагал концепцию Джорджа в качестве ненасильственной альтернативы деятельности как революционного лагеря, так и столыпинского правительства, одинаково ориентированных на «опыт» капиталистического Запада.

(.....)

В статье «К рабочему народу» (1902) писатель выразил уверенность в том, что «единый налог» будет введён русским правительством вследствие ненасильственного сопротивления рабочих³⁵⁰. Описывая формы борьбы (такие как отказ от работы на землевладельцев в пользу свободных ремёсел, сознательные аскетические самоограничения, переезд на свободные земли), Толстой сознательно прибегает к повторению зачина: «Живут же миллионы людей <...> не нуждаясь...», как бы приглашая читателей лишь присоединиться к делу, в которое *уже вовлечены* сотни тысяч крестьян³⁵¹.

Статья Л.Н. Толстого «Великий грех» (1905) – замечательный образец соединения под пером великого писателя и мыслителя художественного и публицистического начал.

Уже в начале статьи обращает на себя внимание художественный приём «зарисовок с натуры», по свежим впечатлениям от увиденного, которыми Толстой предваряет популярное изложение идей Генри Джорджа. Писатель, идя излюбленным маршрутом по большой дороге на Тулу, встречает идущих *в город* (то есть несчастных, неблагополучных) крестьян, голодных,

³⁵⁰ Толстовский листок. Толстой и о Толстом. Выпуск третий. М., 1993. С. 102-103.

³⁵¹ Там же. С. 104.

обносившихся и более похожих на нищих. Кому-то нужно продать ставшую за малоземельем ненужной в хозяйстве лошадь; кому-то приходится расставаться и с коровой; мать предлагает «барину» взять у неё в «услужение» ребёнка, которого ей не прокормить³⁵². У всех – одна причина их бедствий: «...Хлеба не хватает, а хлеба не хватает, оттого что земли нет»³⁵³. И повсюду в народе ходит слух, что земля вскоре «отойдёт» трудящимся на ней, ибо, как образно и точно формулирует Толстой, «народ <...> не может продолжать существовать, когда ему оставлена только малая часть земли, которой он должен кормить себя и всех паразитов, присосавшихся к нему и распложающихся на нём»³⁵⁴.

Решение земельного вопроса «по Г. Джорджу», заявляет Толстой, есть наилучшая возможность для России, потому что «при существующем государственном строе и обязательных податях невозможно придумать какого-либо другого лучшего, более справедливого, практического и мирного решения»³⁵⁵.

Революционное дело освобождения земли от собственности Толстой, вслед за Генри Джорджем, сравнивает с родами, с рождением новой жизни: «Земля вспахана, семя брошено, вырастет доброе дерево»³⁵⁶. Видимо, такое дерево русской и христианской цивилизации, на котором все «сучья» будут отрастать в безопасной и природосообразной пропорции!

Великий мыслитель выражает уверенность в том, что «русский народ не опролетариться должен, подражая народам Европы и Америки, а, напротив, разрешит у себя земельный вопрос упразднением земельной собственности и укажет другим народам путь разумной, свободной и счастливой жизни вне

³⁵² Там же. Выпуск десятый. М. - СПб., 1997. С. 216-217.

³⁵³ Там же. С. 216.

³⁵⁴ Там же. С. 217.

³⁵⁵ Там же. С. 227.

³⁵⁶ Там же.

промышленного, фабричного, капиталистического насилия и рабства, что в этом его великое историческое призвание»³⁵⁷.

Именно мирный, ненасильственный характер предлагавшихся Генри Джорджем реформ был особенно привлекательным для Толстого. Его Толстой-публицист подчёркивает в своих популярных изложениях теории Джорджа, таких как «Письмо крестьянину о земле» (1905) и «Единственное возможное решение земельного вопроса» (1906). «Письмо...» представляет собой упрощённое изложение идей проанализированной нами выше статьи «Великий грех» и построено по аналогичной структуре:

1. Основные идеи проекта Джорджа.

2. Экономические «выгоды» от устройства земледельческих хозяйств в России «по Джорджу».

3. Улучшения в образе жизни и нравственная польза от претворения в жизнь проекта Джорджа (90, 75-76).

Пожалуй, эталонной по красоте, ясности изложения мыслей, сжатости и, вместе с тем, идейной полноте следует признать статью с красноречивым заголовком «Единственное возможное решение земельного вопроса» Всего четыре небольшие, почти равные по объёму, главы. Первая из них повторяет основные тезисы прежних работ Л.Н. Толстого по земельному вопросу. Во второй главе изложены «основания» теории Джорджа. Глава третья перечисляет положительные последствия реализации теории. Наконец, четвёртая глава – это практические предложения Л.Н. Толстого по постепенному переходу на единый налог, с целью не допустить «великих волнений» (36, 283-289).

Мирный, ненасильственный и постепенный характер перехода на единый налог, по мысли Толстого, свидетельствовал бы о том, что русский народ достиг своего «совершеннолетия» и «может думать своим умом и поступать сообразно со своими условиями и

³⁵⁷ Там же.

свойствами», не подражая европейцам (Там же. - С. 289).

(.....)

К 1907-1909гг. принадлежит печально знаменитая переписка Л.Н. Толстого с П.А. Столыпиным (одно из писем Толстого к Столыпину мы уже цитировали выше).

20 июля 1906г. Толстой в частном разговоре посетовал: «Столыпин по западному рецепту собирает либеральное министерство. Хочет в семь месяцев ввести либеральные реформы, чтобы будущей Думе не осталось иного, как поддерживать правительство. За это время могли бы ввести единый налог. Удивляюсь, почему правительство не делает этот удачный ход»³⁵⁸.

А удивляться-то тут вроде бы и нечему. И навряд ли люди Столыпина оценивали реализацию проекта Генри Джорджа как «удачный ход», а не как способ коллективного карьерного самоубийства... Можно с уверенностью утверждать, что, сколь чужды и неприемлемы замечания и предложения Л.Н. Толстого молодым реформаторам прозападной ориентации в наши дни, столь же «неудобоваримы» они были в указанные годы для сознания Столыпина, для его единомышленников и для тех весьма не бедных и не мелких собственников земли, интересы которых они обслуживали. Например, заявление о том, что «земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею» (77, 165), прозвучавшее в первом из трёх писем Толстого премьер-министру, не могло быть принято всерьёз ни царём, ни самим Столыпиным с его верой в приемлемость и желательность для России торного западного пути к крупной земельной собственности, тяжёлой индустрии и массовой урбанизации.

Историческими фактами, однако, стали те жестокости и вовсе не западное, не демократическое отношение к человеческим жизням и те неуважение и недоверие к народу (характерные скорее для

³⁵⁸ Маковицкий Д.П. Указ. соч. – Кн. 2. – С. 180.

полицейской империи), которые проявило столыпинское правительство, «усмиряя» крестьян, добивавшихся «справедливого передела» земель. По закону 1906г. о военно-полевых судах за последующие три года было казнено 2,5 тысячи человек – в пять раз больше, чем за 40 лет после судебной реформы 1864г.; 23 тысячи человек были отправлены на каторгу, 39 тысяч – сослано³⁵⁹. Так что Л.Н. Толстой вряд ли преувеличивал зло или недооценивал положительное значение столыпинского курса, когда в первой редакции статьи «Не могу молчать» назвал Петра Столыпина и Николая Романова «палачами» (37, 393).

Ещё до написания названной статьи, в январе 1908г., Толстой пишет Столыпину второе письмо, в котором жестокие средства борьбы со злом народных возмущений вкупе с разрушением общинности называет «двумя ошибками» Столыпина (78, 41). Здесь же – цитированное нами выше соображение Л. Н-ча о системе единого налога, с которой он рекомендовал лучше ознакомиться и предлагал в этом свою помощь. Он отправил Столыпину книгу Джорджа «Общественные задачи» и свою брошюру «Письмо крестьянину о земле».

На первое письмо Толстого от Столыпина пришёл ответ-подтверждение уверенности в необходимости, незыблемости и обоснованности проводимой им внутренней политики; предложения второго письма он оставил без ответа. Ответ Столыпина и второе, вызванное им, письмо Толстого, позволяют, на наш взгляд, сделать вывод, что Столыпин и Толстой были и остаются не столько непримиримыми оппонентами, сколько не понимающими друг друга союзниками в деле консервативно-охранительного ответа на исторический вызов, брошенный России западным социализмом и внутренним революционным брожением. Со стороны Толстого непримиримость была вызвана не целями, но *методами* реформаторства Столыпина: насилием, доходящим до кровопролития и казней, обманами и

³⁵⁹ Лурье Я.С. Лев Толстой и Петр Столыпин. – Звезда. 1993. №1. С. 170.

унижением простых тружеников, пренебрежением к их мнению в угоду реализации теоретических реформаторских доктрин. Уничтожение общин писатель признавал непоправимым злом. Столыпин же, как было сказано, помимо личных убеждений, разделяемых им с его молодым поколением рубежа столетий, имел и некоторые обязательства перед более влиятельными в империи людьми, нежели он сам.

В третьем письме (август 1909г.) Толстой предсказывает Столыпину скорую гибель от руки убийцы и советует подумать о своей душе, которую реформатор «губит» (80, 80-81). Это письмо Толстой не закончил и не отослал, вспомнив, вероятно, что и предыдущие два никакого результата не дали.

30 августа 1909г. Д.П. Маковицкий зафиксировал замечание Толстого о том, что «ему (Толстому. – Р.А.) непонятно, как можно серьёзно обращаться к царю, к Столыпину, их слушаться». Видимо, с этого дня надежды писателя и публициста были обращены уже не к правительству, а к народу, и не к беспокойным, суетным годам «первой Российской революции», а к будущему, когда его слово, быть может, прорастет в умах и сердцах семенем новой жизни – к будущей истинной, ненасильственной и религиозной Русской революции, до которой он уже не чаял дожить...

Таким образом, программа ближайших мер по аграрному вопросу, предлагавшаяся Л.Н. Толстым, встретила, несмотря на народное понимание и одобрение, огромное недоверие со стороны власти. Нам осталось рассмотреть на предмет «осуществимости» предложения публициста, рассчитанные на некоторую отдалённую перспективу и неотделимые от пропагандировавшегося им идеала безгосударственной общинной жизни.

Развитие капитализма в России не успело разрушить к 1905г. крестьянскую общину, которая в XX веке ещё

прочнее срослась с государственностью, реализовавшись в форме могучего «государства-общины», сохранившего в индустриальном обществе элементы «общинной структурированности»³⁶⁰. Ещё дальше от «толстовского сценария» находятся большевистские эксперименты в сферах религии, традиционной семьи и организации сельского труда. Их провал, констатирует Н.Л. Мальцева, свидетельствует об «имманентности общинности человечеству»³⁶¹.

Опыт XX века подтвердил, что даже самое демократическое государственное устройство «не способно в принципе создать благоприятные условия для жизни всех индивидов в силу доминирующего принципа регуляции» (т.е. насилия. – Р.А.)³⁶². Н.Л. Мальцева выражает уверенность в том, что именно община «как развитая, высокодифференцированная форма социальной организации» должна прийти на смену государству в обществе будущего³⁶³.

Однако хорошо известные и самому Л.Н. Толстому настроения крестьян в пореформенные десятилетия, и в особенности в годы первой российской революции, свидетельствовали об утрате у крестьянства доверия к известным им формам общинного жизнеустройства. Это делало столь желанный писателю переход к совместной обработке земли соседями-общинниками задачей не самого ближнего будущего. Так, например, гостивший у Толстого и переписывавшийся с ним крестьянин с. Боровково Лаптевской волости Тульского уезда Тульской губернии Михаил Новиков (1870-1937), эмоционально защищая деятельность погибшего П.А. Столыпина, писал в воспоминаниях, что говорить о сохранении общины с её уравниловкой и переделами земли «можно было 50 лет назад, при отмене крепостного права и наделении землёю без выкупа <...>, но после 50 лет выкупа, выплачиваемого с таким трудом и лишениями

³⁶⁰ Мальцева Н.Л. Человек и человечество: на пути к устойчивому развитию. С. 71-72, 141-143.

³⁶¹ Там же. С. 142.

³⁶² Там же. С. 130.

³⁶³ Там же. С. 144.

<...>, говорить об этом можно только перед святыми людьми...»³⁶⁴. В «Открытом письме» от 9 февраля 1929г. пожилой уже Новиков предаёт анафеме сталинскую политику коллективизации, создающую «рай для батрачков-дурачков» в который духовно свободные люди не пойдут, «как не могут вообще ходить люди на четвереньках». Он констатирует, что «ни у кого из правоверных марксистов не хватает совести утверждать, что русский полунищий народ нуждается в социализме. Он нуждался и мечтал только о мелкой земельно-трудовой собственности и ни о чём другом и не мог мечтать после крепостного права»³⁶⁵.

Таково мнение известного «толстовца», с которым не мог не считаться и сам Л.Н. Толстой, осудивший, как известно, увлечение в России западными социалистическими теориями в своей последней крупной статье «О социализме» (1910).

Таким образом, тенденции к решению земельного вопроса в пользу мелкой трудовой крестьянской собственности наметились не только в экономической жизни страны, но и в сознании самого крестьянства начиная с 1861 года, уничтожившего для них крепостное состояние, но не решившего вопрос об основном для них средстве производства – земле. К 1905 году они развились и нашли выражение в движении масс, в думской борьбе либерально-монархического «крыла» и «трудовиков». Последние, как известно, выступали с теми же требованиями по аграрному вопросу, что и Толстой, выдвигая, в частности, идею «единого налога» на землю.

Толстой, однако, был исключительно оригинален, когда связывал с реализацией русским правительством проекта Джорджа надежды на исполнение Россией своего всемирного революционно-освободительного

³⁶⁴ Новиков М.П. Из пережитого. М., 2004. С. 210.

³⁶⁵ Там же. С. 512.

призвания, своей религиозно-миротворческой миссии по отношению к рабочим и их эксплуататорам в Европе и Америке, на то, что в XX веке Россия станет во главе прогрессивного движения человечества к Царствию Божию на земле. Разрешение земельного вопроса, освобождение земли от власти собственников представлялось Л.Н. Толстому огромной важности первым шагом к торжеству замысла Божия о разумном человеке, шагом, могущим если не остановить неизбежный во всём христианском мире революционный переворот, то сделать его победоносным – мирным и ненасильственным.

(.....)

Публицистика Л.Н. Толстого периода 1880-1900гг. по аграрному вопросу была в целом направлена на критику несправедливого распределения земли как средства производства и пропаганду мирного и справедливого перераспределения земельных фондов в пользу мелких частных владельцев. Предполагалось сохранить лучшие традиции общинной жизни, обеспечив им прочный религиозно-нравственный фундамент в массовом сознании. В перспективе, вероятно, это могло привести к изживанию собственнической психологии и ликвидации (столь желанной Толстому) частных владений в России, а следом, по благому её примеру, и в странах Европы. Никаких временных рамок для этих процессов Толстой не устанавливает, лишь высказывая надежду на скорое и повсеместное «освобождение земли от собственности». Какова может быть эта скорость в разных странах и с разными условиями хозяйствования? Толстой и не претендовал на знание этого, настаивая только на применимости теории единого налога Генри Джорджа в хорошо известных ему условиях российской деревни. Пропагандируя её, писатель и публицист адресовался к самому различному читателю, от царя, глав министерств, членов парламента, до простых крестьян,

соответствующим образом, как мы показали, изменяя свою систему аргументации, стиль, средства художественной выразительности. Широкое применение получили, к примеру, эмоционально окрашенная оценочная лексика, сравнения (богачи – паразиты, «распложаящиеся» на теле народа, «дармоеды»; крестьянин без земли – рыбак на суше, и т.п.); исторические сопоставления (крепостное «рабство» и рабство крестьянина без земли, рабочего в городе); эпитеты, выражающие авторское отношение к проблеме («противоестественность» жизни в городах, «ограбленный, обманываемый, задавленный» народ и т.п.); метафоры (свою деятельность Толстой уподобляет, как было сказано, посеву, а новую жизнь «вне капиталистического насилия и рабства» - выросшему, благодаря посеву, дереву, могущему давать добрые плоды). Ряд статей и трактатов, как мы показали, имеют сходство не только по идеям, но и по логическому порядку их подачи, по композиции. Наконец, нельзя не отметить общую для статей и трактатов Л.Н. Толстого, независимую от адресата и стиля, строгую последовательность в изложении идей и фактов, с постоянным возвращением в последующих главах к сказанному ранее, вплоть до полного исчерпания темы.

=====

Глава 5. Л.Н. Толстой о революционном преобразении России и о всемирном его значении.

*«Если мы нецивилизованные варвары,
то у нас есть будущее.
Они же – цивилизованные варвары,
и им на этом пути нет надежды.
Не подражать западным народам,
а жалеть их».*

*«Все революции
были большее и большее
осуществление закона.
Предстоящая есть осуществление
закона непротивления».*
(Л.Н.Толстой)

5.1. Крах одной старой иллюзии.

В начале 80-х годов XIX века Толстой ещё придерживался того мнения, что революционные перемены в России могут и должны быть осуществимы инициативой «сверху», а именно: деянием мудрого «христианина на троне». Однако судьба этой надежды – печальна.

1 марта 1881г. два агента Исполнительного комитета Народной воли реализовали своё постановление от 26 августа 1879г. о казни императора Александра II. Известясь об этом, Толстой, вероятно, живо вспомнил виденную им в молодости, в 1857 году, казнь в Париже, когда, после бессонной ночи, он зафиксировал в Дневнике: «Я не политический человек»³⁶⁶. Россия с той поры миновала четвертьвековую эпоху бурного реформаторства, отнюдь не вдохновившую и не политизировавшую Толстого. Именно поэтому в своей поздней публицистике он говорил об убийствах, производимых обеими

³⁶⁶ Цит. по: Бирюков П.И. Биография Л.Н. Толстого. М., 2000. Т. 1. С. 188.

сторонами – правительством и террористами – с одинаковым беспристрастием, как человек и христианин (а не «индивид» с возбуждённой гражданственностью и обострённым правосознанием). И русский царь был для Льва Николаевича человек, должный, в силу своего положения, смотреть на мир, как и он сам – с высоты Нагорной проповеди, дабы виднее было великое – народ и не заметны мелкие эгоистические интересы «верхушки».

Но, как представитель именно этой сословной «верхушки», Л.Н. Толстой остро чувствовал свою невольную причастность к готовящейся казни молодых «революционеров»³⁶⁷. В его письме сыну убитого монарха, новому императору Александру III, в числе призывов не мстить и простить, сомнительных для жизнепонимания царей рассуждений о том, что обязанности человека важнее царских, и царские должны «сойтись с ними» - помимо этих, есть и более убедительные аргументы.

Двадцать лет, пишет Толстой, мучительно реформирующееся государство вынуждено бороться с «гнездом» терроризирующих общество радикалов, «ненавидящих существующий порядок вещей и правительство»³⁶⁸. Но и спустя этот немалый срок помощники, приближенные к новому царю, не могут и не смогут посоветовать ему более действенных методов обуздания социального насилия, кроме старых двух: «или пресекать – строгость, казни, ссылки, полиция, стеснения цензуры и т.п., или либеральные потачки – свобода, умеренная мягкость мер взысканий и даже представительство – конституция, собор»³⁶⁹. Оба эти пути, подчёркивает Толстой, в создавшемся в стране кризисном положении неприменимы, губительны для народа и монархии. Но есть третий путь,

³⁶⁷ Бирюков. Указ. изд. С. 460-461.

³⁶⁸ Там же. С. 463.

³⁶⁹ Там же.

революционный и спасительный, «путь христианского исполнения воли Божией царём как человеком»³⁷⁰.

Надо помнить, что в те годы в умах православных подданных нового царя ещё жило доверие к истине христианства, пусть и поколебленное «открытиями» учёных книжников. Не меньшим было и доверие самому «Божьему помазаннику», тем более новому: традиционно «ротация кадров» активизировала слухи и надежды. Эмоциональная связь нового царя с народом могла бы только укрепиться его мудрой реакцией на кощунственное цареубийство. Была ли проявлением такой мудрости казнь преступников? Не исключено, что письмо Л.Н. Толстого, призвавшего монарха усласть шокировавших Россию злодеев на дикий «демократический» Запад, «куда-нибудь в Америку», и написать манифест со словами «а я говорю вам: любите врагов своих»³⁷¹, следует признать не столько наивной теократической утопией, сколько хитроумным советом государю: страна ведь действительно стояла на «распутье» и неизбежный для Александра III шаг «мог связать всё будущее»³⁷².

Просьба Толстого к К.П. Победоносцеву о передаче письма царю удовлетворена не была. Александр ознакомился с ним уже после казни «народовольцев». Победоносцев прочёл письмо и воротил его Н.Н. Страхову, а после казни преступников, обретя досуг, ответил Толстому краткой отповедью на его проповедь. Письма-де он не передал потому, что уверился, вкупе со всей Русью Православной, что «вера Толстого» антицерковна: «...Наш Христос – не ваш Христос. Своего я знаю Мужем силы и истины, исцеляющим расслабленных, а в вашем показались мне черты расслабленного, который сам требует исцеления»³⁷³.

³⁷⁰ Бирюков. С. 464.

³⁷¹ Там же. С. 465.

³⁷² Там же. С. 464.

³⁷³ Там же. С. 466-467. В этом ответе государственного «мужа силы» содержатся ранние признаки генезиса одного из наиболее распространённых и «живучих» мифов, сложившихся вокруг имени Толстого ещё при его жизни. Миф этот утверждает, что Лев Николаевич не *разуверился в догмах* господствующей в России церкви «православных», одной из «официальных» церквей Христианства, а – *полностью потерял христианскую веру*. Он, дескать, подменил её ересью собственного измышления, вавилонским смешением

Так правящая элита страны сделала для неё и (что традиционно!) за неё гибельный выбор в пользу «исцеления» социального недуга «силой» чудотворной троицы самодержавия, православия и народности в диком сочетании с принудительной эвтаназией тяжелобольных – духовных жертв затяжного и исполненного кричащих противоречий реформирования. Не был и не мог уже быть услышан и понят призыв великого писателя противопоставить идеалу молодых оппозиционеров, жаждущих «общего достатка, равенства, свободы», идею общенародную и христианскую, идеал прощения, ненасилия и любви, частью которого, при утверждении его идейным базисом всех преобразований, стали бы и достаток, и равенство, и подлинная свобода для всех³⁷⁴.

А Л.Н. Толстому в 1881г. пришлось получить отрезвляющее, не совместимое с монархическими иллюзиями, подтверждение истины: царь есть раб истории, его помощники, если умны – преданные её слуги, творец же истории страны – трудовой народ, не нуждающийся в медвежьих услугах сынов противления, одержимых «идеалами» реформаторства или революции «во благо народное». Все они, эти «русские европейцы», равно грешат перед народом ещё с петровских времён, и этот грех им не замолить. Толстой записал как-то в своей записной книжке: «Открыв себе путь к орудиям Европейской цивилизации, не нужно было брать цивилизацию, а только её орудия для развития своей цивилизации. Это и делает народ» (48, 123). **Народ**, но не глядящая мимо него, на Запад, и мешающая ему интеллектуальная орда самозваных «освободителей» и «реформаторов»!

Конфуция с Кантом, которое и навязал таким же безбожникам-«толстовцам» как некое «новое христианство», лжехристианство с лжехристом, бесовскую подмену традиционной русской веры. Если наш читатель увидит всю несостоятельность этой мифологии, мы будем считать выполненной одну из важнейших задач нашего исследования.

9. Там же. С. 466.

5.2. Порыв к свободе: «конец» ... и вновь начало (Толстой и политическая реальность в России 1904 – 1907гг.).

В 1904г. Л.Н. Толстой пишет предисловие к статье своего приближенного сподвижника В.Г. Черткова «О революции. Насильственная революция или христианское освобождение? (Обращение к верующим русским людям)», опубликованное вскоре за границей («Своб. слово», № 89).

Здесь очень важно определение Толстым категории «свобода» как «отсутствие стеснения», угрозы насилия. Сам публицист разъясняет это так: «Истинно свободны могут быть люди только тогда, когда они все одинаково убеждены в бесполезности, незаконности насилия и подчиняются установленным правилам не вследствие насилия или угрозы его, а вследствие разумного убеждения» (36, 152).

Таким образом, Толстой отделяет истинную свободу людей от той, которую обещают народу демагоги от революции или же реформаторы. И те, и другие не способны дать подлинную свободу трудящимся. Уплата налогов, служба в армии, частная собственность – утверждение всего этого ограждает мнимую «свободу» некоторых индивидов, притом не лучших, а для трудового люда – нарушает всякую свободу (Там же. С. 151).

Но именно народ, а не праздное меньшинство, движет историю. Толстой настаивает, что история человечества «есть всё большая и большая замена насилия разумным убеждением, которая осуществляется простыми людьми и являет собой путь к истинной свободе для всех (Там же. С. 152).

Накануне первой российской революции писатель и публицист выражает уверенность в непобедимости тех «истинных революционеров», кто не склонен примешивать дел насилия и оправдывающей их лжи к движущей миром духовной деятельности разумного

убеждения, подтверждённого примером жизни (Там же. С. 154).

30 ноября 1904г. «Московские ведомости» опубликовали резко отрицательный отзыв Толстого по поводу проводившейся с лета агитации в пользу ограничения самодержавия и введения в России представительного правления. Критика со стороны публициста с авторитетом Льва Толстого вызвала буйную полемику и ряд укоризненных писем автору. Ответом его была статья «Об общественном движении в России» (1905), сразу опубликованная в ряде зарубежных газет. Здесь Толстой в уже более чем привычных многим его читателям выражениях осуждает слепую веру либералов в благо «внешнего», реформаторского устройства народной жизни и напоминает им о том, что «истинное социальное улучшение достигается только религиозно-нравственным совершенствованием отдельных личностей» (Там же. С. 156).

Напоминая читателю о недавних событиях 9 января 1905 года в Петербурге, Толстой подчёркивает, что коренной причиной, делающей возможными такие события, было и есть не отсутствие в России представительства или конституции, а наличие власти обманщиков и насильников, именующих себя «правительством», не устранимое никакой реформой (Там же. С. 161-162).

Вряд ли прибавил авторитета Толстому, даже и в консервативном лагере, следующий его вывод из событий начавшейся в России революции:

«Нельзя делать двух дел зараз: нельзя нравственно совершенствоваться и участвовать в политических делах, вовлекающих людей в интриги, хитрости, борьбу, озлобление, доходящее до убийств» (Там же. С. 159).

Таким образом, духовно-нравственный подъём всей России, усилия религиозной работы каждого над собой, Толстой признаёт более важным, истинно революционным делом, нежели политическая,

парламентская, земская деятельность или даже вооружённое восстание.

Другим откликом Л.Н. Толстого на события российской жизни (войну с Японией и начавшуюся революцию) стала опубликованная в те годы лишь за границей интереснейшая статья «Конец века» (1905).

«Разрушение <...> русского государства, - начинает Л.Н-ч статью, - есть, по моему мнению, признак начала разрушения всей лжехристианской цивилизации. Это конец старого и начало нового века» (Там же. С. 233). Жизнь неизбежно должна устроиться на началах не государственного насилия, но разумного согласия и любви. Революция грядёт неизбежно, и основная причина её – религиозная: преодоление извращения высшего Божьего закона взаимного служения и заповеди непротивления, данной Христом для возможности осуществления этого закона (Там же. С. 240). Православно-государственное лжеучение уже не в силах привести к повиновению восставший народ, и это – первая внешняя причина революции (Там же. С. 248). Вторая причина её – противоречие истинному, живущему в народе христианству, факта обезземеливания рабочего народа (Там же. С. 250).

В отличие от прежних революций в Европе, новая русская революция, по мысли публициста, должна уничтожить всякое повиновение государственной власти, устроить жизнь людей независимо от правительства (Там же. С. 256).

Движущими силами грядущего переворота, уверен писатель, станут в основном «народные земледельческие массы». Местом великих событий будут не города, как в Европе, а – «преимущественно деревня». И вовлечены в революцию будут 80-90% всего народа, что тоже выгодно отличит её от предшествовавших «городских» переворотов.

Погубить революционное дело может, главным образом, вовлечение народа в насильническую борьбу и в рабское подражание Европе и Америке, уже идущих

по гибельному пути. Совесть должна заменить русскому революционеру конституцию (Там же. С. 258-259).

(.....)

Из текста работ Л.Н. Толстого 1882-1910гг. можно увидеть, что такое «лакомое» для городских прожектеров государственное устройство, как западная буржуазная демократия, писатель и мыслитель полагал неприемлемым для России. Как уже было сказано, причину жестокостей капиталистического наёмного рабства Толстой справедливо видел в самой сущности буржуазного образа жизни и мышления, одобряющих и форсирующих прогресс стяжательства, потребительства, роскошествования, властолюбие и пользование властью (34, 161, 166-167, 170-172). Участие обитателей государств во власти в ходе пресловутых «выборов» Толстой признаёт губящим нравственность самообманом: «Только тот, кто не верит в Бога, может верить в то, что такие же люди, как и он сам, могут устроить его жизнь так, чтобы она была лучше»³⁷⁵.

Нельзя ни самим сознательно, с какими-либо целями, делать нравственно дурное, ни делегировать эти специфические полномочия «власти», тем более – «избирать» кого-либо во власть для таких дел. Ибо «насилие властвующих учит суеверию устройства жизни насилием», и вот уже целые поколения людей, развращённых примером властной «верхушки», не борются, а потакают своим грехам честолюбия, корыстолюбия, взаимной борьбы – потакают суеверным их оправданием. Не может быть лучшего устройства общества, в том числе и вождяемого многим «народовластия», пока каждый человек каждого народа не обретёт власть «сделать нравственное усилие над самим собой»³⁷⁶. Не поработать себя страстями, «не быть ничьим господином и ничьим рабом» - всё это труднее, нежели «повторять то, что говорят все люди

³⁷⁵ Толстой Л.Н. Путь жизни. М., 1993. С. 167. (Серия «Б-ка этической мысли»).

³⁷⁶ Там же. С. 168.

одной партии, суетиться, спорить, лгать, притворяться, браниться, драться, - всё это делается само собой, для этого не нужно усилия»³⁷⁷. Всё это было у древних язычников и всё это нехорошо, стыдно сохранять и «развивать» христианам.

Делать выбор между «более пригодными» для власти людьми означает соглашаться на греховное повиновение людям нравственно худшим, любящим власть, поощрять их. «Нравственный, добродетельный государственный человек, - настаивает Толстой, - есть такое же внутреннее противоречие, как нравственная проститутка, или воздержанный пьяница, или кроткий разбойник» (36, 178). Люди, для которых вера в Бога – основание их поступков и даже помыслов, а не идеологическая надстройка на фундаменте денежного «достатка», не имеют нравственного права ни подчиняться таким людям, ни бороться с ними насилием, в том числе и революционным³⁷⁸. Им, истинно верующим людям, не нужно борьбы, суеты, разделения на партии, выборов между теми или иными авторитетами, жаждущими прогрызться наверх общественной иерархии, в положение доминирующего обманщика, стяжателя, насильника и убийцы. Они знают, что этого не нужно никому, а нужно только одно: задуматься каждому о своём отношении к жизни, к людям, и «понять, признать и проводить в жизнь мысль о том, что мы не призваны устраивать жизнь других людей насилием, неизбежно влекущим за собой убийство, и что всякое убийство, которое мы совершаем, в котором участвуем, на котором строим выгоды своей жизни, не может быть полезно ни другим, ни нам, а напротив, только увеличивает то зло, которое мы хотим исправить» (37, 53-54). Таков мерзостный финал любой «демократии», любого развратного, массового пользования насильнической властью!

³⁷⁷ Там же.

³⁷⁸ Чертков В.Г. О революции. Насильственная революция или христианское освобождение? // «Свободное слово». № 89. 1904. С. 46, 48-49.

По мнению Л.Н. Толстого и его приближенного сподвижника В.Г. Черткова, истинно религиозных людей особенно много именно в России: «добродушно-широкий нрав», терпение и выносливость, христианские традиции русского народа – всё это создаёт благоприятные условия для русской революции – общенародного мирного христианского неповиновения³⁷⁹. Конкретными способами его Л.Н. Толстой считает отказ христианина от государственных должностей, жалований и пенсий и отказ от ограбления государственным насилием своих жизни и собственности, включая земельную.

Л.Н. Толстой и В.Г. Чертков едины в своём недоверии пресловутой «революционной традиции» Запада: «революция 14 декабря», напоминает Чертков, привела к «грубому, глупому» царствованию Николая I, «взрывы и убийства семидесятых годов, кончившиеся первым Марта» - усилили и «озверили» правительство³⁸⁰. И если даже оппозиция, поддержанная крестьянством и рабочими, одержит свою революционную победу, то, по убеждению Л.Н. Толстого, это приведёт лишь к восстановлению «рабства в его первобытной форме», с налоговым ограблением трудящихся и принудительным трудом на благо победителей³⁸¹. Моральные и материальные тяготы жизни – не повод для доверия городской интеллигенции, нахватавшейся социалистических идей от «европейских интеллигентов-паразитов» (36, 471-472). Образованных горожан России Толстой неоднократно призывал поселиться с народом, в деревне, *учиться у него* мирной, автономной по отношению к правительству, жизни, помогая ему как физическим трудом, так и «книжными знаниями» (Там же. С. 261).

³⁷⁹ Там же. С. 34. (Сравн.: 36, 336-338). Довод, по меньшей мере, уязвимый: не вполне ясно, почему сочетание традиционного православного обрядоверия и привычки *терпеть* с «широтой нрава» благоприятны именно для *мирного* освобождения трудящихся, а не для более вероятного беспощадного взрыва насилия, кровопролития, сочетающего дурные «традиции» русских бунтов и европейских революций?

³⁸⁰ Предисловие Л.Н. Толстого (письмо В.Г. Черткову) // Чертков В.Г. Указ. соч. С. IV.

³⁸¹ Толстой Л.Н. Не могу молчать. М., 1985. С. 397.

Людей царского правительства надо лишь искренне пожалеть, - подчёркивал В.Г. Чертков, - а сердиться народу надо на себя – за повиновение и потачки власти³⁸². «Мы же знаем, - добавляет автор, - что только потому образовалось и продолжает существовать правительство, что нет ещё в народе ни свободы, ни братства, ни просвещения»³⁸³.

Как мы показали в предыдущей главе, Л.Н. Толстой, задавшись целью помочь правительству в мирном переустройстве жизни, предлагал царскому правительству как раз содействовать религиозной свободе, единению и просвещению народов России. На это направлены высказанные им (в 1898г. в статье «Голод или не голод?» и в 1901г. в публицистическом слове к «Царю и его помощникам») предложения властям обеспечить свободу вероисповедания и равный доступ граждан к образованию, воспитанию и преподаванию в частных школах³⁸⁴.

26 марта 1901г. обращение к «Царю и его помощникам» автор отправил по адресу – Николаю II, великим князьям и министрам, которых считал своими «невольными единомышленниками» в противостоянии революционерам. Но только эти последние и отреагировали на голос из Ясной Поляны, и специфически: они начали нелегальное тиражирование текста обращения, восприняв его как одобрительную реакцию Толстого на спровоцированные ими беспорядки в университетах в 1900г., и неодобрительную – на действия правительства, которому пришлось отдать зачинщиков в солдаты. Таким образом, программы Толстого 1898 и 1901г. были либо проигнорированы настоящими их адресатами, либо восприняты как программы революционно-деструктивные, антиправительственные.

Независимо от восприятия толстовских предложений современниками, рассмотрим их

³⁸² Чертков В.Г. Указ. соч. С. 50-51.

³⁸³ Там же. С. 46.

³⁸⁴ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22т. Т. 17. С. 187, 196.

принципиальную реалистичность на примере хорошо известной толстовской анархической «программы-максимум». Путь к освобождению власть имущих от их не слишком праведных трудов лежит через невероятно тяжёлое для большинства людей преодоление психологической и интеллектуальной зависимости от государства. Не был ли Лев Николаевич сам жертвой романтического суеверия, когда считал возможным посредством воспитания и христианского единения улучшить жизнь целых народов?

Во всяком случае, не все современные авторы отрицают ключевую идею, кредо писателя и публициста: «государство – учреждение временное и должно исчезнуть»³⁸⁵. «Поскольку развитие человечества – это не только эволюция государств, но и эволюция человека, - пишет Н.А. Мальцева, - в этом сопряжённом процессе наступает момент, когда насилие <...> себя исчерпывает – у общества нет необходимости в таком типе регуляции, ибо исчерпывает себя и государство как тип его структурированности»³⁸⁶. Поэтому, есть допускать, как Л.Н. Толстой, что названную эволюцию человека можно целенаправить и форсировать средствами просвещения и воспитания, то следует считать возможной и ситуацию, в которой «обновлённые» люди, посредством проповедования³⁸⁷ и собственного примера невыполнения христиански безнравственных гражданских обязанностей, оздоровят постепенно человеческое общество, следствием чего станет уничтожение государств и торжество высшего, всемирно-божеского, жизнепонимания, нашедшим своё (пока самое яркое) выражение в христианстве. «Пусть человеческие общества сделаются чистыми и здоровыми духовном отношении, - пишет Толстой, - и питающиеся на них паразиты церкви и государства пропадут сами

³⁸⁵ Путь жизни. Указ изд. С. 221.

³⁸⁶ Мальцева Н.Л. Человек и человечество: на пути к устойчивому развитию. Волгоград, 1996. С. 69.

³⁸⁷ Чертков В.Г. Указ. соч. С. 52.

собой, как пропадают насекомые на чистом и здоровом теле»³⁸⁸.

Революция тем временем уже шла, и на фоне всего, что творилось в России, жалкими выглядели и запоздалые теоретизирования Толстого, и его чуть слышные филиппики к массам, призывавшие перейти к непонятному «героическому непротивлению». К таковым, увы, следует отнести вышедшую в свет в Петербурге в конце 1906г. брошюру, содержащую новое страстное слово Л.Н. Толстого «К русским людям. К правительству, революционерам и народу». Обращаясь к правительственным людям, Л.Н. Толстой предупреждает их: «... Вам не устоять против революции с вашим знаменем самодержавия, хотя бы и с конституционными поправками, и извращённого христианства, называемого православием, хотя бы и с патриархатом и всякого рода мистическими толкованиями. Всё это отжило и не может быть восстановлено. Спасение ваше не в думах с такими или иными выборами и никак не в пулемётах, пушках и казнях, а в том, чтобы признать свой грех перед народом и постараться искупить его <...>» (Там же. С. 304).

И далее писатель и публицист предлагает николаевскому правительству то же, что четвертью века ранее *своевременно* предложил в письме Александру III: «Поставьте перед народом идеалы более справедливые, чем те, которые выставляют ваши противники» (Там же).

Думается, это был крик отчаяния Толстого: он не мог не сознавать, что таких «идеалов» самодержавию уже не дано было утвердить.

Борьбу революционеров с правительством публицист уподобляет в своём слове-обращении борьбе «двух паразитов на здоровом теле» народа (Там же. С. 308).

³⁸⁸ Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении (Круг чтения.) М., 2002. С. 919.

Насилие, совершаемое теми и другими, развращает общественное мнение, приводя его к одобрению насилия, которое калечит нравственность и ещё более развращает людей (Там же).

От антиправительственной оппозиции, к которой Толстой почему-то относит здесь интеллигенцию как таковую, требуется ответственное, открытое и строгое отношение к себе, к своей жизни, которая одна в их власти (Там же. С. 309).

Народ русский Л.Н. Толстой без лишних слов призывает не участвовать в делах насилия как правительства, так и революционеров, «освободиться от повиновения всякому правительству» и «признать власть Бога и закон Его», кротко перенося насилие, но не участвуя в нём (Там же. С. 310-314).

Разумеется, такая постановка вопроса не устроила ни деятелей либеральных и революционных партий, ни народ, в том числе крестьянство, уже втянутое в пучину насилия. Правительство же ответило Толстому конфискацией тиража обращения, отпечатанного в петербургском издательстве «Обновление». Ответом на начавшееся нелегальное распространение текста слова-обращения стало презрительно-снисходительное «Открытое письмо» его автору некоего Л.Е. Оболенского в «Новостях и Биржевой газете» от 29 января 1906г., приравнявшего слово Толстого соотечественникам к малоинтересным фактам обыденной жизни дряхлого художественного гения³⁸⁹.

Публицистические призывы к мудрому «неделанию», к ненасилию, были в России 1906 года сродни заботливому инструктированию о безопасности от пожара людей в уже полыхающем здании. Это понял вскоре и сам Л.Н-ч, с горькой иронией назвавший свои выступления «комариным писком» (36, 712).

Запись Д.П. Маковицкого от 6 марта 1905г. свидетельствует о том, что Толстой в период подъёма

³⁸⁹ Маковицкий Д.П. Яснополянские записки // Лит. наследство. М., 1979. Т.90. Кн. 2. С. 38, 613-614.

революции стал непопулярен, а его научение добра и ненасилия – не актуально: если и читалось, то многими не понималось, а если понималось (и даже принималось!) – то не так, как хотел сам Толстой. Вот это наблюдение:

«Теперь уже к Л.Н. не приходит столько людей, как в 1880-90 годах, с одним и тем же вопросом: "Как жить, что делать?" Теперь спрашивают больше о том, как бороться с правительством, что делать, чтобы изменить существующий политический и общественный строй»³⁹⁰.

И лишь с приобретением страной горького и страшного революционного опыта, с разочарованием части крестьянства и мелкобуржуазной интеллигенции в насильственных методах борьбы, примерно с зимы 1907-1908гг., количество писем и посетителей, желанных в Ясной Поляне, вновь растёт³⁹¹.

5.3. О революции и о жизни грядущей.

Таким образом, осуждая «недействительное» и гибельное революционное насилие, в самом революционном протесте масс, не замешанном на насилии, Л.Н. Толстой прозревал закономерность: хотя еще и недостаточно сознательное, но несомненное проявление уже начавшейся «революции сознания», призванной в новом веке мирным, ненасильственным религиозным путём покончить со всеми формами классового и национального угнетения сначала в России, а потом и во всём мире. В основном этому вопросу он посвятил два, быть может, величайших своих публицистических слова к современникам – статьи «Конец века» и «О значении русской революции» (1904-1906), печально лидирующие по забытости и потому требующие особого исследовательского внимания.

В статье «Конец века» Толстой, в частности, отвечает на вопросы тех своих читателей, которых

³⁹⁰ Там же. Кн. 1. С. 202.

³⁹¹ Тютюкин С.В. Л.Н. Толстой и первая российская революция // Исторические записки. М., 1986. Т. 113. С. 161.

волнует судьба привычной для них цивилизации после революционных перемен. Новая цивилизация, уверяет автор, будет «орудием труда во имя общего блага»; её достижения (а не отбросы и суррогаты, как в зло-иерархическом обществе) будут доступны всем трудящимся; основаниями её построения станут не «технический прогресс» или конкуренция, а солидарность в добре и прогресс нравственный. Современная же, «дореволюционная» цивилизация подлежит разрушению, поддерживать её, гордиться ею могут только абсолютные безумцы:

«Кругом земля со своими травами, лесами, чистыми водами, чистым воздухом, солнцем, птицами, зверями, а люди со страшными усилиями, загораживая от других солнце, воздвигают качающиеся от ветра 36-тиэтажные дома в месте, где нет ни травы, ни деревьев и где всё, и вода и воздух, загажены, вся пища подделана и испорчена и жизнь трудна, нездорова» (36, 266).

В числе немногих на заре XX века Толстой благословлял слом такой «цивилизации», провидя, что её поддержание и «прогресс» не сулят ничего доброго в будущем ни для кого на Земле.

Провидел Толстой и возможные формы постреволюционного жизнеустройства, близкие к традиционно-общинным: «мирское, при равенстве всех членов мира, управление, артельное устройство при промышленных предприятиях и общинное владение землёй» (Там же. С. 261). Малые самоуправляющиеся общины будут свободно соединяться по экономическим и религиозным признакам, но фактором при их кооперации будет уже не насилие, а «разумное согласие» (Там же. С. 263-264).

«Как будут жить люди, не принадлежа ни к какому правительству? – размышляет Толстой. – Да совершенно так же, как они живут теперь, только не делая тех глупостей и гадостей, которые делают теперь ради этого ужасного суеверия» (Там же. С. 272).

Миссия революционного пролетариата и интеллигенции в России состоит в том, чтобы показать всему миру, *как не надо* его революционно преобразовать, и этим отвращающим примером направить «делателей революции», кормильцев своих – крестьян, на истинный путь (Там же. С. 273).

А сгодятся ли городские дармоеды ещё на что-нибудь? Конечно! Спустя годы, в ином веке, в совершенно иных условиях жизни русского общества, Толстой снова, как в 80-е годы, призывает их поселиться с народом, осуществляющим свою революцию, то есть в деревне, честно трудиться, учиться у народа «терпению, равнодушию и презрению к власти и, главное, трудолюбию», помогая простым труженикам обустривать новую жизнь без государства и правительства не только физическим трудом, но и «книжными знаниями» (Там же. С. 261).

Обращение европеизированной городской интеллигенции в русскую деревенскую легко достижимо при должных её христианской мудрости и способности к патриотической жертве: «Для того чтобы совершился этот великий переворот, - подчёркивал Л.Н. Толстой, - нужно только, чтобы люди поняли, что **государство, отечество есть фикция**, а жизнь и истинная свобода есть реальность; и что поэтому не жизнью и свободой надо жертвовать для искусственного соединения, называемого государством, а ради истинной жизни и свободы – освободиться от суеверия государства и вытекающего из него преступного повиновения людям. В этом изменении отношения людей к государству и власти – конец старого и начало нового века» (Там же. С. 275. Все выделения – наши.- Р.А).

Статья «О значении русской революции» - самое интересное, идейно богатое и значимое слово Л.Н. Толстого к соотечественникам из тех, что ещё ждут вдумчивого прочтения и беспристрастного

исследования. Родилась она в 1906г., по прочтении и обдумывании Толстым работы Д.А. Хомякова «Самодержавие. Опыт систематического построения этого понятия» (1899).

К сожалению, вовремя опубликовать слово «О значении русской революции» автору не удалось ни на родине (тираж издания «Посредника» был в ноябре 1906г. конфискован), ни где-либо за границей.

И в новом своём сочинении, в критической его части, Толстой прочно удерживается на своих идейных позициях: бедственность бытия русского народа предопределена безумием удержания на русской земле властей и государственности. Развращённые, отвратившиеся от созидательного труда властолюбцы насилуют подвластных для удовлетворения своих корысти и похотей, прежде всего – военного славолубия (Там же. С. 318-319).

Мучители и убийцы, доминирующие во властной элите самодержавно-полицейского государства Российского, сами ведут себя к революции, входя в конфликт с нравственностью лучших представителей народа (Там же. С. 320). Остальные же его представители, если получают возможность участвовать во власти (как на демократическом Западе), сами подпадают её развращающему влиянию (Там же. С. 322). А это лишь приближает катастрофу.

Россия, наряду с другими незападными странами, выгодно отличается от Европы и Америки своим, ещё сохранившимся среди простых верующих людей, мудрым отношением к власти и государству. Русский народ стоит поэтому перед важнейшим в его истории выбором: следовать ли ему за западными народами по гибельному пути чреватой насилием борьбы людей с людьми за переустройство социального бытия, или же выбрать свой путь (Там же. С. 320).

На Западе любое положительное последствие борьбы с властью и её ограничения уничтожаются тем, что народы продолжают при этом подчиняться власти и

участвовать в её делах, подвергаясь при этом подкупу, лести, сползая в тщеславие, самомнение, праздность. Трудящиеся зависимых от Запада стран-колоний также развращаются навязываемыми им сомнительными «благами» господствующей цивилизации. В этих условиях становится очевидным, что России не по пути с Западом; она никогда не будет на равных с Европой и Америкой и не победит в неизбежной конкурентной борьбе (Там же. С. 325-326, 333).

Поэтому русская революция необходима и неизбежна. Заключается она в «пассивном», то есть религиозном неповиновении какому бы то ни было правительству, неучастию в его делах. И для такой революции народы России имеют пока идеальные условия: возможность учесть отрицательный опыт Запада плюс собственная традиционно-земледельческая жизнь большинства народа, а самое главное – наличие *внутреннего условия* успеха революции, глубокой религиозности, немыслимой на Западе (Там же. С. 334-337). В традиционном русском обществе живо ещё «общее большинству людей нравственное сознание, устанавливаемое общим религиозным пониманием людей и основанное на этом понимании воспитанием, обычаями, общественным мнением» (Там же. С. 345).

Итак, грядёт величайшая в человеческой истории революция – ненасильственное духовное высвобождение народов от повиновения земной, государственной власти (Там же. С. 355).

Уничтожится старая жизнь в порабощении людей ими же созданной, безжалостной к жизни и разуму, цивилизации «разумных» хищников. Какой же будет новая жизнь? Для Л.Н. Толстого представляются идеалом такое общество и такая цивилизация, о которых он писал ещё в статье «Конец века»:

«Почему, вместо того чтобы представлять себе людей неудержимо отдающимися похоти и размножающимися, как кролики, и для поддержания своих размножающихся поколений устраивающими

себе в городах заводы с приготовлением химической пищи и живущими среди них без растений и животных, - почему не представить себе людей целомудренных, борющихся со своими похотями, живущих в любовном общении с соседями среди плодородных полей, садов, лесов, с прирученными сытыми друзьями-животными, только с той против теперешнего их состояния разницей, что они не признают землю ничьей отдельной собственностью, ни самих себя принадлежащими какому-либо государству, не платят никому ни податей, ни налогов и не готовятся к войне и ни с кем не воюют, а, напротив, всё больше и больше мирно общаются народы с народами?» (Там же. С. 359-360)³⁹².

Толстой настаивает, что рисуемая им картина не есть недостижимый идеал ангелоподобия «человека разумного», а, напротив, норма жизни для истинно разумных людей. «Люди будут точно такие же, как теперь, - признаёт писатель, - со всеми свойственными им слабостями и страстями, будут и грешить, будут, может быть, и ссориться, и прелюбодействовать, и отнимать имущество, и даже убивать, **но всё это будет исключением, а не правилом, как теперь.** Жизнь их будет совсем другой уже по одному тому, что они не будут признавать добром и необходимым условием жизни организованное насилие, **не будут воспитаны злодеяниями правительств, выдаваемыми за добрые дела.** <...> И всё это не только не трудно представить себе, но трудно представить себе, чтобы этого не было» (Там же. С. 360. Выделение наше. – Р.А.).

Таким образом, Л.Н. Толстой верил в то, что русский народ преодолет свой греховный соблазн повиновения человеческой власти, увлечения обманчивой роскошью одуряющей и мертвящей всё живое и разумное

³⁹² В этом живописном полотне бросается в глаза не только указание на полное вегетарианство (иначе дружеские отношения с животными навряд ли станут обоюдными!), но и слово «соседи». Понятно, что речь здесь идёт не о соседях по казарме, бараку, землянке или городскому доходному дому, а о *соседских общинах* (см. главу о земельной собственности).

западной цивилизации и утвердится в повиновении только Богу и природным законам земледельческой жизни. Ведь для этого, подчёркивает публицист, русским не нужно никакого «движения вспять», а «нужно только остановиться на том ложном пути, на который они только что вступили и привести в сознание то отрицательное отношение к власти и любовное отношение к земледелию, которое было им всегда свойственно» (Там же. С. 362).

До истечения срока своего земного бытия великий писатель верил в благородную общехристианскую миссию русского народа, общую с другими славянскими народами. В своём обращении к Славянскому съезду в Софии (1910) Толстой выразил надежду, что «та основа всеобщего религиозного единения, которая одна может, всё более и более соединяя людей, вести их к свойственному им благу <...>, будет принята прежде всех других народов христианского мира народами именно славянского племени» (38, 177).

Мы знаем, что реальные события тех лет в стране мало оправдывали лучшие чаяния Толстого. Он ещё вострепнулся, было, надеждой, узнав весной 1905 года о ненасильственном неповиновении правительству крестьян Гурии, начавших формирование органов местного самоуправления³⁹³. Пропаганде примера гурийцев Толстой посвятил статьи «Как освободиться рабочему народу?» и «Истинная свобода», названия которых, как и факт невозможности опубликования их в России до 1917г., говорят сами за себя. Но, едва просушив чернила на рукописи первой из этих статей, автор их стал получать печальные вести от своего грузинского корреспондента И.П. Накашидзе: крестьяне, поначалу справедливо и мирно бойкотировавшие присутственные места и поселившиеся для хлебного труда на помещичьих землях, были успешно распропагандированы

³⁹³ Маковицкий Д.П. Указ. соч. Кн.1. С. 323. (Запись от 26 июня 1905г.).

социалистами; спровоцированное таким образом волнение тут же было подавлено казаками³⁹⁴.

И всё же писатель и публицист прошёл испытание революцией, не переменив главного в своём мировоззрении и своей социальной программе революционного освобождения. В условиях спада революции, в декабре 1907г., Толстой подчёркивал в письме к Генрику Сенкевичу, что народу русскому нужно не возмущаться и негодовать, а вести ненасильственную борьбу – не с царями и их помощниками, а «с тем ужасным, отсталым учреждением насильственного государственного устройства, которое и есть главный источник страданий человечества» (77, 272).

Борьба же была и есть вся в том, чтобы жить, не нуждаясь в правительственном насилии и не участвуя в нём (Там же. С. 272-273).

5.4. Последние замечания и выводы.

Мы видим, что толстовские публицистические сочинения о революции, как бы мы ни относились к ним теперь, содержат серьёзное предостережение человечеству.

Напоминая об уроках европейских буржуазных революций, Толстой подчёркивает: «Я радуюсь на революцию, но огорчаюсь на тех, которые, воображая, что делают её, губят её» (76, 194. Письмо В.В. Стасову от 20 сентября 1906г.). К губителям подлинно народной революции писатель относит не только представителей господствующего слоя капиталистов и крупных землевладельцев во главе с правительством, но и радикалов и экстремистов всех мастей, предпочитавших террор и насилие истинно революционным средствам. Люди, обладающие «архиреволюционной» логикой, а также сторонники репрессивных мер, жестокостей и казней,

³⁹⁴ Там же. Кн.2. С. 69. (Запись от 7 марта 1906г.).

проводившихся правительственным лагерем, должны бы были радоваться достигнутому в 1907-1908 годах «результатам». «Дошло до того, - свидетельствует Л.Н. Толстой, - что если бы теперь в России дать всем людям возможность убивать всех тех, кого они считают для себя вредными, то почти все русские люди поубивали бы друг друга: революционеры всех правителей и капиталистов, правители и капиталисты – всех революционеров, крестьяне – всех землевладельцев, землевладельцы – всех крестьян и т. д.» (37, 41).

Революция подлинная есть серьёзное и ответственное дело, созидающее и утверждающее жизнь добрую и разумную, а не стихия разрушения. По воспоминаниям П.И. Бирюкова, Толстой полагал неизбежные революционные разрушения лишь *следствием* творческой созидательной работы подлинных революционеров – работы над сознанием масс, над христианским нравственным чувством каждого. Ведь и в прорастающем зерне тянущийся к свету и жизни росток неизбежно прорывает ставшую ненужной оболочку. «Если же мы сами разорвём шелуху зерна, - прибавлял Л.Н-ч, - то мы совершим насилие, погубим растение и нарушим гармонию мира»³⁹⁵.

Прежде всего, пытался внушить современникам великий писатель, революция должна выражать и защищать интересы и чаяния не возомнившего себя творцом истории меньшинства, а трудового народа. «Если только народ, настоящий народ, не сделает ненужною и безвредною всю эту несерьёзную, шумную, развращённо-самолюбивую ораву, - предсказывал Л.Н-ч в 1905 году, - мы непременно придём к военной диктатуре, и придем через великие злодеяния и развращение, которые уже начались. Для того чтобы заменить отживший порядок другим, надо выставить идеал высший, общий и доступный всему народу. А у интеллигенции и настрёканного ею пролетариата нет

³⁹⁵ Бирюков П.И. Указ. соч., Т. 2. С. 245.

ничего похожего, - есть только слова, и то не свои, а чужие» (76, 193. Из письма В.В. Стасову).

О врагах истинной революции, которые ещё при жизни писателя насаждали и благословляли на русской почве западную буржуазность и капитализм, равно как и о тех архизаботниках о пролетариате, кому уже в 1917 году доведётся ухватиться за власть, Толстой, безошибочно разбиравшийся в подобных людях, отзывался так:

«Поистине удивительно скудоумие русских интеллигентов-паразитов, не имеющих ни одной своей мысли, ни одного своего вывода из своего наблюдения и умеющих только рабски повторять то, что говорят европейские интеллигенты-паразиты. Удивительно это скудоумие, но ещё удивительнее сухость сердца и лицемерие этих людей» (36, 471-472. Вар. к ст. «Великий грех»).

«О том же, как народ устроится, когда он освободится от насилия, подумает он сам, когда освобождение это совершится, и без помощи учёных профессоров найдёт то устройство, которое ему свойственно и нужно» - так писал Толстой в 1909г. одному из революционеров (38, 267).

В своей последней, неоконченной, к сожалению, статье «О социализме» (1910) Л.Н. Толстой противопоставляет соблазнительным лжеучениям Маркса, Энгельса и Бернштейна закон жизни доброй и разумной, данный людям от Бога через *истинных* учителей человечества – браминов, Будду, Лао-Цзы, Сократа, Эпиктета, Марка Аврелия, Христа, Руссо, Канта, Эмерсона и других (Там же. С. 427).

Этот религиозно-нравственный закон мудр и исполним уже тем одним, что он ни к чему не принуждает, ничего не предписывает, а требует лишь воздержания от некоторых поступков. Осуществление его в жизни было бы общим благом, но ему препятствует суеверие мнимой действительности изменений внешнего устройства жизни других людей, которому одинаково

подпадают и консерваторы, и социалисты, и коммунисты, и анархисты (Там же. С. 427-428). И причина этого общего соблазна – *безверие*, которому вовсе не мешает формальная принадлежность большинства к господствующей церкви.

Уходя из известной плотскому человеку жизни в бессмертие, Толстой-публицист оставил нам свой завет:

«Вам, молодым людям, людям 20 столетия, людям будущего, если вы точно хотите исполнить своё высшее человеческое назначение, надо прежде всего освободиться, во 1-х от суеверия о том, что вы знаете, в какую форму должно сложиться человеческое общество будущего, во 2-х от суеверия патриотизма, чешского или славянского, в 3-х от суеверия науки, то есть слепого доверия всему тому, что вам передают под фирмою научной истины, в том числе и разные экономические и социалистические теории, 4-х от главного суеверия, источника всех зол нашего времени, о том, что религия отжила своё время, а есть дело прошлого.

Освободившись же от этих суеверий, вам надо прежде всего постараться изучить всё то, что в области определения истинных основ жизни сделано всеми величайшими мыслителями мира, и, усвоив разумное, религиозное мировоззрение, исполнять его требования не для того, чтобы достигнуть вами или кем бы то ни было определённой цели, а для того, чтобы исполнить свое назначение человека, несомненно ведущее к неведомой нам, но несомненно благой цели» (Там же. С. 432).

Прошедший век и в России, и в мире, несмотря на невиданный ранее прогресс цивилизации, в целом был проигран злему по причине интенсивнейшего противления ему насилием, в условиях торжества вышеназванных теорий, патриотического одурения и упадка веры. Так что завет яснополянского пророка не обветшал и не утратил своего значения в наступившем веке. Теперь только он адресован **нам**.

Памятуя этот завет Л.Н. Толстого и его учение о революционном освобождении, честным и просвещённым верой людям 21 столетия, людям общественного и гуманитарного знания, следует признать огромной важности задачей дальнейший объективный анализ толстовского публицистического наследия.

Главное же – необходимо сделать максимально доступной и пока малоизвестную страницу истории действительно *передовой* общественной мысли России.

Лишь тогда можно быть уверенным, что массы трудящихся и эксплуатируемых в 21 веке найдут в себе мудрость и мужество для того чтобы подняться и объединиться для нанесения решающего удара по власти обманщиков, эксплуататоров и мучителей, вооружившись при этом всеми завоеваниями капитализма и буржуазной науки, сплотившись в общехристианское братство тружеников и борцов, которые мощью разума и житнетворящей веры задушат, уничтожат без насилия всякое социальное зло и приобретут себе Царствие Божие на земле – там, где ему и **д**олжно быть.

=====

Заключение.

Импульсами к публицистическим выступлениям Л.Н. Толстого, как мы видим, служили возмущавшие и ужасающие его события в России и в мире и главные проблемы эпохи. Его предложения по их разрешению сочетают в себе фундаментальный *идеализм* в воззрениях на человека и историю с *религиозностью* их идеологического «облачения». Недаром в теоретическом разрешении важнейшего в России земельного вопроса писатель «взял на вооружение» теорию Генри Джорджа о «едином налоге», базировавшуюся у американского экономиста, как мы и показали, именно на этико-религиозном, а не на научно-экономическом фундаменте. В системе научных экономических знаний для Джорджа было актуально то, что подтверждало справедливость его эмоционального неприятия буржуазного пауперизма, нищеты и эксплуатации неимущих тружеников, «безбожной» жестокости господствующих классов. Примерно такую же этико-религиозную «ревизию» научных знаний об обществе и человеке, научных, философских и богословских текстов производил и наш великий русский мыслитель и публицист.

Обращение Л.Н. Толстого в 1881-1908 гг. к «царю и его помощникам», многие его общественно-политические статьи, обнажают *элементы консервативной утопии* в его мировоззрении. Это, помимо богословских составляющих доктрины, также и призывы: к покаянию и нравственной чистоте жизни, адресованные богатым и властвующим согражданам; к отказу от «пользования капитализмом», адресованные трудящимся. Это и «модное» у российских писателей XIX столетия противопоставление Запада Востоку и восточному образу жизни, черты которого Толстой с радостью узнавал в жизни традиционного общинного крестьянского сообщества. Это и болезненное неприятие

любого модернизаторского радикализма (вспомним здесь хотя бы три письма Столыпину).

Толстовскую критику жизни в стране и в мире, его предложения по улучшению жизнеустройства нельзя отделять от его же призывов к современникам отречься от социального насилия. Учение о «непротивлении злу насилием» можно уподобить строительному раствору, скрепляющему в единое целое разные элементы мировоззрения и политической программы великого мыслителя. Для исследователя, который понял и принял его, просто не существует тех «кричащих противоречий», которые традиционно «отыскивались» и «отыскиваются» по сей день в социальном научении Л.Н. Толстого.

Противоречивые же высказывания Толстого в публицистике и беседах разных лет свидетельствуют только против тех, кои стремятся приравнять научавшего мудрости разумения жизни писателя к закоснелым фанатикам или безумцам: перед нами предстаёт не труп, столь вожделенный для неприятелей толстовского слова, *толстоедов* всех мастей, но - живая, эволюционирующая мысль гения, имеющая, как и он сам, свою биографию, не чуждую противоречий и ошибок, как самая живая жизнь.

И мысль эта у Л.Н. Толстого-публициста и философа развивается свободно, не будучи скована рамками художественного повествования. Писатель никогда не переоценивал возможностей художественного текста в деле учительного общения с современниками, а в свои мудрые годы с чрезвычайной, даже, быть может, чрезмерной критичностью оценивал с этих позиций свои ранее написанные произведения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он уделял месяцы, а иногда, с перерывами, и годы напряжённого труда именно философской и общественно-политической публицистике. Это был его способ оперативного отклика на события как в политической, так и в духовной жизни его современников. Болезна ли плоть общественного организма, растлен ли дух, пьянство ли, социализм ли –

всё становилось предметом внимания Толстого как публициста. Выступления в печати явились способом общения с желающими слушать и понимать его почти пророческое слово, содействовать ему в тяжёлой борьбе с массовидным безверием, с кризисом в религиозном сознании общества, лишь вставшего на опасный, исполненный поистине вопиющих противоречий и многих жертв, путь преодоления «научно-индустриального» этапа в своём развитии. Как мы увидели, Толстой откликался в печати и на прямо приходившие к нему по почте просьбы, вопросы или обвинения; так в его творчестве получил развитие жанр открытого письма-ответа на тот или иной злободневный и волнующий многих вопрос.

В главе 1 данной работы мы показали, что теория Л.Н. Толстого о «непротивлении злу насилием» есть не его умозрительная и нежизненная выдумка, а – приложение к современной Толстому жизни как личной, так и общественной евангельского правила доброй и разумной жизни, одной из заповедей Христа. Как справедливо заметил современный автор, заповеди Христа «направлены на преодоление в людях именно тех стадно-государственных животных программ, которые чреваты массовыми безумиями»³⁹⁶, то есть исполнение их способствует утверждению в человеке разумного и человеческого. С позиций же современной общенаучной парадигмы системности неупотребление насилия в сопротивлении тому, что субъективно атрибутируется как злое, есть природосообразное невмешательство насилием в процесс саморазвития сложных самоорганизующихся систем (человека, коллектива, общества). Идея Толстого имеет, таким образом, и религиозное, и научное обоснование.

В главе 2 настоящей работы, посвящённой анализу антивоенной публицистики Толстого, подчёркнуто, что статьи и открытые письма-обращения писателя и

³⁹⁶ Дорофеев О.А. Ковчег завета / О.А. Дорофеев // Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви. – М., 2004. – С. 58.

публициста были направлены не столько против милитаризма и гонки вооружений, сколько против патриотического «воспитания», то есть одурения и развращения взрослыми малолетних, которое Толстой и признавал корнем существующего зла.

В главе 3 мы постарались доказать, что Л.Н. Толстого в течение рассматриваемого периода его публицистической деятельности интересовали проблемы нравственного, а не только материального неблагополучия. Причём год от года всё более пристальное внимание он уделял не своему сословию и не правительству, но верующим людям русского народа, будучи убеждён в особом его призвании в мире: религиозном революционном освобождении трудящихся от повиновения человеческой власти дармоедов и эксплуататоров. Его же обращения к правительству были вызваны распространением в общественном сознании ряда злых, деструктивных тенденций: атеистического вакуума, инстинктов стяжательства и индивидуализма, фантазий о «священной собственности», агрессии, разврата и оправданий того и другого, социалистических и прочих инородных идей, и т.п. Это всё казалось тем ужаснее для писателя, что он мог фиксировать и иные, позитивные, тенденции в российском обществе. Народ прозрел, почувствовал человеческое достоинство, потянулся к возможности гражданской активности, к просвещению, к истинной вере. Нужно верить в народ, уважать его, как бы это ни было непривычно, а не бить прутами по заднице, загонять в обязательную службу, в тюрьму, обкрадывать, обманывать, дурить детский мозг патриотизмом, богословием... Дарование «сверху» гражданских свобод стало бы, и не только для Толстого, желанным свидетельством модернизаторского потенциала российской монархии, её жизнеспособности в XX веке³⁹⁷. Но убедиться российским консерваторам

³⁹⁷ Уже через 150, а не 50 лет после дарования «свободы» российским крепостным, приходится говорить о таком же отсутствии всякого потенциала в теперешнем государстве российском.

пришлось в обратном... Утопичность консервативно-либеральной программы Толстого в том, что она заведомо рассчитана на ту возможность, что правители буржуазной России не вовсе лишены совести и христианской религиозности, способны к честности и покаянию, к диалогу равенства с народом³⁹⁸.

Наконец, главы 4 (собственность на землю в публицистике Толстого) и 5 (Толстой о значении русской революции) позволяют сделать общий вывод о том, что, расставание Толстого с религиозно-монархическими иллюзиями усилило в его сознании к началу 1900-х гг. надежды религиозно-демократического характера. В революционном протесте 1905-1907 гг. писателю и публицисту виделось начавшееся прозрение масс трудящихся в России к тому, чтобы ненасильственным, религиозным путём освободиться от насилия, угнетения и неравенства, а следом освободить и весь мир. Ближайшим же и важнейшим шагом, необходимым на пути к такой свободе, он полагал решение вопроса о собственности крестьянина на землю в пользу мелкой неэксплуататорской собственности. Религиозный отказ свободных общинников (не только землепашцев, но людей самых разнообразных полезных знаний!) от кормления и обслуживания каких-либо правительств и вообще городских «элит» должен форсировать и у этих отсталых от народа существ некоторое прояснение сознания и неизбежное за ним принятие народного образа жизни. Так издохнет государственность: сначала как идол массового сознания, а затем и как форма социального бытия. Христианский религиозный фундамент в таком, всемирного значения, предприятии, очевидно-необходим: иначе рядовому делателю революции не будет духовной опоры, ведь предъявить самые суровые требования и ограничения он должен не «классовым врагам», а себе.

Свидетельство тому – всё то же отношение облечённых властью и «обеспеченных» к бедным, слабым людям, хотя это, конечно, – тема совсем другого исследования... (Прим. 2011 г.)

Печальная судьба преданных забвению трудов Толстого-публициста – это свидетельство непонимания его читателями, неприятия его идей. Есть в этом доля вины самого Толстого: например, один из ключевых терминов его теории – «непротивление» был явно неудачен. Сознание неподготовленного, т.е. весьма широкого, читателя осмысливало формулировки «непротивление», «закон непротивления» и т.п. таким образом, что в лексико-семантическую группу, относящуюся к этим и окказионально-синонимичным им лексическим единицам, попадали: «примирение» (со злом), «покорность», «трусость», «эскапизм», «капитуляция», «отказ от борьбы» (со злом), «пассивность», «погубление» (жертвы – пассивным невмешательством в ситуацию). Толстой, между тем, имел в виду другое: неупотребление в борьбе со злом неадекватного целям борьбы средства – насилия, то есть ответного зла. Иначе говоря, в указанной лексико-семантической группе парадоксальным образом фигурируют: «непримиримость» (по отношению к злу), «активность», «борьба» (со злом), «смелость» (необходимая в этой борьбе), «наступательность», «стойкость», «одоление» (зла добром), «спасение» (от зла как жертвы, так и грешника-злодея)³⁹⁹. И всё же надо признать, что термин «непротивление» очень неудачен, так как уже современниками Толстого был ложно воспринят как «толстовское» обозначение индифферентизма в отношении деструктивных явлений социального бытия.

Вина же читателей и критиков Толстого по сей день – в удержании атавизмов веры в насилие и неприязни к обличающей истине.

В целом анализ отобранного для данной работы публицистического наследия Л.Н. Толстого, его идейного и художественного своеобразия, позволяет сделать вывод о несоответствии действительности ветхой идеи

³⁹⁹ Надо ли говорить, что здесь налицо то самое «мазохистское фантазирование», которое упомянутый нами во Введении Д. Ранкур-Лаферьер назвал в качестве характеристики истинно христианского сознания Л.Н. Толстого.

«слабости и противоречивости» текстов Толстого-публициста и мыслителя, его противопоставления художественному гению Толстого. Всё это обветшало, рухнуло и не может быть восстановлено. Мысль гения жила, развивалась, и досталась нам во вполне совершенном, зрелом, а потому и не осмысленном сполна, виде. Итоги XX века, в котором не внявшее голосу из Ясной Поляны человечество привело себя на грань возможности саморазрушения, поставили перед прихватизировавшей некогда Толстого-публициста и замкнувшей его от людей научно-культурной «верхушкой» неудобоваримую для неё задачу: не громоздить, по привычке, критики идей Толстого и критики на критики этих идей, а взять, что есть, и – начать учиться самим и учить живым толстовским словом других, сделав публицистическое наследие последних, ценнейших 28 лет жизни Толстого, жизни учителя, мудреца и пророка, максимально доступными для всех способных к чтению и слушанию людей. Надо освобождать и воспитывать мысль и художественный вкус современников, помогая им, по завету писателя, своими «книжными знаниями». Не говоря уже о том, что критики Толстым правительств и собственников буржуазного мира сохранили свою предельную актуальность⁴⁰⁰ и достойны многих размышлений и дискуссий, художественное воплощение толстовской мысли доставляет и будет доставлять эстетическое наслаждение, пробуждая в разумном сознании читателей наступившего тысячелетия мудрые мысли и лучшие чувства.

=====

=====

⁴⁰⁰ Поменялись только те «элитарные» персоны, которых толстовская критика касается самым непосредственным образом: другие имена у чиновников и богачей «в столице и на местах», но осталась всё та же сволочная, подлая, **лживая**, эксплуататорская и скрыто-агрессивная сущность всей их деятельности! (Прим. 2011г.).

ПРИБАВЛЕНИЕ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ

*<Письмо В.А. Мороза директору Ясной Поляны
В.И. Толстому>*

(с незначительными сокращениями)

МИЛЕЙШИЙ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ!

В ЭТОМ моём письме к Вам нет ничего такого, чего бы Вы сами не знали. Поэтому прошу Вас отнестись к нему, как к *напоминанию о некоторых важных вещах.*
<...>

Первое. Надо помнить, что, НЕ РАЗДЕЛЯЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ Толстого, ничего нельзя сделать полезного для дела, которое было ДЕЛОМ ЖИЗНИ Толстого.

Имея это точкой отсчёта своей деятельности, надо помнить, что, не разделяя мировоззрения Толстого, нельзя сделать ничего полезного и для людей. Таково уж назначение религиозно-нравственного Учителя.

Второе. Как мало прочесть Евангелие – надо жить им /по нему/, так же мало прочесть Толстого – надо жить им /по нему/.

Миропонимание Толстого, выраженное им в своих писаниях, есть «ВОЗВЕЩЕНИЕ О БЛАГЕ» (так переводит слово Евангелие Толстой) ВСЕМУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ, или, что то же, - указание пути истинной жизни человечества, по которому, хочет того человечество или нет, оно вынуждено будет идти.

Третье. Сказанное подводит меня к теме «Ясная Поляна». Ясная Поляна оправдывает своё существование, если она будет ДУХОВНЫМ ЦЕНТРОМ России (а значит и мира).

Понять это можно, если понимать, что Толстой выдвинул РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ в силу, выстраивающую истинную жизнь человечества.

Отдельно от Толстого как УЧИТЕЛЯ ЖИЗНИ, Ясная Поляна, как скорлупа без своего содержимого – зерна, не выполнит своего назначения. (Паломничество – будет. Поклонение – будет. Но чему? Вещам? Поклонение вещам, то же что “мощам” – вид язычества. Незаметно может получиться и “парк горького”: с аттракционами, с ездой на лошадях, а, в итоге, может быть, и с “чёртовым колесом”. Но разве ЭТО наследие Толстого?). Толстой, когда его спросили: любит ли он море? – без всякого воодушевления ответил, что море «вещественный предмет» /всего лишь/. Что же Ясная Поляна БЕЗ ДУХА, которым жил Толстой, как не вещественный предмет?

Четвёртое. Толстой на многие века вперёд стал учителем человечества (и – будет им оставаться, пока не исполнит свою миссию). А раз так, то он ДОЛЖЕН БЫТЬ И ВАШИМ УЧИТЕЛЕМ (не можете же вы выпасть из человеческой семьи).

Пятое. На данном этапе, когда Вы столько сделали для спасения Ясной Поляны, <...> Вы можете /должны!/ своё ДУХОВНОЕ Я (так это называл Толстой), начать скреплять ДУХОВНЫМ Я самого Толстого. С вытекающим из этого последствием:

ПРИДАНИЯ ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ образа ДУХОВНОГО ЦЕНТРА (ЦЕНТРА МЫСЛИ). Мыслительная жизнь Толстого всегда будет мыслительным центром мира.

Надо прозреть на то, что дело Вашей жизни гораздо больше тех дел, которыми Вы занимаетесь, и не афишируя, исподволь, начать заниматься тем, что больше этих дел.

ДЕЛО РАСКРЫТИЯ людям общечеловеческого (касающегося всех без исключения народов мира) мировоззрения Толстого не терпит ни минуты продления (гибель многих людей, как физическая, так и духовная, имеет прямую связь с тем, что люди оторваны от спасительной силы толстовской мысли).

Надо выдвинуть то, чем жил Толстой – а жил он ДУХОМ БОГА В СЕБЕ, и, как он говорил: «в вечности» - впереди его телесного существования в телесном мире, а

значит и в мире Ясной Поляны. <...> ДУХ ДОЛЖЕН БЫТЬ ВПЕРЕДИ.

Шестое. Если /говорю условно/ Ваша программа по Ясной Поляне имеет сто пунктов, то уже теперь надо вставить в неё пункт под № 101: постоянно действующая “изба-читальня”. <...>

Люди, входя в соприкосновение с МЫСЛЬЮ мудреца (и через него, со всей мудростью человечества), примутся за работу, которую я называю СПАСЕНИЕМ СОЗНАНИЯ.

Духовная пища – МЫСЛЬ, придёт к людям из сказанного Толстым. Ведь мало кто знает, по вине вопиюще-невежественного образования, что “Толстой-писатель” – ещё и РЕЛИГИОЗНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ всеохватного масштаба.

Погружаясь в писателя Толстого, люди будут делаться и “поклонниками”, и “паломниками”, но уже – НАСЛЕДИЯ ДУХОВНОГО, - людьми нравственно очунающимися, просветляющимися, встающими на ПУТЬ ЖИЗНИ, - что ни с чем, ни с какими делами человеческими сравниться не может.

Тогда люди поймут и слова Толстого, сказанные им про себя – что до своего «второго рождения» (рубеж 70-х – 80-х гг.), - РОЖДЕНИЯ В ЖИЗНЬ ДУХА И МЫСЛИ, всё написанное им – «только этюды».

И сами, с помощью Льва-Учителя, будут обретать своё ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ.

Сейчас долдонить о Толстом как о великом создателе художественных произведений – трюизм. Для меня, и думаю, что для многих, ясно, что выше того, что создано Толстым, в литературе нет ничего со времени её существования. И всё же – «художников слова» в истории человечества – великое множество, выразителей же СЛОВА БОЖЬЕГО /ИСТИНЫ/, - единицы.

Открытие каждым для себя Толстого, как своего духовного учителя, направляющего человека к НАЧАЛУ МЫСЛИ – ДУХУ БОГА в человеке, открывающего ему не

мнимую, а истинную духовную жизнь: ЖИЗНЬ МЫСЛЮ, - состоится благодаря действительным, а не мнимым «Толстовским чтениям».

Седьмое. Если так будет, Ясная Поляна заживёт ДУХОМ, которым жил Толстой. А не природным и вещественным яснополянским телом, хотя и прекрасным.

Если так не будет, Ясная Поляна останется одной из вещей, которых в вещественном мире несчётное множество. <...> Не продолжая ДЕЛО ТОЛСТОГО, не неся людям истину – не понятно, зачем так печься о Ясной Поляне. Сбереечь тленное – невозможно (Толстой в таких случаях говорил: «Всё равно умрёт»).

Ясная Поляна должна быть БОЖЬИМ МЕСТОМ НА ЗЕМЛЕ, в каждом дне Ясной Поляны должна быть слышна проповедь Льва-Учителя, вот её назначение.

Не одна Россия, а мир в целом, нуждаются в этом. Неведение, ЧТО явил России и Миру толстой, особенно этого требует.

И сделать это легко при ЕДИНОМЫСЛИИ с величайшим Учителем, и – вовсе невозможно, если такого единомыслия нет. Всё будет не только впустую, более того – будет даже во вред. **Ясная Поляна, не сделавшись духовным центром, станет тормозить вживание в жизнь мировоззрения Толстого. Уводить от него в сторону.** (А без уяснения, осознания Учения о жизни, явившегося в XX век с Толстым, - XXI-му веку – гибель).

Не дай Бог Вам и Ясной Поляне стать причастными (хоть и невольно) к такому делу.

Восьмое. **В.Г. Чертков** (в 1915г.) готовя к изданию полный Свод мыслей Толстого, писал:

«Всякий просвещённый человек не может обойти Толстого, если он желает быть на высоте современного развития человечества. Незнакомство с идеями Толстого уже в настоящее время служит признаком НЕДОПУСТИМОГО НЕВЕЖЕСТВА».

Почти столетие спустя <...> я бы добавил к его словам:

Самое большое дело, какое один человек может сделать для других, в условиях полного одурения, в которое ввергло себя человечество, это – сделать мировоззрение Толстого достоянием как можно большего числа людей.

Большей задачи, чем эта, у человеческой жизни – НЕТ.

Девятое. <...> ...Придётся признать, что виноваты в отрыве сознания людей от сознания Толстого те не религиозные люди, которые сами себя называют «философами», «учёными», «писателями», «художниками», «музыкантами» и, конечно, те, как самые не религиозные – люди “церковные” **(“церковно-мыслящий” – то же, что не мыслящий вовсе).**

В заключение. Не бойтесь осуждения ни с чьей стороны. (Толстой учит не дорожить “славой людской”...)

РАСПЯТЬ могут как за Истину, так и за мирские дела (в них и зависть, и соперничество, и злоба).

Так уж лучше терпеть за ИСТИНУ.

С уважением...
Ясная Поляна, Сентябрь 1998г.

=====

Источники и литература.

I. Источники.

1. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений (Юбилейное): В 90т. М., 1928-1958, 1992 (репр. изд.).
2. Его же. Собрание сочинений: В 22т. М., 1984. Т.16, 17, 19-22.
3. Его же. Собрание сочинений: В 20т. М., 1960-65. Т.17-20.
4. Его же. Собрание сочинений: В 12т. М., 1958. Т. 7.
5. Его же. Не могу молчать. М., 1985.
6. Его же. Избранные философские произведения. М, 1992.
7. Его же. Педагогические сочинения. М., 1953.
8. Его же. Путь жизни. М., 1993.
9. Его же. Записные книжки. М., 2000.
10. Его же. Четвероевангелие: Соединение и перевод четырёх Евангелий. М., 2001.
11. Его же. Об истине, жизни и поведении. М., 2002.
12. Его же. Закон насилия и закон любви. М., 2004.
13. Толстовский листок: Толстой и о Толстом. Вып. 3-14. М., 1993-2001.

14. Бирюков П.И. Биография Л.Н. Толстого: В 2т. М., 2000.
15. Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. 1907-1909. М., 1973.
16. Джордж, Генри. Земельный вопрос, его сущность и его единственное решение. Изд. «Посредника», № 684. М., 1907.
17. Его же. Земля для народа. Изд. «Посредника», № 601. М., 1917.
18. Его же. «Не укради». Изд. «Посредника», М., Б.г.
19. Маковицкий Д.П. Яснополянские записки. 1904-1910 // Литературное наследство. М., 1979. Т. 90. Кн. 1-4.

20. Новиков М.П. Из пережитого. М., 2004.
21. Толстая А.Л. Отец. Жизнь Льва Толстого. М., 1989.
22. Чертков В.Г. О революции. Насильственная революция или христианское освобождение? // «Свободное слово». № 89. 1904. С. 46, 48-49.

II. Литература.

1. Арденс Н.Н. (Апостолов Н.). Творческий путь Л.Н. Толстого. М., 1962. С. 372-398.
2. Арефьев М.А., Давыденкова А.Г. Социальная философия Л.Н. Толстого (об аграрном вопросе в России) // Философская мысль в России традиции и современность. – СПб., 1997. – С. 136-139.
3. Асмус В.Ф. Мировоззрение Толстого // Литературное наследство. М., 1961. Т. 69. Кн.1. С. 35-102.
3. Его же. Толстой в дневнике Маковицкого. Эпоха. Мировоззрение. Быт // Литературное наследство. М., 1979. - Т. 90. - Кн. 1. - С. 11-31.
4. Бондарев Д.А. Толстой и современность. Л., 1928.
5. Вестник Японского толстовского общества «Зелёная палочка». – Токио, 2004. - № 1.
6. Галаган Г.Я. Л.Н. Толстой. Художественно-этические искания. Л., 1981.
7. Её же. Проблема общественного мнения в наследии Л.Толстого // Современность классики: Сб. научн. трудов. Л., 1989. С. 76-87.
8. Её же. Лев Толстой. Закон насилия и закон любви // Sub specie tolerantiae. Памяти В.А. Туниманова. СПб., 2008. – С. 428-438.
9. Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Русская философия IX – XIX вв. – 2-е изд. Л., 1989. – С. 558-574.
10. Гельфонд (Клюзова) М.Л. Критика учения Л.Н. Толстого о непротавлении злу насилием в отечественной религиозно-философской мысли конца 19-начала 20 вв. : три основных аргумента // Вопросы философии. – 2009. - № 10. – С. 121-133.

11. Гусейнов А.А. Учение Л.Н. Толстого о непротивлении злу насилем // Свободн. мысль. – 1994. – №6. – С. 80-82.
12. Его же. Понятие насилия // Толстой и современный мир. Сб. науч. ст. – В2ч. – Ч. 1: Идеи Л.Н. Толстого в контексте современной эпохи. – Тула, 1998. – С. 32-53.
13. Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и Лев Толстой // Вопросы литературы. – 1994. – № 1. – С. 77-105.
14. Идеи социализма в русской классической литературе: Сб. ст. – Л., 1969. – С. 310 – 333.
15. Ионайтис О.Б. Л.Н. Толстой. «Закон насилия и закон любви»: человек и мир // Яснополянский сборник-2006. – Тула, 2006. – С. 147-153.
16. Келдыш В.А. Лев Толстой в эпоху первой русской революции // Революция 1905-1907 гг. и литература. М., 1978. С. 67-98.
17. Козлов Н.С. Лев Толстой как мыслитель и гуманист. М., 1985.
18. Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10т. М., 1955. Т. 8. С. 95-124.
19. Кудрявая Н.В. Лев Николаевич Толстой – педагог: от народного учителя Яснополянской школы до учителя жизни // Яснополянский сборник-2006. – Тула, 2006. – С. 154-162.
20. Лебедева В.А. Земельный вопрос в публицистике Л.Н. Толстого 80-х – 1900-х гг. // Яснополянский сборник. Год 1955. С. 126-136.
21. Лев Толстой и мировая литература. Материалы Международной научной конференции, проходившей в Ясной Поляне 28-30 августа 2003г. Тула, 2005.
22. Ленин В.И. Полное собр. соч. Изд. 5 –е. Т. 17, 20.
23. Ломунов К.Н. Духовные искания Л.Н. Толстого (Из истории их изучения и оценки). // Толстой и о Толстом. Материалы и исследования. Вып. 2. – М., 2002. – С. 132-155.
24. Его же. Концепция Бога в религиозно-философском учении Л.Н. Толстого // Толстой и о Толстом.

Материалы и исследования. Вып. 2. – М., 2002. – С. 176-193.

25. Луначарский А.В. О творчестве Толстого // Л.Н. Толстой в русской критике. М., 1952. С. 501-524.
26. Его же. Толстой и наша современность // Лит. наследство. М., 1961. – Т. 69. – Кн. 2. – С. 406-426.
27. Лурье Я.С. Об исторической концепции Льва Толстого // Русская литература. 1989. № 1. С. 26-43.
28. Его же. Лев Толстой и Пётр Столыпин // Звезда. 1993. № 1. С. 164-173.
29. Его же. Лев Толстой и мыслители «серебряного века» // Звезда. 1993. №7. С. 173-183.
30. Его же. После Льва Толстого. СПб., 1993.
31. Луцкий М.Д., Столяров Д.Д. Л.Н.Толстой как критик буржуазной политической экономии. Ташкент, 1960.
32. Мак-Пик Р. Толстой: боец за мир // Толстой и мировая литература: Материалы 5-й Международной научной конференции, проходившей в Ясной Поляне 12-16 августа 2007г. – Тула, 2008. – С. 39-45.
33. Мальцева Н.Л. Человек и человечество: на пути к устойчивому развитию. Волгоград, 1996.
34. Машинский С. Ленин размышляет о Толстом... // В мире Толстого. Сб. статей. М., 1978. С. 7-52.
35. Мейлах Б.С. Ленин и проблемы русской литературы XIX – начала XXвв. 4-е изд., доп. Л., 1970.
36. Мелешко Е.Д., Гусова С.А. моральная философия Толстого. – Тула, 2005.
37. Её же. Философия непротивления Л.Н. Толстого: аргументы разума и аргументы жизни // Толстой и современный мир. Сб. науч. ст.: В 2 ч. Ч. 1. С. 8-24.
38. Мотылёва Т.А. О мировом значении Л.Н. Толстого. М., 1957.
39. Немировская Л.З. Л. Толстой и проблемы гуманизма. М., 1988.
40. Осипов Ю.М. Метафизическая драма Льва Толстого // Страсти по Толстому. – М., - Елец, 2005. – С. 5-32.

41. Петров В.К. Бремя страстей человеческих: духовно-религиозная, историческая и семейная трагедия Льва Толстого // Страсти по Толстому... - С. 180-195.
42. Плеханов Г.В. Симптоматическая ошибка // Л.Н. Толстой в русской критике. 2-е изд., доп. М., 1952. С. 361-367.
43. Его же. Заметки публициста // Там же. С. 371-381.
44. Его же. Смещение представлений // Там же. С. 381-405.
45. Его же. Карл Маркс и Лев Толстой // Там же. С. 405-428.
46. Позойский С.И. Лев Толстой как журналист и редактор. 2-е изд. - Тула, 1955.
47. Полтавцев А.С. Философское мировоззрение Л.Н. Толстого. - Харьков, 1974.
48. Попов А.К. Не плоть, а дух растлился в наши дни... // Страсти по Толстому... - С. 155-168.
49. Ранкур-Лаферьер Д. Был ли Толстой христианином? // Лев Толстой и мировая литература. Материалы Международной научной конференции, проходившей в Ясной Поляне 28-30 августа 2003г. Тула, 2005. – С. 171-193.
50. Руа Ф. Свобода по Толстому: педагогический опыт и опыт жизни // Лев Толстой и мировая литература... - Тула, 2005. – С. 249-251.
51. Сабиров В.Ш., Соина О.С. Жизнь и смерть, любовь и насилие (духовные истоки метафизической драмы Л.Н. Толстого) // Страсти по Толстому... - С. 195-228.
52. Слинько А.А. Анатомия патриотизма: Л.Н. Толстой и П.Я. Чаадаев // Толстой и современный мир: В 2 ч.: Ч. 1. – Тула, 1998. – С. 97-104.
53. Соина О.С. От этики непротivления – к философии права // Человек. 1999. № 4. С. 27-40.
54. Страсти по Толстому (метафизическая драма великого человека) / Ред. Ю. М. Осипова, Е.С. Зотовой. – М., Елец. – 2005.
55. Тестов В.А. Жёсткие и мягкие модели обучения // Педагогика. - № 8. – 2004. – С. 35.

56. Толстой и о Толстом. Материалы и исследования. Вып. 2. – М., 2002.
57. Толстой и современный мир: Сб. науч. ст.: В 2ч. Ч. 1: Идеи Толстого в контексте современной эпохи. – Тула, 1998.
58. Тютюкин С.В. Л.Н. Толстой и первая российская революция // Исторические записки. М., 1986. Т. 113. С. 154-207.
59. Философская мысль в России): традиции и современность. – СПб., 1997. – С. 136-139.
60. Хара Т. О взглядах Толстого на определение образования и воспитания // Вестник Японского толстовского общества «Зелёная палочка». – Токио, 2004. - № 1. – С. 7-12.
61. Худушина И.В. Историко-философский анализ творческого наследия Л.Н. Толстого // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 7. – Философия. – 1986. - № 6. – С. 78-79.
62. Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968. С. 295-334.
63. Чубаков С.Н. Лев Толстой о войне и милитаризме. Мн., 1973.
64. Его же. «Всё дело жизни...» (Лев Толстой и поиски мира). Мн., 1978.
65. Чуприна И.В. Нравственно-философские искания Л. Толстого в 60-е и 70-е годы. Саратов, 1974.
66. Шифман А.Н. Лев Толстой – обличитель империализма // Творческий путь Л.Н. Толстого: Сб. статей. М., 1954. С. 360- 415.
67. Его же. Лев Толстой – обличитель буржуазной культуры. Тула, 1960.
68. Его же. Лев Толстой – публицист // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20т. - М., 1964. - Т. 16. - С. 5-47.
69. Его же. Статья «Не могу молчать» Л.Н. Толстого. – Тула, 1958.
70. Шкловский В.Б. Лев Толстой. М., 1963.
71. Щетинина Г.И. Лев Толстой как социальный реформатор. – М., 1995.
72. Эльцбахер П. Сущность анархизма. – Мн. – М., 2001.

73. Яснополянский сборник-2006. - Тула, 2006.
74. Ячевский В.В. Общественно-политические и правовые взгляды Л.Н. Толстого. Воронеж, 1983.
75. *Sub specie tolerantiae*. Памяти В.А. Туниманова. – СПб., 2008.

